

КИМ ЧЖУНХЁК ВАША ТЕНЬ ПОНЕДЕЛЬНИК

ГИПЕРИОН

КИМ
ЧЖУНХЁК
ВАША
ТЕНЬ
ПОНЕДЕЛЬНИК

роман

Перевод с корейского Г. Н. Ли

Ким Чжунхёк родился в 1971 г. Окончил факультет корейского языка и литературы университета Кемён. В 2000 г. начал свою писательскую карьеру. Он является автором сборника рассказов «Библиотека музыкальных инструментов», получившего признание российских читателей, а также романов «Зомби», «Мистер Монорельс». Писатель получил известность не только как романист, но и как автор многочисленных эссе на самые разные и подчас неожиданные темы. У себя на родине Ким Чжунхёк стал лауреатом нескольких престижных литературных премий.

Основой сюжета детективного романа «Ваша тень понедельник» является так называемый «делитинг» — процедура полного удаления информации и личных вещей клиента после его смерти. В Корее говорят, что после смерти тигра остается его шкура, а после смерти человека — его имя, поэтому свою репутацию приходится защищать даже с того света, и это занятие далеко не всегда безопасно...

ISBN 978-5-89332-355-9

9 785893 323559

СОВРЕМЕННАЯ КОРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

КИМ ЧЖУНХЁК

ВАША
ТЕНЬ
ПОНЕДЕЛЬНИК

роман

Перевод с корейского Г. Н. Ли

ГИПЕРИОН

Санкт-Петербург
2020

ББК 84(5Кор)
К40

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Культурного фонда «Дэсан»*

Ким Чжунхёк

К40   Ваша тень понедельник : роман / Ким Чжунхёк : пер.
с кор. Г. Ли. — СПб.: Издательский Дом «Гиперион», 2020. —
272 с. — (Серия «Современная корейская литература». XXV).
ISBN 978-5-89332-355-9

Основой сюжета детективного романа «Ваша тень понедельник» является так называемый «делитинг» — процедура полного удаления информации и личных вещей клиента после его смерти. В Корее говорят, что после смерти тигра остается его шкура, а после смерти человека — его имя, поэтому свою репутацию приходится защищать даже с того света, и это занятие далеко не всегда безопасно...

ББК 84(5Кор)

Для читателей старше 16 лет.

YOUR SHADOW IS MONDAY
Copyright © 2014 by Kim Jung-hyuk
© Г. Ли, перевод, 2020
© Издательский Дом «Гиперион», 2020
All rights reserved

ISBN 978-5-89332-355-9

**ВАША
ТЕНЬ
ПОНЕДЕЛЬНИК**

Тяжелый запах царил в Аго-билдинге. Он был везде: казалось, строение дышало им. Описать его словами было затруднительно, источник был неясен. В подвальном ресторанчике, в магазине хозяйственных товаров на первом этаже, в спортзале школы хапкидо* на втором, на крыше — вы неизменно его ощущали. При входе с улицы он воспринимался как неприятный, но спустя какое-то время вы к нему привыкали.

Однажды кто-то объяснил этот феномен. Он сказал, что такой запах может возникнуть, если в течение пятидесяти лет держать под землей мусор, трупы животных, плесень, человеческий пот и покрытые ржавчиной механизмы. Люди из здания Аго-билдинга не возражали, лишь согласно покивали головами.

Менее всего он ощущался на четвертом этаже, где сталкивался с наружным воздухом. В погожий день запах отступал, но в дождь или при повышенной влажности захватывал этаж.

---

*Хапкидо — адаптированное в Корее японское боевое искусство айкидо, ориентированное на обезвреживание вооруженного противника, нападающего с мечом, кинжалом, палкой и т. д. — синтез боевых искусств, философии и религиозных убеждений. Хапкидо, как и айкидо, акцентируется на слиянии с атакой противника и перенаправлении энергии атакующего. Хапкидо придает особое значение тренировкам сознания, управляемого расслабления и развития «духа» и энергии «ки». *Здесь и далее примечания переводчика.*

На этаже были две комнаты. Хозяина помещения 4-В звали Ку Дончи. На железной двери на уровне груди имела табличка, гласящая: «Офис Ку Дончи». А над ней, на уровне глаз, была предостерегающая надпись: «Без стука не входить!». Ку Дончи полагал, что, если посетитель поднялся на четвертый этаж, очевидно, что тот направляется к нему, поэтому надпись-предупреждение надо помещать на самое видное место. Ибо Ку Дончи не терпел, чтобы к нему входили без стука. Но люди упорно норовили так поступить, поэтому большую часть времени дверь в его офис была заперта изнутри.

Вся обстановка в офисе состояла из железного письменного стола, очень дорогого с виду большого кресла с откидывающейся назад спинкой, несгораемого шкафа высотой с человека да стоящих вдоль одной стены раскладушки и узкого платяного шкафа шириной чуть меньше метра. Внутри аккуратно висели три черные куртки одинакового покроя, десять футболок черного цвета без рисунка и джинсы в количестве трех штук. На письменном столе стояла миниатюрная магнитола с одним динамиком, Ку Дончи ласково называл ее «Одноглазка». Когда он бывал в офисе, из нее звучали записанные в монозвучании арии итальянского тенора двадцатых годов. Ку Дончи нравился исходившей из магнитолы шипящий звук, заполнявший пустой офис. Тяжелый и неприятный запах, витавший в воздухе, хорошо гармонировал с шипением магнитолы.

Ку Дончи больше всего любил, положив ноги на стол, закинув их одну на другую и откинувшись в кресле, читать тайные документы клиентов под звуки арий из магнитолы. Когда заканчивалась одна ария, он откладывал чтение и ждал начала другой, пристально уставившись на магнитолу. На те несколько секунд ожидания мир для него становился тихим и печальным. Лишь после того как начиналась другая запись, он возвращался к чтению.

Порой, когда содержание читаемого документа каким-то образом связывалось с лившейся мелодией, Ку Дончи начинал напевать себе под нос вслед за тенором. В такие минуты ему нравился собственный низкий голос. Арии обладали способностью облагораживать любую неприглядную историю.

Сквозь голос тенора послышался стук в дверь. Ку Дончи не пошевелился, продолжая сидеть с закрытыми глазами. Лишь его губы, следовавшие певцу, продолжали чуть двигаться. Если бы не стук, казалось бы, что все вокруг погружено в сон. Через открытое окно слышались крики играющей ребятни. Вот уже часа три эти паршивцы носятся как заведенные и орут.

Когда стук повторился, Ку Дончи нехотя открыл глаза, убавил звук «Одноглазки», встал и направился к двери. Подойдя, он приложился к ней ухом, но из-за чертовых детей не мог ничего расслышать. Отперев замок, Ку Дончи осторожно приоткрыл дверь.

— Это офис Ку Дончи? — послышался гнусавый мужской голос.

За дверью обнаружился мужчина лет пятидесяти, ростом под 170 сантиметров, в очках с тонкой оправой — видимо, плохое зрение. И ринит, судя по тому, как говорит в нос. Два больших пигментных пятна на лице, небольшое ожирение. Дешевый пиджак темно-синего цвета, под ним — недорогая белая сорочка.

Ку Дончи молча ткнул пальцем на табличку с надписью «Офис Ку Дончи».

— Можно войти? — нерешительно спросил мужчина.

— Вы по какому делу? — спросил его Ку Дончи, продолжая придерживать дверь.

— Я хочу быть удаленным.

— Что значит «быть удаленным»?

— Мне сказали, что если я скажу так, вы поймете. Правильно?

— Ну что ж, проходите для начала.

— Значит, я пришел по верному адресу? — обрадовался мужчина.

Ку Дончи вместо ответа изобразил приветливую улыбку. Он раскрыл стоявший в углу небольшой складной стул и поставил перед письменным столом. В контрасте с большим дорогим креслом складной стул выглядел маленьким и неказистым. Ку Дончи это не волновало. Человек, который долго сидит, должен использовать хорошее кресло, а тому, кто пришел ненадолго, любое сиденье сойдет. Пришедший

осторожно опустил на кажущуюся хлипкой конструкцию и крепко уперся ногами в пол.

Ку Дончи выключил мурлыкающую «Одноглазку». Словно дождавшись, дети внизу завопили с удвоенной силой. Он встал и закрыл окно. Стало намного тише, но от того, что перестал поступать свежий воздух, начал усиливаться неприятный запах. Вытащив из ящика стола спрей-освежитель воздуха, Ку Дончи распылил его.

— Ну что ж, давайте поговорим о ваших проблемах, — сказал Ку Дончи, бросив спрей обратно в ящик. Подтянув к себе кресло, он устроился в нем.

— Я слышал, вы удаляете любую информацию, находящуюся в открытом доступе в Интернете.

— Если вы так слышали, значит, так оно и есть.

Мужчина тихим голосом нерешительно выдавил:

— Я... На самом деле... Я пришел посоветоваться с вами о делитинге*.

У Ку Дончи сверкнули глаза.

— Кто вам сказал про делитинг? — резко спросил он.

— Разве не следует держать в секрете имя рекомендовавшего человека?

— Делитинг — исключение. Я должен знать, кто вам сказал об этом. Я не могу взяться за дело, не зная деталей. Вы согласны со мной?

— Я не уверен, следует ли мне рассказывать.

— Можете не рассказывать. Вы можете молча встать и уйти. Вас проводить до двери?

— Я могу лишь сказать вам, господин, что это ваш клиент.

— Не называйте меня господином. Так кто вам меня посоветовал?

— Как же тогда я должен к вам обращаться?

— Зовите меня Ку Дончи.

— Редкое имя.

— Ну, не такое уж оно редкое, чтобы уставиться на меня, округлив глаза. Я вот не знаю, как вас зовут. Ну, так кто же он?

— Ли Ёнмин. Обычное имя. Да, кстати, это не ее имя, это меня зовут Ли Ёнмин.

---

*Под словом «делитинг» имеется в виду транскрипция английского слова «deleting», означающее «удаление», «исключение», «изъятие».

— Какие у вас отношения с госпожой Хан Юми?

— Как вы узнали, что мне о вас рассказала госпожа Хан Юми? — удивленно спросил Ли Ёнмин.

— Она у меня единственная женщина-клиент. Итак, какие у вас с ней отношения?

— Мы ходим в один теннисный клуб. Других отношений нет.

Ку Дончи замолчал. Сделал несколько отметок в блокноте.

С Хан Юми Ку Дончи тоже познакомился в теннисном клубе. Возможно, в том клубе уже он встречался и с Ли Ёнмином, проходя мимо. Мысль, что Ли Ёнмин тоже мог навредить справки, была неприятной. Ку Дончи старался максимально скрывать данные о себе, но при этом стремился получить максимум сведений о потенциальном клиенте.

— Как называется этот теннисный клуб? — спросил Ку Дончи словно мимоходом.

— Он называется «Noble Club», построен совсем недавно, — Ли Ёнмин по-прежнему упирался ногами в пол, явно не доверяя ненадежному сидению.

Ку Дончи выдохнул с облегчением. С Хан Юми они встречались в другом клубе.

— Что еще сказала госпожа Хан Юми, рекомендуя меня?

— Однажды после игры мы зашли в ближайший бар. Госпожа Хан Юми пила японское пиво, а я — солодовый виски. Вообще-то мне нравится «Стратайла»*, но я подумал, что для беседы лучше подойдет виски со льдом, к тому же мне нравится звук тающего льда...

Слушая его рассказ, Ку Дончи подумал, что Ли Ёнмин слишком грузит несущественными подробностями. Конечно, мелочи тоже бывают важны, но сейчас создавалось впечатление, что Ли Ёнмин стремится утопить собеседника в деталях. Ку Дончи скрестил руки на груди и тихо вздохнул.

— Основной темой нашей беседы были разговоры об информации, содержащейся в Интернете, — продолжал между тем Ли Ёнмин. — Но в какой-то момент госпожа Хан Юми стала говорить об удалении подобных сведений из открытого доступа. Конечно, в начале разговора она не использовала слово «делитинг». Но потом она внезапно, без всякой связи,

---

* Сорт шотландского виски.

спросила: «Господин Ёнмин, у вас есть дела, которые вы обязательно хотели бы успеть выполнить до того, как умрете?»

— Вижу, мы подходим к сути.

— Да, нельзя ли стакан воды перед тем, как я приступлю к основной части разговора?

— Оглянитесь вокруг. Вы видите где-нибудь емкость для воды?

— Господин... простите, Ку Дончи, а вы разве не пьете воду?

— Я поднимаюсь сюда, утолив жажду внизу. Здесь место, куда запрещена доставка продуктов питания.

— Извините, есть ли причина для этого?

— Это принцип. За исключением человека, никто и ничто не может войти сюда. Даже если вода или водка захотят войти в это помещение, они должны принять облик человека. Короче говоря, в этой комнате нет воды. Итак, давайте приступим к главному.

Ли Ёнмин облизал языком сухие губы и вытер их рукой. Было прохладно, но на его лбу выступила испарина.

— Когда она меня спросила, есть ли у меня дело, которое я хотел бы непременно сделать перед тем, как умереть, на мгновение я растерялся. Вообще-то это был простой вопрос. Но в тот день этот невинный, в общем-то, вопрос очень взволновал меня. Госпожа Хан Юми спросила меня так, словно знала, когда я умру. На мгновение у меня по спине пробежали мурашки. Не знаю, возможно, это было из-за виски. Но мой организм устойчив к алкоголю, я могу спокойно выпить полбутылки солодового и не опьянеть. Еще там, в баре, я задался вопросом: а что я действительно хотел бы завершить до смерти? Оказалось, что у меня есть то, что мне совсем не хотелось бы показывать другим людям, и таких вещей было немало. К своему удивлению я обнаружил, что, если завтра мне случится внезапно умереть, у большого числа людей в связи с этим могут возникнуть проблемы и неприятности...

В это время раздался стук в дверь, прервавший рассказ Ли Ёнмина. Он вопросительно посмотрел на Ку Дончи, молча ожидающего повторения. Вместе со вторым стуком послышался мужской голос:

— Господин Ку, это я, Пяк Гихён, из магазина хозтоваров. Вы здесь?

Ку Дончи, поглаживая мочку уха, слегка поморщился, но ничего не ответил.

— Господин Ку, возникло срочное дело. Вы здесь?

Пяк Гихён постучал сильнее.

Когда Ку Дончи открыл дверь, сначала ворвался холодный воздух, следом вошел Пяк Гихён.

— А, вы здесь. Ой, простите, у вас, оказывается, гость, — спохватился он, увидев Ли Ёнмина.

— Что случилось? — спросил Ку Дончи голосом, в котором проскользнуло скрытое недовольство.

— Нет, это не срочно... Хотя нет, дело срочное, но раз у вас клиент, может быть, мне зайти попозже?

— Все в порядке. Говорите.

— Господин Ку, вы должны рассудить нас... Этот негодник Ча со второго этажа, тренер по хапкидо, такой упрямый, что я скоро охрипну от споров. Господин Ку, вас он наверняка послушает, но, если вы заняты, ничего не поделаешь.

— Ничего, если я спущусь минут через десять?

— Да, конечно, спускайтесь, когда освободитесь. Я буду ждать вас внизу. Вам достаточно вынести всего лишь короткое решение по нашему спору.

Пяк Гихён, неестественно широко улыбнувшись, словно кто-то нарочно растянул его рот, вышел и осторожно затворил за собой дверь. Если посмотреть на него издали, маленьким ростом и развитым торсом он был похож на гимнаста: у него было крепкое тренированное тело, сформированное разнообразным физическим трудом. Что касается его лица, то оно не соответствовало его крепкому телу взрослого мужчины, в нем все еще сохранялось что-то мальчишеское. Он явно был старше Ку Дончи лет эдак на двадцать...

Прошло уже два года с тех пор, как он начал называть Ку Дончи «господином Ку». Один инспектор из районного управления, явно напрашиваясь на взятку, не давал Пяк Гихёну житья, придираясь по разным мелочам к оборудованию, установленному в магазине. Ку Дончи разрешил эту проблему. Собрав информацию по инспектору, он отправил ему короткое письмо. Единственным, кто знал об этом, кроме Ку Дончи, был Пяк Гихён. Конечно, ему хотелось узнать содержание того письма, но он не решился расспросить. После этого случая он сначала обращался к Ку Дончи «господин Ку Дончи», но потом, попробовав несколько раз,

перешел к «господину Ку», посчитав это хорошим компромиссом.

Пяк Гихён начал вприпрыжку сбегать по лестнице, ставя носки наружу. На втором этаже его внимание привлек шум в спортзале. Он остановился и украдкой заглянул туда. Внутри занимались примерно полтора десятка мальчишек. Одни из них, повиснув на мешке с песком, видимо, изображали из себя Тарзана, другие выполняли акробатические упражнения, третьи тренировались: они пробежали мимо друг друга и методично отрабатывали удары ногой, сопровождая это резким «Ки-я!». «Вот уж действительно: каков учитель, таковы и ученики. И какому, спрашивается, боевому искусству можно научиться в таком месте?» — мелькнуло у Пяк Гихёна в голове. Покачав головой и осуждающе поцокав языком, он пошел дальше.

Тренер по занятиям хапкидо Ча Чольхо, одетый в добоги*, сидел на пхёнсане, низкой деревянной такте, выставленной перед магазином хозяйственных товаров, и пытался успокоиться. Завидев Пяк Гихёна, он резко поднялся с места. Даже издали глядя на его широкие плечи, густые брови, довольно толстые губы, накачанную шею, можно было понять: он — спортсмен. В его теле, казалось, не было ни капли жира.

— Ну что он, спустится? — спросил Ча Чольхо, взявшись обеими руками за пояс добоги.

— Просил обождать. Сейчас у него сидит клиент. Сказал, что придет минут через десять.

— Почему вы так долго ходили? Небось настраивали господина Ку против меня?

— Ты что несешь? — громко возмутился Пяк Гихён. — Да в моем возрасте, считай, я слетал туда и обратно быстрее пули.

— Если бы на свете существовали только такие пули, никто бы не умер на полях сражений, — съязвил в ответ Ча Чольхо.

— Что ты сказал? Ну-ка повтори, негодник! — возмутился Пяк Гихён.

— Ачжоси**, вы долго еще будете мне «тыкать» и называть «негодником»? Мне, между прочим, уже тридцать лет.

---

* Форма для занятий хапкидо.

** Ачжоси — обращение к старшему по возрасту мужчине. Однако в настоящее время это слово имеет гораздо более широкий смысл: так могут обратиться не только к старшему по возрасту, но и к младшему, а также к незнакомому мужчине, независимо от возрастной разницы.

Давайте-ка немного уважать друг друга и жить согласно принципу инчжамучжок*. Мастера боевых искусств живут согласно этой поговорке.

— Я ничего не имею против мастеров. Но каким, извини меня, боком мастером боевых искусств может называть себя человек, собравший в спортзале щенков с округи и собирающий с них деньги, перемазанные их соплями? Что ты еще можешь выдать, кроме своего «инчжамучжок»?

— Вы сейчас оскорбляете меня? — возмутился Ча Чольхо.

— Да, оскорбляю. И что ты мне сделаешь, негодник? — с вызовом сказал Пяк Гихён. Демонстративно отвернувшись, он плюхнулся рядом на пхёнсан.

Осенний ветер проник в рубашку через ворот, обдав холодом тело. Пяк Гихён сразу продрог. Ча Чольхо пристально глянул на Пяк Гихёна, но тот уставился на осеннее небо и протянул:

— Да-а-а, отли-и-ичная пого-о-ода.

Ча Чольхо тоже посмотрел вверх. Кучевые облака быстро проплывали по небосклону, ветер гнал их вдаль.

— Так ты что, хочешь сказать, что я вмешиваюсь в твою частную жизнь? — снова завел свое Пяк Гихён. — Я устанавливаю его в своем доме, какое же это вмешательство?

Они препирались так уже битый час.

— Вы же снимаете улицу, — попробовал возразить ему Ча Чольхо.

— Я должен снимать ее, потому что на ней находятся мои товары. Это тоже мое личное дело, — упорствовал Пяк Гихён.

— А-а, что с вами говорить, — отмахнулся Ча Чольхо. И замолчал.

Со стороны они выглядели мирно беседующими братьями.

Перед зданием Аго-билдинга постоянно дули ветры. Оно стояло на пересечении трех небольших дорог — одна из них уходила в гору, там не было других зданий, преграждающих путь ветрам.

---

*Принцип, выражаемый поговоркой на ханмуне (корееизированный китайский язык) «У доброго человека нет врагов» (произносится как «инчжамучжок»).

Самым прохладным местом в районе был переулок метрах в пятидесяти от Аго-билдинга. С наступлением жары пожилые люди, жившие по соседству, имели обыкновение приходить сюда, захватив с собой стулья. В самый разгар лета после обеда переулок этот являл собой причудливое зрелище, снимок которого, сделанный каким-то профессионалом, даже завоевал первое место в конкурсе «Фото сегодняшнего дня». В объектив камеры попали старушки и старики, которые, рассевшись на стульях в переулке, беспечно обмахивались веерами, рассеянно глядя вдаль.

Минут через двадцать появился Ку Дончи, вслед за ним шел Ли Ёнмин. Последний, натянуто улыбаясь, поздоровался с Ча Чольхо и Пяк Гихёном и направился вниз по переулку в сторону автостоянки, расположенной метрах в пятидесяти. Ку Дончи некоторое время смотрел ему вслед, а затем, повернувшись в сторону Пяк Гихёна и Ча Чольхо, спросил:

— Долго меня ждали? Что случилось?

Те одновременно встали с пхёнсана.

— Господин Ку, прошу вас, выслушайте меня внимательно, — Пяк Гихён начал первым. — Да, кстати, господин Ку, просил ли я, когда поднялся к вам наверх, чтобы вы встали на мою сторону? Просил или нет?

— Нет, не просили.

— Эй, вы могли об этом сговориться заранее, — возразил Ча Чольхо.

— Негодник, да какого ты вообще мнения о господине Ку, если позволяешь себе такие слова? Ты думаешь, что наш справедливый господин Ку обманщик?

— Ладно-ладно, — примирительно сказал Ча Чольхо. — Я вам верю.

— Попробуй еще один раз сказать такое о господине Ку! Я вырву твой язык и повешу его на веревке для белья на крыше, — не дожидаясь ответа, Пяк Гихён повернулся к Ку Дончи. — Господин Ку, тут вот какое дело. С недавнего времени я стал недосчитываться веников, которые я выставляю перед магазином. Месяц назад я установил камеру наблюдения.

— Господин Ку, скажите, вот разве можно где попало устанавливать камеры наблюдения? — возмущенно перебил Пяк Гихёна Ча Чольхо. — Разве это не посягательство на частную жизнь?

— Эй, ты можешь помолчать, когда я излагаю суть дела? — раздраженно сказал Пяк Гихён. — Господин Ку, вы его не слушайте. Я установил камеру лишь для того, чтобы поймать вора. Прошел месяц, и вот сегодня днем появилась поразившая меня видеозапись.

— Что за запись? — спросил Ку Дончи.

— На ней видно, как два щенка в добоги ошиваются перед магазином, а затем внезапно быстро убегают, держа что-то в руках. Как вы думаете, если они были в добоги, кто они? Я сразу понял, что они из школы хапкидо.

— Ачжоси, изображение ведь нечеткое, — снова возмутился Ча Чольхо. — Там не разобрать, что они украли, так ведь?

— Нормальная там запись! — возразил ему Пяк Гихён.

— Нет, нечеткая, — уверенно заявил Ча Чольхо. — Качество записи столь отвратительное, что нельзя хорошо различить лица детей, и не видно, что, убегая, они уносят что-то с собой.

— Да, но именно из-за размытости записи нельзя этого и отрицать, — с готовностью согласился Пяк Гихён.

Ку Дончи, послушав их некоторое время, тяжело вздохнул.

— Господин Ку, — обратился к нему Пяк Гихён, — давайте лучше зайдем в магазин и посмотрим запись. Вам сразу станет ясно, что я имел в виду.

Он схватил за руку Ку Дончи и потянул за собой. Тот нехотя вошел за ним в магазин, следом — Ча Чольхо.

Пахло здесь особенно отвратительно. Дыхание здания Аго-билдинга смешивалось здесь со сложным букетом запахов средств бытовой химии, пластмассы и металла. Ку Дончи удивлялся, как Пяк Гихён может работать в такой атмосфере. Каждый раз перед тем, как войти в магазин хозтоваров за чем-нибудь необходимым, Ку Дончи задерживал дыхание, предвзвешивая глубоко вдохнув.

Внутри магазина находилась комнатуха, в одном из углов на полу стоял монитор. Пяк Гихён присел и включил его. На экране медленно проступила картина перед магазином. Качество изображения было ужасным. Появились два мальчика. Кое-как можно было разглядеть, что они были одеты в добоги и бегали взад-вперед перед магазином. Изображение на экране часто прерывалось. Частота кадров была слишком низкой, поэтому трудно было проследить за

движениями мальчишек. Поиграв немного, они вдруг быстро убежали куда-то за пределы кадра.

— Вы видели? — торжествующе сказал Пяк Гихён, глядя снизу вверх на Ку Дончи.

— Картинка нечеткая, — ответил Ку Дончи помолчав.

— Но видно же, как ребята внезапно убегают, держа что-то в руках.

— М-м-м... По этой картине нельзя сказать ничего определенного, — сказал Ку Дончи. — Что-нибудь из вещей пропало в этот раз?

— Я еще не знаю, товаров выставлено очень много. Но я замечу, что такое случалось уже не раз и не два.

— Эй, постойте, доказательств-то ведь нет, ачжоси, — снова возмутился Ча Чольхо.

Ку Дончи вышел на свежий воздух подумать. Вонь сбивала с мысли. Пяк Гихён и Ча Чольхо тоже вышли вслед за ним.

— Директор Пяк, судя по этой записи, трудно утверждать, что мальчики совершили кражу, — сказал Ку Дончи.

При этих словах Пяк Гихён недовольно нахмурился.

— Вот видите, ачжоси, — радостно сказал Ча Чольхо. — Я же говорил, что изображение с таким качеством не может служить доказательством.

— Тренер Ча, вы тоже поговорите с ребятами, — сказал Ку Дончи, обращаясь к нему. — Скажите им, что камера в магазине хозтоваров зарегистрировала что-то непонятное с их участием. Заодно предупредите их о системе видеонаблюдения, чтобы впредь они не вздумали что-либо украсть.

— Господин Ку, мои ребята совершенно не такие. Я все время учу их порядочности и чести мастеров боевых искусств.

— Я вам верю, — сказал Ку Дончи. — И все же предотвращение кражи лучше, чем подозрение в ней.

При этих словах Ча Чольхо, кивнув головой в знак согласия, сказал:

— Да, господин Ку, я вижу, что недаром о вас говорят столько хорошего. Вы это красиво сказали: «Предотвращение кражи лучше, чем подозрение». В следующий раз, когда я буду учить ребят порядочности, я непременно скажу им эти слова. Господин Ку, я скажу им, что это ваши слова.

— Нет, не стоит.

— Если вам не хочется, чтобы я им говорил, что это ваши слова, как вы посмотрите на то, что я скажу об этом чуть по-другому?

— И как же? — спросил с интересом Ку Дончи.

— Я скажу им, что инчжамучжок — предотвращение появления врага. У доброго человека нет врагов, поэтому тот, кто предотвращает их появление и нападение, не вызывает никаких подозрений.

— Что, опять все упирается в инчжамучжок? Да я вижу, ты совсем сошел с ума, — воскликнул Пяк Гихён.

Ча Чольхо что-то возразил, но в это время внимание Ку Дончи отвлек завибрировавший в кармане брюк мобильный телефон. Всего несколько человек знали этот номер. Звонок означал только одно — возникло срочное дело.

Ку Дончи отвлекся от отчаянного спора мужчин и принял звонок. Пяк Гихён и Ча Чольхо замолчали, увидев, как он изменился в лице. Ку Дончи большую часть времени слушал, иногда коротко отвечая.

— Извините, но мне надо уйти, — сказал он, закончив разговор.

— Конечно, конечно, господин Ку, — быстро проговорил Пяк Гихён, кивая. — У вас, кажется, возникло срочное дело.

— Да, возникло. Сможете дальше сами разобраться с вашей проблемой?

— Да, разумеется, ни о чем не беспокойтесь.

Ку Дончи кивнул, повернулся и побежал. В кроссовках шаг был легким, упругим и энергичным. Стоял солнечный день, от зданий возвращались звуки эха, похожие на удары скалки по белью. Он направлялся к автостоянке. Как и большинство обитателей района, он парковался там. Местным это обходилось в полцены от установленного тарифа.

— Видимо, где-то совершено убийство, — пробурчал под нос Пяк Гихён, словно разговаривая с самим собой, глядя вслед Ку Дончи.

— Господин Ку был полицейским? — с удивлением в голосе спросил Ча Чольхо.

— Да, был. Люди говорят, что он был очень крутым полицейским, но в настоящее время он... Забыл, как же его называют, дай-ка вспомнить... Ах да, в настоящее время он — лицензированный частный детектив. Видно же сразу,

что он обладает хорошей реакцией и, скорее всего, неплохо дерется.

— Да, сразу видно. Хотя он и не мастер боевых искусств, тело у него крепкое, мускулистое.

— Ты хочешь сказать, что сходу видишь мастера?

— Да, сходу. Мастер по боевым искусствам сразу узнает другого мастера.

— Ой не смейся, — насмешливо сказал Пяк Гихён. — Это ты-то мастер боевых искусств?

— Прошу вас, поднимитесь как-нибудь в дочжан*, — спокойно сказал Ча Чольхо, не обращая внимания на его насмешливый тон. — Я вам докажу это. Если не сможете прийти сами, пришлите своего сына.

— С какого это такого перепуга я пошлю туда своего драгоценного сына?

— Прошу вас, поднимитесь хотя бы раз. Вы узнаете, что такое настоящее боевое искусство.

— Я не могу пойти, мне нужно поймать вора в добоги, — сказал Пяк Гихён, делая акцента на слове «добоги», имея в виду кого-то из ребят Ча Чольхо.

— Черт, опять вы за свое. Ну хорошо, — примительно сказал Ча Чольхо, — я допускаю, что кто-то из моих ребят мог напроказить. Но обещаю вам, что в будущем такое не повторится. И вот еще что: вечером я угощаю вас выпивкой.

— Что, правда? — недоверчиво спросил Пяк Гихён.

— Да, правда. Мастера боевых искусств за свои слова отвечают, — с серьезным видом ответил Ча Чольхо.

— Я вижу, мастер боевых искусств не дурак выпить, — сказал довольный Пяк Гихён, любивший пропустить рюмку-другую.

В это время с автостоянки вылетел легковой автомобиль черного цвета. Взвизгнув шинами и резко просигналив, он влился в дорожный поток.

2

— Сколько раз можно говорить? Я вышел лишь покурить, — повторил Ли Канхёк.

---

* Помещение для занятий боевыми искусствами; додзё (яп.).

У него было такое выражение на лице, словно ему хотелось ударить кулаком по столешнице, но не было сил.

— Послушайте, господин Ли Канхёк, я лишь выполняю свои обязанности. Я не знаю, сколько раз и кому вы рассказывали эту историю. Поэтому говорю еще раз. Мне известно, что вы вышли покурить. И мне все равно, что вы там делали: курили, разжигали костер или устраивали вечеринку с барбекю. Но, черт вас подери, объясните мне, почему на месте преступления валялась именно ваша оторванная пуговица? — рывкнул Ким Инчхон, с силой хлопнув по столу.

Ли Канхёк, испугавшись, невольно отшатнулся.

— Возможно, она оторвалась раньше. Я несколько раз в день поднимаюсь туда, — проговорил он неуверенно.

— При этом вы старательно вертели и дергали пуговицу? Так, что ли? Нескладно как-то получается, черт возьми. Еще раз спрашиваю: почему ваша пуговица упала именно там, где вы курили?

— Наверное, потому что настало ей время оторваться и упасть.

— Как-то все у вас просто выходит. Как понимать слова «настало ей время оторваться и упасть»? Хорошо, спрошу иначе: почему ваша пуговица лежала именно в том месте? Послушайте, господин Ли Канхёк, даже у случайности есть какая-то причина.

— Господин полицейский, у вас же нет доказательств, что преступление совершено мной. Я даже не знал погибшего. И с какой стати я должен был сталкивать незнакомого мне человека? Зачем? Я, по-вашему, что, сумасшедший? Или похож на идиота?

— Сумасшедший вы или идиот, я не знаю. Но по ходу расследования и это выяснится.

— Нет, я действительно сойду с ума.

— Итак, по словам свидетеля, вечером, в шесть часов двадцать восемь минут господин Пэ Донху падает с крыши пятнадцатизэтажного здания. Естественно, сразу умирает. Когда полиция, получив от свидетеля сообщение, прибывает на место происшествия, на часах шесть часов тридцать пять минут. То есть полицейские появляются уже через семь минут. Прямо пулей прилетели, кто после этого осмелится сказать, что наша полиция всегда опаздывает? И хотя вы, господин Ли Канхёк, утверждаете, что в это время находи-

лись в офисе, расположенном на одиннадцатом этаже, по записям с камер видеонаблюдения хорошо видно, что в тот момент вас не было на рабочем месте.

— Кто следит за точным временем, когда выходит покурить?

— Сколько сигарет в день вы выкуриваете?

— Я выхожу покурить три-четыре раза.

— Обычно курильщик придерживается определенного расписания. Я могу предположить, что вы выкуриваете одну сигарету после обеда, вторую — примерно в три часа, третью — перед уходом с работы.

— Нет, я не следую такому распорядку.

— Тогда объясните мне, зачем вы пошли курить на крышу, когда все уходили с работы.

— У меня осталось много невыполненных дел, я решил остаться и еще поработать.

— Когда вы ужинали?

— Я пока не ужинал. Я хотел быстро закончить работу, затем поужинать.

— Сразу после происшествия камера наблюдения зафиксировала вас внутри лифта на пятнадцатом этаже. Время фиксации практически совпало со временем происшествия, как вы это объясните?

— Ну сколько раз вам повторять, что это не я.

— Вы действительно не были знакомы с господином Пэ Донху? Наш разговор записывается, и если впоследствии обнаружится, что вы солгали, для вас это может закончиться весьма плачевно. Вы знаете об этом?

— Мы работали в одном здании, возможно, мы могли встречаться, проходя мимо, но я никогда, ни разу не заговаривал с ним. Это правда.

В заднем кармане Ким Инчхона ожил телефон, и зазвучал недавний хит популярной девичьей группы. Знакомая мелодия и голоса, казалось, разрядили гнетущую атмосферу.

— Алло... Ясно... Все в порядке?.. Нет, я ничего не знаю ни о каком планшете... Да... Да... Нет. Вряд ли он оставил его дома. Точно... Черт, где же он мог его спрятать? — Ким Инчхон разговаривал, отойдя в угол комнаты, то и дело задумчиво поглядывая на потолок с таким выражением лица, будто пытаясь припомнить что-то еще. Видимо, он вел одновременно несколько дел. — Да, раз его нет в офи-

се, надо хорошенько поискать в других местах. Начнем с этого.

Закончив разговор, Ким Инчхон снова вернулся к столу, рывком пододвинул к себе стул и сел. Ли Канхёк украдкой глянул на него, пытаясь угадать настроение. Все время, пока Ким Инчхон разговаривал по телефону, он рассматривал снимки, разложенные на столе.

— Господин детектив, — сказал он, указывая на одну из фотографий. — Я вспомнил этого человека.

— Что вспомнили? — раздраженно сказал Ким Инчхон. — Неужто у убийцы проснулась совесть?

— Ну сколько раз можно твердить вам, что я не убивал. Я вспомнил, что видел его на крыше несколько дней тому назад.

— Когда?

— Примерно неделю назад. Это было во второй половине дня, примерно в четыре часа. В тот день шел сильный дождь. Из-за него я не мог курить там, где делаю это обычно. Когда я стоял под навесом, то слева, под большой вывеской, я заметил какого-то мужчину, который смотрел вниз, перегнувшись через перила. Он выглядел как человек, который хочет прыгнуть вниз. Меня будто внезапно озарило. Вы же знаете, как это бывает. Чем больше я смотрел на незнакомца, тем сильнее убеждался в том, что тот действительно собирается совершить непоправимое... Что я пережил в этот момент!.. «Черт, что мне делать, — билась мысль, — если он соберется бросится с крыши?! Быстро подбежать и схватить?!» Вот о чем я думал в тот миг.

Ким Инчхон достал пачку из верхнего кармана рубашки. Вынув сигарету, он зажал ее в губах, затем медленно, размышляя о чем-то, положил было пачку назад в карман, но затем снова ее вынул. Протянул Ли Канхёку. Тот после некоторого колебания взял сигарету и неуверенным голосом спросил:

— Разве можно здесь курить?

— Почему вы спрашиваете? Вы же курите?

— Разве здесь это не запрещено?

— Вы что, думаете, что, закулив здесь, мы будем застигнуты полицией и должны будем заплатить штраф? Кому мне платить, самому себе?

— Господин полицейский, вам, конечно, ничего не будет, но мне...

— Вы будете курить или нет?

Ли Канхёк решил и наклонился, чтобы прикурить. Потянуло табачным дымом. Ким Инчхон достал из ящика и поставил на стол пепельницу, Ли Канхёк курил, стараясь направлять выдыхаемый дым в сторону.

— Ага, вот вы и попались, куря в запрещенном месте! Вы знаете, что здесь установлена видеокамера, а штраф за курение в комнате для допросов составляет миллион вон*?

— Но вы же сами сказали, что здесь можно курить, — воскликнул Ли Канхёк с возмущением.

— Что, испугались? Да ладно, расслабьтесь, это была шутка. — Ким Инчхон улыбнулся. — Продолжайте.

Помедлив, Ли аккуратно положил сигарету в желобок пепельницы и продолжил рассказ:

— Мне показалось, что он рыдал. Шел очень сильный дождь, но он стоял там под дождем и рыдал.

— Рыдал?

— Да, он дрожал.

— Вы уверены в этом?

— Я точно не уверен, но мне так показалось. Лицо тоже было немного искажено гримасой. Из-за дождя я не мог точно разглядеть его, но мне кажется, это был человек с фотографии.

— Нет, слово «кажется» здесь не подойдет.

— Господин полицейский, но ведь и вы все время говорите мне, что вам кажется, будто это я убил.

— Черт, вам палец в рот не клади. Поймали на слове.

— Он простоял так примерно минут пять, затем направился к эвакуационному выходу. Я докурил, затем, сам не знаю почему, подошел к тому месту, где он стоял под вывеской, и посмотрел вниз.

— И что вы там увидели?

— Я увидел, что очень высоко, что еще я мог увидеть.

— Это все?

— Я подумал, что, если спрыгнуть с такой высоты, сразу умрешь, разбившись в лепешку.

— Да что вы говорите!.. Лучше создайте новый жанр литературы и назовите его «рассказы об очевидном», — равно-

---

*Корейская денежная единица.

душно бросил Ким Инчхон, что-то быстро строча в записной книжке.

Со стороны это выглядело так, словно он рисовал, а не писал. Кончик его ручки то уходил вверх, то падал вниз. Ли Канхёк осторожно взял дымящую недокуренную сигарету и глубоко затянулся. Кинул взгляд на Ким Инчхона. Тот продолжал писать. Ли Канхёк с удовольствием выпустил струйку дыма. Не выпуская сигарету, глянул на часы. Те показывали 22:30. Ли Канхёк ощутил, как наваливается усталость. Покачал головой вправо-влево, а затем вперед-назад, разминая затекшие мышцы шеи.

3

Пак Чаниль, директор и шеф-повар ресторанчика «Аромат Сицилии», находившегося в подвале Аго-билдинга, каждый день после работы поднимался на третий этаж в интернет-кафе. Только так — за компьютерной игрой, откинувшись на стуле, с сигаретой во рту отчеркивал он прошедший рабочий день. Пак Чаниль предпочитал короткие игры. У него не было времени надолго погружаться в игровой процесс. Он стремился к быстрому разрешению, как это бывает в спортивных состязаниях или драке. Ему нравились игры-поединки, где герои сражались между собой.

Пак Чаниль попробовал, не спеша, вспомнить лица сегодняшних посетителей. Большинство из них были малоприятными людьми. Он припомнил жлоба, который вел себя так, будто он один, громко чавкающую тетку, хмыря, то и дело требовавшего дополнительно бесплатного хлеба, мужиков, которые городили несусветную чушь о дешевом вине, потчужа им сидевшую с ними дамочку.

Заняв в продымленном зале для курящих место с номером «1» на стуле и дождавшись появления на экране бейсбольного мяча, Пак Чаниль нажал «Enter» и мысленно ударил кулаком и ногой в сторону появившихся бейсболистов. Если бы не было компьютерных игр, возможно, такие удары он наносил бы в реальной жизни. Иногда во время работы он воображал, как замахивается бейсбольной битой на посетителей ресторана или наносит удар ногой кому-то

из них. Он представлял, как красные капли крови пятнают белоснежную скатерть стола.

После одиннадцати часов вечера интернет-кафе пусто. Молодыня уходил домой, оставались лишь действительно взрослые. Хотя что значит взрослые: в основном тут коротали время те, кому было некуда или незачем идти, да игроманы. Не отрываясь от экрана, куря одну сигарету за другой, люди полностью забывали о реальности, машинально поглощая фастфуд и сладости.

— Эй, Пиниль, — крикнул Пак Чаниль в сторону кассы, — сваргань-ка мне чашку лапши.

Ли Пиниль был студентом, подрабатывавшим в интернет-кафе с семи вечера до семи утра следующего дня и отвечавшим за его работу, одновременно обслуживая клиентов. Он знал тонкости прохождения установленных игр и мог справиться и с небольшими компьютерными проблемами. Пиниль мечтал стать актером, днем занимался в театральной группе, но лучше, чем кто-либо, понимал, что актерского таланта у него нет. За исключением густых бровей, не вязавшихся с мелкими чертами лица, у него была самая заурядная, без особых примет, внешность.

— Что это за повар, извините меня, который каждый день питается фастфудом, — с иронией сказал Ли Пиниль. Он залил кипятком концентрат и поставил миску рядом с клавиатурой.

Ли Пиниль хорошо знал вкусы повара — пряный суп с лапшой и морепродуктами, куда он добавлял сырое яйцо и немного жареного кимчи*.

— Ничего-то ты не понимаешь, студент. Именно лапша — идеальная пища.

— И в чем же ее идеальность? — иронично поинтересовался Ли Пиниль.

— Что тут непонятного? Внешне она гладкая и грациозно скользящая, разве это не идеально?

— В моих глазах она не выглядит идеальной пищей.

— Студент, ты не видишь этого, потому что ты не повар... Вот зараза, почему этот гад такой быстрый? — вдруг со зло-

---

*Блюдо, представляющее собой соленье из остро приправленной квашеной капусты, редьки и других овощей.

стью выкрикнул Пак Чаниль. Он глядел на экран, видимо, проиграв виртуальному противнику.

— Чтобы победить этого «гада», начинайте с отвлекающей атаки.

— Кулаком?

— Да, а дальше с разворота бейте ногой в голову.

— Что, от атаки ногой с разворотом тут вообще нельзя защититься?

— Можно, хённим*, просто вы долго реагируете.

— Эй, студент, следи за словами. Как ты смеешь говорить, что я медлю? Лучше скажи, не вышла ли новая версия игры?

— Пока нет.

— Ясно, спасибо. Ладно, если появится что-то непонятное, подзову еще раз.

— Раз это идеальная пища, желаю вам идеального аппетита, — сказал, ухмыляясь, Ли Пиниль.

Только он вернулся к кассе, как услышал, что кто-то поднимается по лестнице.

Стеклянные двери открылись, и в интернет-кафе вошел Ку Дончи. Ли Пиниль спросил, рефлексивно вставая:

— Пришли?

— Привет, шеф-повар. Пак здесь?

— Да, долбит по клавишам с одиннадцати вечера, — сказал с улыбкой Ли Пиниль и добавил, — поедая «идеальную» пищу.

— Что еще за «идеальная» пища? — с нотками удивления и любопытства в голосе спросил Ку Дончи.

— Входите и увидите сами, — продолжая улыбаться, ответил Ли Пиниль.

Ку Дончи открыл дверь в зал для курящих и вошел. В помещении было до такой степени накурено, что хоть топор вешай.

— Шеф-повар Пак, — тихо позвал он.

— Пришел?

— Да. Как ты можешь тут находиться?

— Такая обстановка мобилизует.

— Не мог бы уделить мне минутку?

— Ну, спрашивай.

---

*Обращение брата к старшему брату, сестры к старшей сестре, к знакомому человеку старшего по возрасту.

— Здесь нечем дышать.

— Ладно, подожди меня чуток снаружи. Я сейчас, только этих гадов уделаю.

Ку Дончи вышел и закрыл дверь. Воздух в зале для некурящих тоже был не сказать чтобы свежим, но по сравнению с соседним помещением ощущался чистым кислородом.

Ку Дончи сел на место, находившееся ближе всего к кассе и бронированное за ним, и раскрыл ноутбук. Он никогда не оставлял ноутбук в офисе и всегда таскал с собой.

— Что случилось? — спросил Пак Чаниль, появившись минут через пятнадцать и положив на плечо детектива свою ручищу.

Как и полагается руке повара, на ней виднелись шрамы от ножа. Но, в отличие от рук других поваров, на ней имелись набитые мозоли на костяшках пальцев.

— Глянь на этот нож. Ты знаешь, кто использует такие? — спросил Ку Дончи и развернул ноутбук, чтобы Пак Чаниль смог получше разглядеть фотографию.

На экране было изображение великолепного ножа. Толщина рукоятки и лезвие были примерно такие же, как у ножа для разделки рыбы, но он отличался тем, что конец лезвия был не заостренным, а немного закругленным. Этот нож явно не предназначался для рыбы.

— Для обычного ножа он длинноват. Его длина составляет примерно сорок сантиметров, верно? — уточнил Пак Чаниль.

— Да, его длина составляет сорок три сантиметра.

— Это совершенно особая разновидность ножа. Обычно ножи для нарезки мяса тонкими слоями разделяются на два вида: их называют сасими и дэва. Ты же видел нож сасими? Это специальный нож, предназначенный для отделения мяса от костей, а дэва — для работы с костями. Как ты видишь, нож на экране похож на сасими. Но он немного шире и, как ты видишь, острое у него закруглено. Ты удивлен, верно? Ведь что такое нож? Он должен колоть, а кто будет пользоваться таким ножом?

— Ты хочешь сказать, что таким ножом никто не пользуется?

— Ты не спеши, а послушай дядю. — Он выпятил грудь и ткнул в нее пальцем. — Разумеется, раз есть такой нож, есть и люди, использующие его.

— Ладно, не тяни kota за хвост, говори быстрее.

— В семидесятых годах была создана спецкоманда «Вонсудочжан», то есть «Команда ножей вонсудо». Ты знаешь, что означает слово «вонсудо»? Это нож с закругленным кончиком лезвия. Бойцы команды «Вонсудочжан», используя вонсудо в качестве основного оружия, никогда не применяли его в бою в качестве колющего. Это противоречило их принципам и технике ножевого боя. Используя вонсудо, они могли резать, отсекалть и рубить. Но — не колоть. Этот нож на экране очень похож на вонсудо бойцов этой команды. Правда, ножи членов «Вонсудочжан» чуть длиннее — примерно шестьдесят сантиметров в длину.

— Все-то ты знаешь, — задумчиво сказал Ку Дончи не то в шутку, не то всерьез, внимательно разглядывая нож на экране.

— Ты что, забыл? Если скажут «нож», сразу вспоминают кого? Верно, Пак Чаниля. Если слышат «Пак Чаниль», то сразу ассоциируют с чем? Правильно, с ножом. Вот и ты по этой же причине спрашиваешь меня о ножах. — Пак Чаниль весело рассмеялся, очень довольный собой.

— Как ты думаешь, «Вонсудочжан» существует сейчас?

— Насколько я знаю, ее расформировали. Кто сейчас бьет-ся ножом? А где ты видел этот нож?

— Он был обнаружен на месте убийства.

— Убийца — псих.

— Почему сразу псих?

— Подумай сам. Если бы он задумал убийство, то должен был бы выбрать хороший нож с острым концом. Сейчас появилось много ножей, которые легко входят в живот и, разворотив кишки, наносят смертельную рану. А с таким ножом, чтобы убить человека, потребуется намного больше силы.

— Согласен. Спасибо за сведения.

— Ты что, подхалтуриваешь нынче? Ты же вроде не занимался убийствами.

— Нет, просто мой хороший знакомый полицейский из криминального отдела попросил узнать об этом ноже.

— Если есть брошенный нож, будет и нож в ответ.

— Что?

— Да так, ничего... Ладно, проехали. Я говорю, что одним спасибо не отделаешься. В смысле — проставляйся.

— А-а-а... Как же нам быть? Сегодня у меня срочная работа.

— Ясно. Жаль, а то ведь я знаю несколько занятных историй о том, как была расформирована команда «Вонсудочжан»... Таких историй, поверь, ты не сыщешь в Интернете... Что ж, если ты спешишь, ничего не поделаешь.

— Соблазняешь?

— Ну, для начала я лишь попробовал забросить сеть, — хитро улыбаясь, сказал Пак Чаниль.

— Завязывай с кулинарией и займись бизнесом. Уверен, ты добьешься успеха.

— Ресторан — тоже бизнес. Правда, я сейчас на грани разорения.

— Это потому что готовишь невкусно.

— Эй, полегче на поворотах! — возмутился Пак Чаниль. — Вот блин, есть же на свете бестактные типы вроде тебя!

— Ладно, пошли, — примирительно сказал Ку Дончи, — проставлюсь.

Они направились к кассе. Когда Ли Пиниль поднялся со своего места, лицо Чарли Чаплина на его футболке разглядилось и улыбнулось им.

— Эй, Пиниль, завтра перед уходом с работы зайди ко мне поужинать. Авось поймешь, что такое настоящая еда.

— Идеальная еда? — спросил, слегка улыбнувшись, Пиниль.

— Нет, вы только полюбуйтесь на этого студентку. Он что, меня ни во что не ставит как повара?

Питейным заведением, где продавали макколи* и куда часто заглядывали Ку Дончи с Пак Чанилем, был небольшой ресторанчик, находившийся в двух кварталах от Аго-билдинга, но он уже был закрыт, когда они пришли туда. Когда они отправились к другому ресторанчику, то еще издали увидели возле него двух знакомых. Это были Пяк Гихён и Ча Чхольхо.

— О, это же брат Пяк Гихён? — весело сказал Пак Чаниль.

— Что? Хочешь выпить вместе с ними? — улыбаясь, спросил Ку Дончи.

— Почему бы и нет. Тут сегодня, как погляжу, собрался весь цвет Аго-билдинга.

---

* Традиционная корейская рисовая брага с кисло-сладким вкусом.

— Ну, давай, желаю хорошо посидеть. А я поднимусь к себе, поработаю еще.

— Эй, не отрывайся от коллектива. Что торчать там наверху?

— Вот и развлекайся, шеф-повар Пак. Что касается меня, я с ними уже наговорился днем.

— О чем же вы говорили?

— Да было одно дело. И помни — за тобой рассказ о расформировании «Вонсудочжан».

— Ах да, точно. Хорошо, спускайся завтра на обед ко мне. Тогда и расскажу. Сегодня что-то настроение хреновое, не до рассказа, надо пропустить рюмку.

— А у тебя бывают нехреновые дни? — иронично улыбаясь, спросил Ку Дончи.

— Сегодня он наихреновойший. И все тянется, закончиться не может.

— Ну хорошо, пока.

— Эй, детектив Ку.

— Что еще?

— Моя еда действительно такая безвкусная?

— Нет, она очень вкусная. Это было шуткой, не бери в голову. Она у тебя настолько вкусная, что не подходит для этого района.

— Правда? — с нотками недоверия спросил Пак Чаниль.

— Правда, — серьезно ответил Ку Дончи.

— Спасибо. До завтра, — сказал повеселевшим голосом Пак Чаниль и, засунув руки в карманы брюк, направился в сторону рестораника.

Ку Дончи быстрым шагом пошел в сторону Аго-билдинга. Все окна в нем были темными, светилась лишь вывеска интернет-кафе.

Перед лестничным пролетом на стене были наклеены два небольших указателя: спортзала для занятий хапкидо и интернет-кафе. Первый гласил: «Инчжамучжок: обучишься хапкидо — исчезнут враги», а второй сообщал: «Самые лучшие компьютеры, первоклассное обслуживание. Всего 1500 вон/час». Ку Дончи стал подниматься по лестнице. Когда он миновал интернет-кафе и подошел к ведущему к офису лестничному пролету, то внезапно ощутил чье-то присутствие: изменился запах. В Аго-билдинге можно было спрятаться, но скрыть запах было нельзя. Считается, что плохой

запах вытесняет хороший, но иногда бывает наоборот — как в этом случае: хороший запах, вытеснив растворенный в здании смрад, ощущался необычайно резко. Ку Дончи уверенно шагнул в темноту, сжав кулаки. Он знал — сейчас на лестнице автоматически включится освещение.

— Господин Дончи? — раздался из темноты мужской голос.

Судя по тону голоса, у говорившего явно не было агрессивных намерений: человек, пожелавший напасть, не стал бы сначала окликать. Ку Дончи медленно расжал кулаки. Когда он сделал шаг вперед, автоматически включилось освещение, разогнав тьму. Перед дверью офиса, съездившись, сидел на корточках Ли Ёнмин. На нем была та же одежда, в которой он был днем: темно-синий пиджак, белая рубашка. Его сильно трясло. В глазах стояли слёзы. Ли Ёнмин был похож на мокрую электрическую зубную щетку, которую забыли выключить.

4

Несмотря на то, что это противоречило его принципам, Ку Дончи сходил в ближайший круглосуточный магазин, где взял для Ли Ёнмина банку горячего кофе, а для себя — две банки холодного пива. Долго стоял у витрины, раздумывая: не прикупить ли к пиву пакетик миндаля? В конце концов не стал. Миндаль нравился ему больше, чем арахис или фисташки, — от него не оставалось мусора в виде скорлупы. Ку Дончи поднимался по лестнице, стараясь, чтобы ритм его шагов совпадал со звуком стучающихся друг о друга в черном полиэтиленовом пакете банок с горячим кофе и с холодным пивом.

Ли Ёнмин притулился на складном стул для клиентов, его все еще трясло. Глядя на него сзади, Ку Дончи на мгновение ощутил жалость и сочувствие, но преодолел мгновенный порыв. Он выставил на стол банки с кофе и с пивом. Ли Ёнмин крепко вцепился в банку с горячим кофе, словно сжал чье-то горло.

— Вы у-у-уже зна-зна-знаете, что он у-у-умер? — сказал он, сильно запинаясь.

— Умер? Кто умер?

— Я го-о-ворю о ди-ди-директоре Пэ.

— Вы знали господина Пэ Донхуна?
— Да, я з-з-знал.
— Как хорошо вы его знали?
— Ди-ди-директор Пэ то-о-тоже был членом те-те-тен-нисного клуба.
— Вы имеете в виду клуб «Noble Club»?
— Да. Вы не зна-зна-знали об этом?
— Откуда я мог знать? Для начала успокойтесь, выпейте, пожалуйста, горячего кофе, — сказал Ку Дончи, открывая себе банку пива.

Когда он сделал глоток, в нос резко ударил запах ячменного солода. Ку Дончи протер пальцем капли влаги, образовавшиеся на внешней стенке банки. Холодная алюминиевая поверхность на ощупь была очень гладкой. Ощущавшийся на кончике пальцев холод, пройдя предплечье и плечо, проник в самое сердце.

— Услышав разговоры о смерти директора Пэ, я стал всего бояться, — сказал Ли Ёнмин. После нескольких глотков горячего кофе он перестал трястись и заикаться.

— Что значит «стал всего бояться»?

— Еще позавчера мы с ним вместе ужинали. Я тогда даже подумать не мог, что он может так внезапно умереть.

— Да, это печально. Однако вы же не затем пришли сюда в столь поздний час, чтобы рассказать о смерти господина Пэ Донхуна?

— Я вспомнил, что он говорил днем, детектив Ку. В голове все запуталось, перемешалось. Как вспомню директора Пэ, становится страшно, — сказал Ли Ёнмин, проигнорировав вопрос Ку Дончи.

— Днем... Что за разговор?

— Он сказал, что дело о самоубийстве не является таким простым, как кажется на первый взгляд. Я почему-то все время вспоминаю его слова. Мол, любой человек, хочет он того или нет, после своей смерти оставляет какие-то следы и вещи. Если посмотреть на них, они скажут, каким именно он был на самом деле при жизни. Я не хочу, чтобы меня запомнили как «жившего как свинья», недостойного называться человеком. Это его слова.

— Вы правы, любой человек оставляет следы.

— Детектив Ку, вы ведь получили от директора Пэ просьбу о делитинге?

- Я не могу ответить на ваш вопрос.
- Я знаю, слышал об этом от госпожи Хан Юми.
- Господин Ли Ёнмин, независимо от того, знаете вы об этом или нет, я не могу ответить на ваш вопрос.
- Вы сохраняете тайну клиента?
- Сохранение тайны или чего-то еще — основной принцип работы детектива.
- Бывали ли у вас случаи, когда вы терпели неудачу при делитинге?
- Я не могу ответить на ваш вопрос.
- То, что вы не хотите говорить об этом, означает, что у вас были неудачи. Если бы у вас их не было, вы, наверно, похвастались бы стопроцентным успехом.
- Господин Ли Ёнмин, я не знаю, что вы хотите узнать от меня, но сейчас вы проявили крайнюю невежливость. Я вам не какой-нибудь начинающий детектив-неудачник, который чирикает, расхваливая себя, а потом подбирает брошенные крошки. И, естественно, я не такой человек, который подтирает в Интернете за кем-то оставленную грязь. Если вы намерены поручить мне работу, так и быть, я еще немного потерплю, для меня главное — самочувствие клиента. В противном случае для вас самым лучшим будет рвануть вниз по лестнице, не дожидаясь кулака в глаз.
- Закончив фразу, Ку Дончи залпом допил пиво, шумно глотнув, поставил банку на подоконник и, не обращая никакого внимания на Ли Ёнмина, включил «Одноглазку». Из ее динамика тут же послышался голос тенора.
- Напоследок я бы хотел спросить об одной вещи.
- Если вы снова будете грубить, я вас выгоню.
- Да-да, я понял. Не знаю, возможно, это тоже покажется для вас невежливым. Скажите, если вы потерпите неудачу при делитинге, как я получу компенсацию? Какую компенсацию я получу после того, как умру? Разве не теряет для меня всякий смысл получение любой компенсации? К тому же нет человека, который сможет спросить с вас в случае неудачи.
- Лично для вас, господин Ли Ёнмин, нет никакой компенсации.
- Тогда какая же это, извините меня, страховка?
- Господин Ли Ёнмин, вы покупаете деньгами мое доверие. Если вы станете моим клиентом, я сделаю все, чтобы довести

делитинг до успешного завершения. Повторяю, независимо от того, добьюсь я удачи или нет, я сделаю все, что в моих силах, чтобы довести дело до конца. Конечно, есть вероятность того, что я не смогу полностью ликвидировать следы клиента в Интернете. К тому же могут возникнуть обстоятельства, из-за которых я не смогу выполнить ваш заказ. Но, как бы там ни было, я сделаю все возможное. Что-что, а это я могу вам пообещать. Почему? Во-первых, потому что от той работы, которую я делаю, зависит репутация тех, кто доверяет мне. Только когда люди увидят, как аккуратно и чисто я подчищаю следы умерших людей в Интернете и уничтожаю их вещи, они будут поручать мне подобную работу. Во-вторых, если я потерплю неудачу, для вас, господин Ли Ёнмин, не будет никакой компенсации, но для меня это будет большим ударом. Я имею в виду, что моему имени, моей репутации будет нанесен непоправимый ущерб, а для меня это — смертельный удар. Господин Ли Ёнмин, вы знаете причину того, почему вам пришлось прийти ко мне?

— Ну, вроде знаю, — неуверенным голосом сказал Ли Ёнмин.

— Вы пришли потому, что я пока вызываю доверие у клиентов. Ведь именно из-за того, что мне можно доверять, кто-то из ваших знакомых рекомендовал меня.

— Хорошо. Я поверю вам, детектив Ку. Давайте подпишем соглашение, — сказал, успокоившись, Ли Ёнмин.

Ку Дончи посмотрел ему в глаза. Он увидел в них беспокойство, но ему было неважно, что являлось тому причиной. Беспокойство в глазах Ли Ёнмина было похоже на беспокойство птенца, все еще находящегося в яйце, но готового вот-вот вылупиться на свет. Когда беспокойство растет, оно может трансформироваться в страх или в насилие, а может, стянувшись в маленькую точку, исчезнуть. Ку Дончи ценил беспокойство людей. Если они не будут беспокоиться, никто из них не придет к нему. Он был человеком, который жил за счет того, что давал пищу для беспокойства людей.

Ку Дончи уменьшил звук магнитолы и достал типовой контракт. Тот был написан на четырех листах. На первом листе записывались личные данные клиента, на втором — все имеющиеся его пароли в Интернете, на третьем — все подлежащие уничтожению после смерти предметы и их местонахождение.

Основная цена контракта определялась после заполнения трех основных пунктов, но в случае вписывания пункта, где описывалось местонахождение предметов, цена менялась. Уничтожение вещей, хранящихся в секретном хранилище банка, было довольно легким делом, но если они находились в доме или офисе, в шкафах или письменных столах, дело сильно осложнялось. Приходилось нарушать закон о неприкосновенности жилища, к тому же повышалась вероятность быть обнаруженным. В случае уничтожения предметов, которые всегда носят с собой, например, мобильных телефонов или ноутбуков, цена соглашения резко возрастала, потому что выкрасть или подменить личные вещи покойного, например, в больнице, было нелегким делом.

Внизу, под колонкой, где перечислялся список уничтожаемых объектов, значилась фраза о том, что для их ликвидации отводится максимум столько-то дней. Это означало, что все указанные в контракте предметы должны быть уничтожены в течение указанного периода после его подписания.

Ниже было место для подписи гаранта контракта. Заказчик определял в качестве гаранта человека, который проверит его выполнение, окончательно удостоверив выполнение работы. Однако было много случаев, когда заказчик не указывал гаранта.

На последней, четвертой странице указывалось основание для иммунитета уничтожителя вещей. Заглавными буквами было написано:

В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ЗАКАЗЧИК БУДЕТ УБИТ КЕМ-ТО И ЕСЛИ УНИЧТОЖИТЕЛЬ ВЕЩЕЙ НЕ СМОЖЕТ ВЫПОЛНИТЬ ДАННЫЙ КОНТРАКТ, ОН НЕ НЕСЕТ НИКАКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СМЕРТЬ ЗАКАЗЧИКА.

Этот пункт был вписан потому, что в случае убийства делитер, тронув вещи покойного, мог быть обвинен в преступном уничтожении доказательств. Под этой фразой мелкими буквами было написано:

В СЛУЧАЕ, КОГДА ВЕЩЬ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ УПАЛА В ВОДУ, ДЕЛИТЕР НЕ ДОЛЖЕН ДОСТАВАТЬ ЕЕ ИЗ ВОДЫ.

Ли Ёнмин, заполнив требуемые позиции, стал внимательно читать последнюю страницу, в которой оговаривались

условия отказа от ответственности делитера. Прочитав условия, он поднял голову и сказал:

— Я не знаю, как быть с этим пунктом.

— С каким пунктом?

— В случае если я буду убит.

— Вы думаете, что у вас есть вероятность быть убитым?

— Никто не знает, что случится с ним.

— Если вас убьют, сумма страховки утраивается.

— Мне все равно, насколько выше будет сумма страховки.

Директор Пэ тоже выбрал этот пункт?

— Я вижу, у вас повышенный интерес к контрактам других людей. Вы думаете, что господин Пэ Донхун был убит?

— А вы, детектив Ку, что думаете по поводу его смерти?

— Я не делаю выводы. Их должна делать полиция.

— Верно, но разве вы не должны знать, прежде чем уничтожите вещи, был ли это несчастный случай или убийство? Если бы стояла проблема выбора, разумеется, лучше выбрать вариант делитинга. Мне кажется, что директор Пэ, скорее всего, выбрал этот вариант. Это похоже на него.

— На этот вопрос я не буду отвечать. Позвольте мне дать вам только один совет. Господин Ли Ёнмин, выберете вы или нет пункт, где говорится о том, что будет в случае, если вас убьют, — это ваша свобода выбора. Но если есть кто-то, кто ищет удобного случая, чтобы лишить вас жизни, вы должны рассказать мне об этом прямо сейчас. Вы должны рассказать мне, кто хочет вашей смерти и почему он положил глаз на ваши вещи. Если вы не назовете причину того, почему вещи должны быть уничтожены, я никогда не ликвидирую их. Скрупулезное соблюдение границ между «можно» и «нельзя» — в этом залог успеха в нашей работе.

— Согласен с вами, — сказал Ли Ёнмин. — Ведь это связано с моей жизнью.

Он успокоился и больше не дрожал. Перепуганный человек, что совсем недавно трясся от страха на лестничной площадке, куда-то подевался, уступив место зануде Ли Ёнмину, который бесконечно вязнет в деталях, излагая суть дела. Ку Дончи на миг пришло сравнение со змеей, сбрасывающей прежнюю оболочку.

— Господин Ку Дончи, сколько вы зарабатываете в месяц, работая частным детективом?

— Достаточно, мне хватает.

— Как вы думаете, а сколько я зарабатываю в месяц?

— Полагаю, что достаточно много.

— Намного, намного больше, чем вы, господин Ку Дончи. Вы даже не можете себе представить, насколько. Это не хвастовство. Господин Ку Дончи, для того чтобы зарабатывать столько денег, невольно приходится наживать себе врагов. Поверьте, врагов создает не человек, а ситуация. Я просто делал свое дело, но люди, которые считают, что они были затоптаны мной, думают обо мне как о враге. Я покупал вещи, которые мне нравились, но те, кто не мог позволить себе этого, видели и чувствовали во мне врага. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Если вы будете так долго подступаться к главному, мы никогда не перейдем к сути проблемы. Честно говоря, слушать все эти не относящиеся к делу детали утомительно.

— Вы хотите, чтобы я рассказал, кто и почему положил глаз на мои вещи? Если бы я об этом знал, вероятно, я бы смог зарабатывать намного больше.

— Хорошо. Давайте для начала подпишем контракт. После получения аванса я начинаю тщательное расследование в отношении вас, господин Ли Ёнмин. Надеюсь, оно будет результативным.

— А если нет? Тогда контракт будет расторгнут?

— Никто не знает, что будет с нами. Как вы сами сказали чуть раньше.

— В отношении директора Пэ вы тоже проведете детальное расследование?

— Подпишите вот здесь, — сказал Ку Дончи, игнорируя вопрос.

Ли Ёнмин вписал в нижней части контракта свое имя и расписался. Это была не печать*, а написанное от руки имя. Ку Дончи внимательно следил за его действиями. После подписания обоих экземпляров контракта он залпом допил кофе.

— Гарант вам не требуется? — спросил Ку Дончи, складывая бумаги.

— Господин Ку Дончи, я верю столь внушающему доверие агентству.

---

*В Корее часто вместо общепринятого подписания своего имени используют специальную печать.

— И еще, я хотел бы рассказать вам о контракте на удаление информации и следов в Интернете. Я удаляю не «остатки следов» информации в Интернете, господин Ли Ёнмин, я помогаю удалить всю оставленную вами информацию, чтобы о вас полностью забыли на сетевых просторах. А теперь внимание! Запомните: я никогда не составлял незаконных контрактов, а вы, господин Ли Ёнмин, никогда не поручали мне работу по удалению ваших вещей, а также информации о вас в Интернете. Мы ведь люди, живущие в законном правовом поле. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Да, да, конечно, понимаю. Я надеюсь на вас, — сказал Ли Ёнмин и, довольный улыбаясь, протянул руку для рукопожатия.

— Теперь, когда страховка в моих руках, на душе стало легче. Наверное, в этом и заключается очарование страхования? — громко сказал Ли Ёнмин, вставая со стула.

Ку Дончи, ничего не ответив, поднялся вслед за ним. Он ждал лишь одного: чтобы Ли Ёнмин как можно быстрее покинул офис. Ему хотелось, усевшись в кресло, спокойно завершить дела сегодняшнего дня и выкроить время для составления плана на завтрашний. Ли Ёнмин, уже направляясь к двери, обратил внимание на несгораемый шкаф.

— А что тут у вас хранится? — спросил он голосом, полным любопытства.

— Разная мелочь, — уклончиво ответил Ку Дончи нарочито безразличным тоном.

— Не похоже. На каждом ящике висит кодовый замок.

— Господин Ли Ёнмин, если вы немного убавите свой интерес ко всему окружающему, риск быть убитым у вас тоже уменьшится.

Ли Ёнмин, услышав слова «быть убитым», неожиданно вздрогнул.

— Я, кажется, спросил лишнее. У вас ведь много секретов, детектив, извините меня, — сказал извиняющимся голосом Ли Ёнмин и направился прямо к двери.

Как только он покинул офис, Ку Дончи тут же заперся изнутри на ключ. Наконец-то он остался один. Прибавив громкость в «Одноглазке», он снял пиджак и аккуратно повесил его в шкаф для одежды. Лишь после этого появилось чувство завершения важного дела.

Он достал документы Пэ Донхуна. Их Ку Дончи выкрал из офиса, как только узнал новость о его смерти. Из четырех предметов, значащихся в списке на уничтожение, три уже были найдены: небольшая записная книжка, что хранилась в ящике стола Пэ Донхуна в офисе, флешка, спрятанная в тайнике под письменным столом, и дневник из кабинета в его доме. Ку Дончи потратил целый день, чтобы их заполучить. Единственной проблемой оставался планшетный компьютер Пэ Донхуна. В настоящий момент Ку Дончи не представлял, каким образом выяснить, куда исчез планшет покойного.

Детектив положил ноги на стол, опустил спинку кресла и, откинувшись, открыл дневник Пэ Донхуна. Честно говоря, Ку Дончи не одобрял людей, ведущих дневники. Он считал, что человек, чрезмерно занимающийся самоанализом, поступает неправильно. Сам Ку Дончи этим не грешил, но ему нравилось читать чужие дневники. Правды в них содержалось немного, но порой обнаруживалась нужная информация. Каждый раз, когда в контракте не оговаривалось уничтожение дневника, Ку Дончи оставлял его себе. Внимательное изучение дневников и записей на полях подчас давало ключ к поиску вещей.

Однако и тут были свои правила. Страницы дневников, которые могли вызвать пусть даже небольшие проблемы в случае их публикации, Ку Дончи немедленно уничтожал. Документы, которые могли очернить репутацию или чье-то имя либо представлять угрозу чьей-то жизни, он сжигал, не оставляя следов. Дневники клиентов, рассматриваемые Ку Дончи в качестве поучительного чтения, на его взгляд не содержали особых тайн или угроз для кого бы то ни было. Погружаясь в них, Ку Дончи изучал людей. В дневниках была их жизнь: о чем они думали, будучи в сложных ситуациях, каким образом решали проблемы, как находили выходы из передряг. Тут можно было почерпнуть гораздо больше интересных историй о людях и жизни, нежели в придуманных рассказах.

Конечно, Ку Дончи испытывал определенную неловкость перед умершими. Если бы они узнали о том, что в качестве развлечения он читал их дневники, которые обещал уничтожить, наверно, нашлось бы немало мертвецов, готовых выйти из могил для расправы с ним. Но Ку Дончи твердо знал, что никогда никому не покажет дневники, нигде и никому

не расскажет об их содержании. Он рассматривал чтение дневников как один из видов комиссии за его работу.

Впрочем, чтение дневника покойного Пэ Донхуна не было для детектива развлечением. Дневниковые записи могли подсказать местонахождение планшета. Ку Дончи открыл оставшуюся банку пива. Холод проступил на поверхности банки множеством капель. Глядя на них, можно было оценить разницу температур банки и воздуха. Через открытое окно донесся урчащий звук заводимого двигателя автомобиля. «Не иначе как машина Ли Ёнмина», — мелькнуло в голове. Ку Дончи вызвал в памяти последнего, оно не вызвало симпатии. Он неторопливо отхлебывал пиво и, перелистывая страницы дневника, пробежал по ним глазами. В основном они были связаны с работой. Ежедневные записи о процессе съемок, номера телефонов статистов вперемешку с мыслями. Чаще всего встречались лишь отдельные слова, законченных предложений почти не было. Ку Дончи временами пытался собрать слова в цельные предложения. В такие мгновения у него возникало ощущение, словно он склеивал разорванные обрывки бумаги.

Ку Дончи потянулся. Из «Одноглазки» слышалась ария, которая ему особенно нравилась. Он не очень хорошо помнил слова. Общий смысл заключался в том, что пока смерть не даст человеку вечный покой, он никогда не прекратит бороться. Ку Дончи нравилась патетическая мелодия.

Ку Дончи попробовал пропеть на этот мотив цепочку отдельных слов из дневника. Он не знал точно, какие дела и какая погода ожидают его завтра, но у него было предчувствие, что это будет очень тяжелый день. Откинувшись в кресле, он ненадолго прикрыл глаза.

5

За забором слышался тугой звук от встречи мяча и ракетки. «Надо не отмахиваться от мяча, а принимать его энергию. Ты понял меня?». Каждый раз, когда Ку Дончи принимал мяч на ракетку, ему казалось, что он слышит голос школьного тренера по теннису.

Ку Дончи больше всего любил теннисный корт. Дома было много дел, от которых шла кругом голова, но стоило

ему начать играть, голова прояснялась, душа успокаивалась. Каждый раз, как только удавалось выкроить свободное время, он бежал на корт и тренировался там до изнеможения, укрепляя мышцы рук. Ку Дончи полагал, что трамву локтя, из-за которой ему в конце концов пришлось оставить теннис, он получил из-за чрезмерной нагрузки, когда учился во втором классе старшей школы. Если бы он занимался умеренно, а не до изнеможения, возможно, сегодня стал бы неплохим профессиональным игроком.

Что представляет собой жизнь теннисиста? Каждый день, слушая свист рассекаемого воздуха, со всей силы бьешь по мячу салатного цвета, принимаешь его, подаешь, и так — до полного изнеможения. Обучаясь игре в теннис, он больше всего любил в ней то, что, научившись новому, мог обыгрывать соперника. Он скучал по тем мгновениям, когда мог одержать победу над соперником без рутани и драки, лишь поддерживая равновесие. Конечно, когда выходишь на корт, необходимо найти у соперника слабое место и упорно бить в него. Но самое главное — это сохранение равновесия. Ку Дончи получил трамву локтя из-за того, что упал, не сумев его удержать. Он так и не смог избавиться от чувства горечи от того падения, потому что безумно любил теннис. Он решил, что лучше, чем любить без что-то ума, не любить вообще ничего. Относительно людей он рассуждал так же.

«Noble Club» находился за городом посреди леса. На его огромной территории расположились поле для гольфа с девятью лунками, пять великолепных теннисных кортов, тир для стрельбы из лука, бассейн и другие спортивные сооружения. Ку Дончи миновал главный вход и повел машину к офису, находившемуся в центре территории клуба. Выстроенные вдоль дороги здания сверкали под солнечными лучами. Трава везде была аккуратно и ровно подстрижена, а на белых линиях теннисного корта не было видно отпечатков ног. Сетки, стоявшие посередине безлюдных кортов, были туго натянуты. «Да, в таком месте невольно хочется играть в теннис», — пробормотал Ку Дончи, постукивая пальцами по рулю в такт музыке.

Хан Юми уже ждала его перед диспетчерской. На ней были белая теннисная рубашка и белая юбка, выглядевшие так, словно их только принесли из прачечной; были видны

даже линии после глажки. Издалека Хан Юми можно было дать лет двадцать пять.

— А, вы приехали, господин Дончи? — сказала она и по-приветствовала его, слегка подняв правую руку.

— Вы что, решили сыграть роль медсестры? Глядя на вас, так и хочется побыстрее оголить зад и получить укол, — пошутил Ку Дончи, запирая автомобиль.

— Не можете отличить форму для тенниса от халата медсестры?

— Что вы, я лишь говорю о своем вкусе.

— Не знала, что у вас такой вкус.

— Я решил заняться теннисом, когда однажды увидел смятую ветром юбку теннисистки.

— Это правда? — недоверчиво спросила Хан Юми.

— Думайте как вам удобно, — улыбнулся Ку Дончи.

— Зачем вы так, господин Дончи. Сбиваете людей с толку, я ведь могу и поверить.

— Кстати, а где тот человек, с которым вы хотели меня познакомить? Вы сказали, что представите меня большому человеку, поэтому я полагал, что увижу его издалека, — все в той же шутливой манере поинтересовался Ку Дончи.

— Как бы то ни было, вы неисправимы, — весело рассмеялась Хан Юми. — Следуйте за мной.

Она усадила его в электрокар и поехала к третьему теннисному корту. Электрокар двигался почти бесшумно. Езда на нем казалась скольжением по льду. Лишь слабая вибрация напоминала об электродвигателе. Ку Дончи она действовала на нервы.

С приближением теннисного корта снова слышались тугие удары. На Ку Дончи нахлынули воспоминания. Стоило ему услышать характерные звуки, как он вспоминал запах земли и пота и ослепительно белый свет солнечных лучей, годы учебы в старшей школе. Вспомнилась слегка повернутая картинка окружающего, когда поскользнувшись, отбиваешь мяч в падении и чувствуешь запах пыли. Конечно, он и сейчас играл в теннис в клубе, но прежнего ощущения полноты проживания уже не возникало. Теперь это было всего лишь перекидывание ракеткой мяча через сетку.

— Вон тот человек — президент Чон Ильсу, — сказала Хан Юми, остановив электрокар на возвышении, откуда был виден теннисный корт, и указывая рукой на кого-то внизу.

На корте четверо играли парами. Человеком, на которого указала Хан Юми, был высокий мужчина с коротко стриженными седыми волосами. Его рост явно превышал 180 сантиметров, у него были широкие крепкие плечи, на икрах играли мышцы. Он бил по мячу, демонстрируя отличную концентрацию внимания. Посылая мяч, он издавал короткий вскрик.

В паре с президентом Чон Ильсу играла его личная секретарша Сон Миён, а противниками их были молодой мужчина и девушка в стильной форме. Они походили на людей, которые пришли на показ мод, а заодно вышли на теннисный корт, изъявив желание сыграть один матч. Молодая пара из всех сил стремилась произвести приятное впечатление на президента Чон Ильсу вместо того, чтобы вкладываться в удар по мячу.

— О-о-очень интересная игра, — с иронией в голосе сказал Ку Дончи, скрестив руки на груди и глядя вниз на корт.

— Чем она так интересна? — спросила Хан Юми, встав рядом с ним.

— С одной стороны они вроде играют, с другой — нарочно подают мяч в комфортную зону.

— В комфортную зону?

— Посмотрите на тех молодых людей. Разве вы не видите? Понятно же, что они стараются положить мяч рядом с президентом Чон Ильсу так, чтобы ему было максимально удобно отбивать его.

— Эй, вряд ли, просто у них недостаточно мастерства.

— Вы знаете тех двоих?

— Ну, они недавно в этом клубе. Точно не помню, но вроде они занимаются импортом французских вин.

— Выходит, вы их плохо знаете.

— Выходит, что так.

Хан Юми начала внимательнее наблюдать за игрой. Немного погодя, она, кажется, поняла, почему Ку Дончи так сказал. Мяч от молодой пары в основном действительно прилетал так, чтобы президенту Чон Ильсу было удобно отбивать. Однако, на ее взгляд, это вряд ли происходило намеренно. С одной стороны, она тоже не считала себя хорошим игроком и, кажется, понимала желание пары угодить президенту, с другой — она по себе хорошо знала, каково это, когда хочешь, но не умеешь.

Игра вскоре закончилась. Все четверо собрались возле сетки и о чем-то беседовали. Видимо, обсуждали игру. Во время разговора молодой мужчина и девушка несколько раз склоняли голову перед президентом Чон Ильсу, а тот, великодушно смеясь, похлопывал по плечу молодого человека. Хан Юми и Ку Дончи быстро спустились к теннисному корту и направились в их сторону.

— О, я много слышал о вас. Так вы, значит, детектив, — сказал, улыбаясь, Чон Ильсу, когда они подошли, и протянул руку для рукопожатия.

Ку Дончи полагал, что по силе рукопожатия человека, по тому, как потеет ладонь собеседника, насколько она загрубелая, где чувствуются мозоли, можно в общих чертах понять, с кем имеешь дело и какой образ жизни он ведет. Однако в этот раз Ку Дончи затруднился даже примерно определить характер и нрав Чон Ильсу. Тот недавно играл в теннис, его ладонь была потной, но, словно соперник-борец перед поединком, он так крепко сжал руку Ку Дончи, что тому осталось лишь ответить тем же.

— Да какой там детектив, одно название. Так, хожу утрясаю разные мелкие проблемы.

— Я слышал, что вы раньше были профессиональным теннисистом...

— Нет, до профессионала я не дорос. Просто играю на том уровне, чтобы, не задев сетку, перебросить через нее мяч.

— Госпожа Хан Юми не упоминала, что вы настолько скромный человек.

— Не такой уж и скромный. Просто сегодняшний день не способствует гордости.

— Случилось что-то, что испортило вам настроение?

— Нет, но кажется, вот-вот произойдет нечто нехорошее, поэтому стараюсь не распускать хвост.

— Хорошо было бы, если бы неприятности вас обошли стороной. Давайте как-нибудь сыграем в теннис?

— Хорошо, я согласен. Но боюсь, со мной вам будет нелегко по сравнению с теми молодыми людьми, с которыми вы играли только что.

— Я уже весь в предвкушении.

— Легко я победу не отдаю.

— Хорошо, договорились, встретимся как-нибудь... Простите, сегодня у меня есть неотложные дела, я должен принести вам извинения и откланяться.

— Хорошо, до свидания, — сказал Ку Дончи и внимательно посмотрел вслед Чон Ильсу, у которого рубашка от пота плотно прилипла к спине, обрисовывая развитую мускулатуру.

— Я вижу, он вам пришелся по нраву, — сказала Хан Юми, шутливо ткнув кулаком в бок Ку Дончи.

— Отчего же, в таком случае, он столь стремительно убежал? Я только-только начал проникаться к нему симпатией, — в тон ей отозвался Ку Дончи, думая о другом.

— Вы тоже ему понравились. Ведь он предложил вам сыграть с ним в теннис.

— О, это такая большая честь для меня, — с иронией сказал Ку Дончи. — Я тоже буду подавать мяч прямо ему на ракетку.

— Господин Дончи, я не это имела в виду. Я хотела сказать, что президент очень занятой человек. Поверьте, он не каждому такое предлагает.

— И как часто страшно занятой человек выкраивает время на теннис?

— Он здесь играет каждый день, не пропуская ни дня.

— И он всегда так пренебрежительно себя ведет с партнером по игре?

— Господин Дончи, не говорите так, лучше поужинайте со мной сегодня вечером. У меня завелись лишние деньги.

— Сегодня я занят, поэтому не смогу поужинать с вами.

— Вы вечно заняты. Хорошо, когда у вас появится время?

— Ну, не знаю... Точно сказать не могу... Может быть, послезавтра?

— Да, с вами действительно непросто встретиться. Временами мне кажется, что вы еще более занятой человек, чем президент Чон Ильсу.

— Ну, президенту нет необходимости бегать в поисках «лишних» денег.

— Сегодня, встретившись с президентом, вы едва взглянули на него. В следующий раз присмотритесь как следует.

— Конечно, я так и поступлю. Вы одна из лучших моих клиентов, после вашей просьбы отказаться было бы невежливо.

— Когда вы познакомитесь с ним ближе, поймете, что он человек, который однажды поможет вам.

— Любой рано или поздно может оказаться полезен. Главное — жить подольше.

— Господин Ку, я вижу, у вас с юмором все в порядке, верно?

— Вы упомянули, что та девушка, что играла в паре с президентом, — его личная секретарша.

— Вы говорите о госпоже Миён? Почему вы заинтересовались ею? Она вам нравится?

— Просто мне показалось, что я где-то ее встречал.

— Мужчины всегда говорят о заинтересовавших их женщинах, что они где-то их видели.

Ку Дончи, не отвечая, сел в электрокар, Хан Юми последовала за ним. Направляясь в сторону офиса администрации, он еще раз оглянулся. На корте трое работников уже разравнивали грунт и обновляли разметку. Видно было, что такой же образцовый порядок поддерживался на всей территории «Noble Club». В глубине души Ку Дончи хотел бы жить в таком месте, хотя спроси его — и он несомненно отрицал бы подобное. На территории теннисного клуба царил идеально чисто прибранный и аккуратно управляемый мир, где предметы располагались там, где им и положено, где находились только те люди, которые должны были находиться здесь. Если бы мир был совершенен, как этот теннисный клуб, то и надобность в работе, которой он занимался, возможно, отпала бы. В голубом небе над зеленым полем для гольфа и кортами плыли кучевые облака, словно и они были изготовлены по заказу «Noble Club».

6

Каждые двадцать минут Ким Инчхон, не сводя глаз, пристально смотрел на кожаную обивку дивана. Уткнувшись взглядом в маленькую прореху в обивке коричневого цвета, он попробовал представить себя кожаной обивкой. Жизнь и душа исчезли, остались лишь мысли и обивка. Он, представив себя кожаной обивкой дивана, стал думать о садящихся на нее ягодицах клиентов. Несколько месяцев назад в передаче о медитации он слышал, что, когда ты исчезнешь, вместе с тобой исчезнут боль и страдания. Но он до сих пор не мог найти самого себя. Ведь только когда найдешь себя-истинного, может исчезнуть твое «Я», а вместе с ним — боль и страдания, но он не знал способов, как это сделать. Вре-

менами ему казалось, что его собственные мысли тоже ему не принадлежат. Слушая ту передачу, он понял, что именно медитация является способом объединения вещей и предметов вокруг него и его самого в единое целое, и помочь найти себя-истинного. Ему также в голову пришла мысль, что медитация хорошо совмещается с его работой полицейского. И вот в течение двадцати минут он, Ким Инчхон, мысленно пытается устранить границы между диваном и собой, стремясь объединиться с ним в единое целое. В конце концов, самой последней мыслью была мысль о цене дивана. На вид это был дорогой диван, цена которого, вероятно, превышала несколько миллионов вон.

— Интересно, сколько стоит такой диван? — подумал он вслух без особого интереса, таким равнодушным голосом, что стало ясно: он сказал это ради того, чтобы что-то сказать.

Ким Инчхон был невысокого роста. Лицо его можно было бы назвать незапоминающимся, если бы не большой торчащий нос. С самого детства люди нередко издевались над ним по данному поводу, но Ким Инчхон совсем не комплексовал из-за этого. После того как он стал полицейским, у него появилась странная привычка. Задавая вопросы, он вздергивал верхнюю губу, одновременно широко раздувая ноздри. Такой вид смущал и, пугая, подавлял собеседника. Однако у него и мысли не возникало о том, чтобы избавиться от своей привычки.

— Что? — удивленно переспросила его Сон Миён — личный секретарь президента Чон Ильсу. В данный момент она сидела перед компьютером и приводила в порядок файлы.

— Я говорю о диване. Он, наверно, очень дорогой.

— Да, наверно.

— Я вижу, его покупали не вы.

— Да, его покупала не я. У нас для этого есть специальные сотрудники.

— Я вижу, у вас в фирме очень хорошо распределены обязанности. Впрочем, аналогичный подход к работе существует во всех приличных фирмах.

— Да, вы правы.

— Вы знаете, что является самым, простите, дерьмом в нашей работе? Знаете, что больше всего раздражает меня? Когда получаешь задание разобраться с происшеств-

вием, самая раздражающая часть — это работа по сведению разрозненных фактов в единое целое. Нужно разбираться с различными материалами дела, все эти данные должны быть исследованы и упорядочены. Одновременно приходится арестовывать кого-то, черт его подери, простите меня, вести допросы и выписывать протоколы. Вот и приходится постоянно ругаться, это входит в привычку. И все это ради того, чтобы разрозненные факты соединились в единое целое и дали единую реальную картину происшествия.

— Да, это, наверно, трудно.

— Девушка, а какие обязанности у вас?

— Что?

— Я спрашиваю о работе, которую вы выполняете. Чем вы тут занимаетесь?

— У меня такое ощущение, что вы допрашиваете меня.

— Что вы, какой допрос! Не обращайтесь, это просто профессиональная привычка. Но если я буду продолжать сидеть на диване, меня одолеет любопытство и возникнут новые вопросы.

— Я личный секретарь президента.

— Если вы личный секретарь, вы делаете работу, похожую на мою.

— Что?

— Раз вы личный секретарь, значит, все ваши обязанности связаны с президентом, верно?

— Да, наверно, можно и так сказать. Мы делаем похожую работу, — дерзко ответила Со Миён. Не поворачиваясь к Ким Инчхону, она продолжала свое занятие.

Ким Инчхон перестал задавать вопросы. Теперь он вместо разглядывания кожаного дивана принялся рассматривать Сон Миён. Стройная фигура одета в синюю блузку, на шею был повязан белый шарфик. Волосы стянуты назад и собраны на затылке в пучок. Пальцы рук тонкие и длинные, резко выделяются полные губы. Чуть опущенные уголки рта придают лицу выражение некоторой нервозности. Разговаривая, Сон Миён улыбалась, но когда работала, ее лицо становилось сосредоточенно-отрешенным. Впечатление менялось, стоило ей повернуть голову. Пухлые губы в сочетании с выпуклым лбом придавали ей миловидности. Ким Инчхон обратил внимание на серьги необычной формы.

— Что это у вас в ушах?

— Вы что, не видите? Это серьги.

— Я вижу, что это серьги. Но их странная форма...

Сон Миён прикоснулась пальцем к сережке и провела по ней. После партии в теннис она не помнила, какие серьги выбрала сегодня.

— Это серьги в виде теннисного мяча.

— А я почему-то... Меня смутил салатový цвет.

— Разве они не желтые?

— Можно сказать, светлого желто-салатового цвета. Хотя присутствуют оба цвета, салатový доминирует. Вы, наверно, хотите спросить: разве светло-желтого цвета совсем не видно? Видно, но ведь и салатový цвет можно рассматривать как оттенок светло-желтого.

— Да, наверно.

— Я вижу, вы любите теннис.

— Люблю, — коротко ответила Сон Миён и снова уткнулась в компьютер.

Ким Инчхон, исчерпав тему разговора, снова начал разглядывать кожаный диван. В это время раздался тихий звонок. Это был президент Чон Ильсу, сообщавший, что немного задерживается.

Появился Чон Ильсу лишь минут через сорок. Сон Миён быстро семенила за ним, негромко и коротко докладывая о чем-то. Ее голос был настолько тихим, что Ким Инчхон ничего не расслышал из того, что она сказала президенту. После того как они вошли в кабинет, прошло довольно много времени, прежде чем она вновь появилась.

— Господин президент просит вас пройти к нему в кабинет, — торжественно проговорила она, слегка наклонив голову в сторону Ким Инчхона.

— О, благодарю вас за предоставленную возможность встретиться с уважаемым президентом, — подтрунивая над ней, ответил Ким Инчхон, изображая тон ее голоса.

Кабинет президента Чон Ильсу был настолько огромным, что ясно прочитывалось намерение подавить посетителя. На первый взгляд казалось, что размером он почти не уступает теннисному корту. Из мебели наличествовали лишь огромный телевизор у окна, роскошный письменный стол, кожаное кресло, в котором сидел Чон Ильсу, гостевой стул да еще несколько не бросающихся в глаза предметов. На одной из стен виднелась афиша со знаменитыми конферансье

агентства «Noble Entertainment», на другой — изображенная в натуральную величину теннисная сетка. Обстановка кабинета красноречиво уведомляла посетителя а о том, чем занимаются в этом заведении.

Ким Инчхон с разрешения Чон Ильсу сел на стул, стоявший перед письменным столом.

— Значит, вы говорите, что работаете полицейским?

— Я пришел к вам потому, что возникли некоторые вопросы по делу господина Пэ Донхуна. Спасибо за то, что уделили мне время.

— Постараюсь помочь всем, чем смогу. У меня мало времени, поэтому прошу вас сразу приступить к делу. Чашку чая?

— Нет, спасибо. Я понимаю, что вы спешите, поэтому быстро задам несколько вопросов. В каких отношениях вы состояли с господином Пэ Донхуном?

— У нас не было никаких отношений. Он был всего лишь одним из многих наших субподрядчиков. Он несколько раз брал у меня заказы на создание видеоклипов. Если вам нужны более подробные сведения, я могу узнать и предоставить их позже. Подождите минутку.

Чон Ильсу нажал на кнопку внутренней связи и распорядился, чтобы ему принесли все материалы по сделкам, связанным с Пэ Донхуном. Приказы он отдавал кратко, ровным тоном.

— Господин президент, я просмотрел распечатку телефонных звонков господина Пэ Донхуна и обнаружил, что за несколько часов до смерти он разговаривал с вами.

— Я хотел поручить ему одну новую работу.

— То есть можно считать, что вы, господин президент, лично дали ему поручение?

— Да, когда работа важная, я поступаю именно так.

— Что это была за работа?

— Видите ли, это конфиденциальная информация фирмы. Обязан ли я ее разглашать?

— Если вы уверены, что она никак не поможет снять с вас подозрение в убийстве, можете не говорить.

— Что вы сказали?

— Что? Ах да, я сказал, что можете не говорить.

— Нет, что вы произнесли до этого? Вы вроде бы произнесли «подозрение в убийстве»?

— Да, я так и сказал: «подозрение в убийстве».

— Значит, вы хотите сказать, что я являюсь подозреваемым в убийстве господина Пэ Донхуна?

— О, не стоит воспринимать мои слова так близко к сердцу. Честно говоря, положи руку на сердце, в этом мире все люди в той или иной мере являются подозреваемыми. И вы, господин президент, подозреваемый, и ваша секретарша за дверью, и я тоже, все мы — подозреваемые. Все мы являемся в той или иной мере подозреваемыми в том или ином происшествии. Вот что я имел в виду, когда говорил о подозрении в убийстве. Я хочу лишь сказать, что мы все носим как минимум по одному маленькому «черному полиэтиленовому пакету»*, и никто в мире не знает, что находится в нем.

— Вы сейчас читаете мне лекцию?

— О, что вы, как я могу! Как может такой неуч, как я, читать лекцию столь образованному человеку, как вы, господин президент! Что вы, увольте. Я всего лишь хотел сказать вот что. Если вы, господин президент, что-то утаиваете, то после обнаружения этого «чего-то» мне ничего не останется, кроме как предположить, что, помимо этого «чего-то», вы утаиваете и нечто большее. Увы, таковы издержки нашей профессии. Вам достаточно показать лишь краешек того, что находится в том «черном полиэтиленовом пакете». Но если вы, господин президент, не сделаете этого, то такому, как я, преисполненному ненужных беспокойств и подозрений, ничего не останется, кроме как предположить, что в нем находится нечто действительно ужасное. Например, нож. Меня будет постоянно мучать любопытство: а что же на самом деле находится в том «черном полиэтиленовом пакете»? И однажды оно может дойти до такой степени, что захочется разорвать пакет и посмотреть, что же в нем находится.

Президент Чон Ильсу понял намек.

— Я собирался попросить Пэ Донхуна поработать над клипом для новой девичьей группы, — сказал он, помолчав.

— А, понятно, раскручивается новая девичья группа. Как она называется?

— Название пока не придумали. Хотя уже есть несколько вариантов.

---

*Это выражение соответствует выражению «у каждого есть скелет в шкафу».

— Очень интересно. Это, по-видимому, действительно конфиденциальная информация.

— Спасибо за понимание.

— Господин президент, скажите, когда вы в последний раз разговаривали с господином Пэ Донхун, вы не заметили ничего особенного или странного в его поведении, голосе, словах? Ну, например, упоминал ли он, что разочарован жизнью? Или говорил что-то необычное? Или, может быть, нес какую-нибудь ерунду?..

— Нет, он разговаривал как обычно.

— А каким человеком был господин Пэ Донхун в обычной жизни?

— Я не был с ним в достаточно близких отношениях, чтобы уверенно утверждать, что он был пессимистом или оптимистом. Но у него было великолепное музыкальное чутье, что доказывают его видеоклипы.

— Вы работали вместе с ним именно по этой причине?

— Конечно.

Ким Инчхон внимательно оглядел кабинет. В нем не было ничего особенного, что могло привлечь внимание, что отражало вкус его хозяина. Лишь на одной из стен резко выделялась нарисованная в натуральную величину теннисная сетка. Ким Инчхон встал и, подойдя, провел рукой по изображению. Линии на картине чуть бугрились под пальцами, от этого сетка казалась объемной. Ким Инчхон обнаружил стоявшую в углу ракетку.

— Вы тренируетесь, используя эту стену? — спросил он, оглянувшись на президента Чон Ильсу.

— Иногда, чтобы не терять форму, — ответил Чон Ильсу.

— Можно мне попробовать разок? Я тоже в прошлом немало занимался спортом...

— Играли в теннис?

— Нет, в бадминтон.

— Ну что ж, попробуйте.

Ким Инчхон встал, держа ракетку, перед стеной с нарисованной сеткой. На мгновение у него возникло ощущение, что он находится на настоящем теннисном корте. Он несколько раз отбил мяч от пола, ловя его, а затем, резко взмахнув теннисной ракеткой послал его над сеткой. С силой ударившись в стену, мяч отлетел назад и замер на полу. Ким Инчхон, все еще сжимая ракетку, перевел на него взгляд.

В записной книжке и в дневнике Пэ Донхуна не нашлось ни малейшего намека, по которому можно было бы определить местонахождение планшета. Ким Инчхон долго раздумывал, не является ли написанное своего рода тайнописью. Но вряд ли эти записи несли скрытый смысл. В основном это были упоминания о том, когда и с кем Пэ Донхун встречался и какие работы выполнил. Примечания в основном тоже касались работы.

Видеоролики на флешке оказались короткими порнофильмами, длительность редко больше десяти минут. Таких фильмов имелось около ста. Видимо, Пэ Донхун украдкой смотрел их, когда на работе выпадала свободная минутка. Флешка хранилась в потайном месте — это понятно, факт просмотра подобных фильмов не придает уважения никому, даже покойному. Именно по таким причинам люди заказывали делитинг, заботясь о своей репутации даже после смерти.

Для Ку Дончи делитинг начался с просьбы одного писателя. Однажды, примерно два года назад, к нему в офис пришел мужчина лет шестидесяти. Он попросил сделать следующее: найти все письма, отправленные им двум адресатам, и уничтожить их без следа. Эта работа была связана с незаконным проникновением в жилище и кражей, и сначала Ку Дончи отказался. Но, немного поразмыслив, он пришел к выводу, что это не очень сложное дело, и согласился принять заказ; он отчаянно нуждался тогда в деньгах. Это было время, когда он ушел из полиции и только-только начал работать частным детективом. Заказов почти не было, а те, что приходили, были мелочью типа розыска пропавшего человека, возврата долгов или слежки. Больших денег они не приносили, но даже таких дел было мало. Поэтому он и взялся за делитинг. Это была работа, в которой было трудно отделить границы законности и незаконности, но он решил для себя выполнять такие заказы, коль скоро они не связаны с необходимостью кого-то убивать.

Ку Дончи до сих пор не мог забыть умоляющий взгляд писателя. Также он хорошо помнил сказанные им слова:

— Если письма будут опубликованы, это будет равносильно тому, что я умру дважды.

— Что содержится в тех письмах? — поинтересовался Ку Дончи.

— В отправленных первому адресату письмах содержатся короткие рассказы, написанные мной в юности, в письмах второму — слова наивной юношеской любви.

— И вы просите все эти письма уничтожить?

— Да, если вы найдете все письма и уничтожите их, я щедро заплачу.

— Почему вы хотите их уничтожить?

— Потому что я испытываю стыд.

— Это настолько компрометирующие письма, что риск вторжения в чужое жилище становится оправданным?

— Если вы боитесь рисковать, я поищу другого человека.

— Нет-нет, — быстро сказал Ку Дончи, испугавшись, что заказ уйдет, — я не отказываюсь, просто мне нужно зараннее оценить степень сложности работы. А вы не пробовали поговорить с адресатами, объяснить, что по той или иной причине вы хотели бы получить те письма обратно? Кто знает, быть может, вам пошли бы навстречу.

— Нет, они их не вернут.

— Это вы так решили или они вам сказали?

— Они оба так решили. Первый из этих людей — мужчина, он, наверное, только и ждет моей смерти. Когда я умру, он, скорее всего, сразу же опубликует все, что я ему посылал. Я уже вижу его притворно-скорбную физиономию: мол, он делает это ради будущих исследователей, изучающих мои наследие, ради молодого поколения. Но я вам скажу: все те рассказы — дрянь. Я знаю, что они дрянь, и он знает об этом. Именно поэтому он и постарается их опубликовать.

— А что насчет второго?

— Второй человек — женщина, она вряд ли будет публиковать мои письма. Но вокруг нее вьются настоящие гиены, которые станут постоянно приставать к ней с просьбами отдать им эти письма. И рано или поздно они их заполучат. Они знают, что мы с ней находились в любовных отношениях.

— Да-а-а...

— Думаете, это будет сложно выполнить? — с сомнением в голосе спросил писатель.

— Нет, эта работа не потребует много сил, — поспешил заверить его Ку Дончи. — Поиск таких вещей является моей профессией, но...

— Тогда что сложного в этом деле?

— На мой взгляд, — я имею в виду письма, — здесь не совсем ясен момент с правами на собственность. Я тут подумал, что вы, уважаемый писатель, отправили им письма, и с момента получения они стали личной собственностью получателей. Конечно, вам хочется уничтожить те письма. Но у получателей, возможно, тоже есть на них права и желание бережно их сохранить.

— Человек, который написал те письма, — я, — с долей раздражения сказал писатель.

— Да, конечно, это так. Конечно, это вы их написали. Но вы же сами отдали их. Разве не вы лично положили их в конверт и, приклеив марку, опустили в почтовый ящик? Я имею в виду, что вы сделали это добровольно, а не по принуждению.

— Я вижу, вы слишком сложно рассуждаете об этом деле, — в голосе писателя проскользнуло недовольство.

— Дела, которые я веду, все такие, — как можно спокойнее ответил Ку Дончи, боясь его разозлить.

— Хорошо, как вы поступите? Вы выполните мою просьбу или нет? — в голосе писателя снова возникли нотки раздражения.

— Дайте мне время подумать, — как можно спокойнее ответил Ку Дончи: ему не хотелось упускать клиента.

— Мне хотелось бы объяснить свою мотивацию. Я стираю сотни слов в день. Я пишу и, если мне не нравится, зачеркиваю, подбираю другие слова, снова зачеркиваю, вновь пишу... Только так, только уничтожая, я могу двигаться дальше. И только то, что остается в итоге после всех этих правок, становится текстом, имеющим ценность. Кто-то говорит, что ради молодого поколения или молодых исследователей не следует ничего уничтожать, но я думаю иначе. Фразы, удаленные мною, являлись всего лишь безжалостно отсекаемыми ветками. Чему можно научиться, глядя на них? Я ежедневно веду дневник. С того дня, как стал писателем, и до сих пор я фиксирую в нем события, не пропуская ни одного дня. Близкие мне люди говорят, что было бы хорошо издать дневник в виде книги, но все это глупости. Чтобы прорубить тропу в зарослях, берутся за мачете, отсекая крупные и мелкие ветки, мешающие идти вперед. Ведение дневника похоже на прорубание такой тропы. Срубленные ветви становятся

хворостом. Его собирают и сжигают. В конце года я сжигаю дневник. Если я этого не сделаю, то не смогу двигаться дальше. Господин детектив, вы, наверно, думаете: он хочет уничтожить те письма потому, что беспокоится о своей репутации. Конечно, этот мотив тоже в известной мере присутствует, в этом вы правы. Но главная причина состоит в том, что я хочу оставить свои рассказы в завершённом виде, а не как охапку отсеченных вариантов. Вы не согласны со мной, господин детектив?

— Хорошо, я понял, что вы думаете об этих письмах.

— Так вы готовы взяться за эту работу?

— Да. Я постараюсь выполнить ее, — ответил Ку Дончи.

В глубине души он все же был не вполне согласен с доводами писателя, хотя и находил определенный резон в его рассуждениях. Нет причины оставлять письма, публикация которых может сместить акценты у будущих читателей произведения в ненужную сторону. Если от вещи нужно избавиться, от нее следует избавиться.

Ку Дончи понадобилось два месяца, чтобы выполнить эту работу. Выкрасть письма у женщины было делом сравнительно нетрудным. В наше время люди перечитывают любовную переписку от случая к случаю. Исчезновение из архива того или иного письма воспринимается естественным и списывается на множество причин. С возрастом такие потери воспринимается легче. Никто не стремится собрать все эти кусочки и восстановить воспоминания в их первоначальной полноте, а довольствуется оставшимся. Подобно тому, как каждый день понемногу отмирают частички человеческой кожи, так и свидетельства событий со временем постепенно исчезают.

Для того чтобы выкрасть письма у мужчины, потребовалось немного больше времени. Ку Дончи проник в его кабинет и, определив их местонахождение, обнаружил, что мужчина вынул все письма из конвертов и аккуратно сложил их в папку в хронологическом порядке. Ку Дончи решил эту задачу, подменив оригинал папкой, содержащей то же количество копий страниц, в которых компрометирующие фрагменты были удалены, а лакуны заполнены словами и строками, скопированными из других мест. Если не вчитываться в текст, подделка не сразу бросалась в глаза.

Надо сказать, Ку Дончи обманул и писателя тоже. В тот день, когда он показал ему украденные из кабинета мужчины письма, тот решил их сжечь. Писатель даже не удосужился перечитать написанное им когда-то. В последний момент Ку Дончи совершил еще одну подмену. Первые три страницы были оригиналами, остальные — их копиями. Ку Дончи до сих пор не мог понять причины своего поступка, но тогда ему показалось, что уничтожение похищенных писем надо на время отложить. Возможно, он тогда уже осознал непоставимость оригинала с копией. Текст говорил с Ку Дончи, словно живое существо. Писатель же, едва лишь папка оказалась у него в руках, отправил содержимое в огонь. В тот миг Ку Дончи понял, что определил свою судьбу. Если бы только в последний момент писатель перечитал свои письма... Каждый раз, когда он вспоминал этот момент, Ку Дончи чувствовал, как тело покрывается мурашками.

Писатель спустя год умер от рака желудка. Ку Дончи прочитал о его смерти в газете. Мужчина, у которого он выкрал письма писателя, наверняка узнал о факте кражи после его смерти. Ку Дончи много бы дал, чтобы увидеть выражение лица мужчины в тот момент.

С того времени он всерьез начал заниматься делитингом. Он находил по договору сотовый телефон умершего человека и уничтожал его, удалял данные о покойнике на его компьютере и в Интернете, обнаруживал и ликвидировал дневник покойного. Он узнал, что такая работа называется делитингом, и что кроме него есть и другие люди, занимающиеся тем же самым. Это избавило Ку Дончи от чувства вины за то, что он навсегда уничтожает нечто в этом мире. Люди многое пытаются уничтожить. Это происходит по разным причинам: кто-то делает это из-за страха потери репутации, пусть даже посмертной; иные боятся, что, если их тайна откроется, может пострадать другой человек, и пытаются таким образом защитить его — существует множество причин для уничтожения вещей и сведений в компьютере или Интернете.

То, что можно спасти, следует спасти. Занимаясь делитингом, Ку Дончи, сам определял судьбу вещи: уничтожить или сохранить. Под номером один среди сохраняемого числились письма того писателя. С тех пор Ку Дончи втайне сохранил много дневников, документов и иных вещей, сделав

вид, что уничтожил их. Для себя полное и окончательное уничтожение он именовал «фул делитингом»*, перемещение вещи в другой, потаенный мир, о котором клиент ничего не подозревал — «хаф делитингом»**.

Писатель перечислил детективу огромную сумму. Ку Дончи долго смотрел на цифры. Это была настолько большая сумма, что в нее трудно было поверить. На перечисленные писателем деньги Ку Дончи нашел и арендовал нынешний офис и заказал огромный несгораемый шкаф, расположив его вдоль одной из стен офиса; для него он был символическим предметом. Он был местом, где хранились изъятые из мира людей вещи. Другими словами, шкаф был подобен ящику Пандоры, который скрывал в мире другого измерения бедствия людей. Может показаться смешным, но он заключил контракт с другим знакомым детективом, который должен будет уничтожить все содержимое этого шкафа, если у Ку Дончи возникнут проблемы или с ним что-то случится.

Ку Дончи думал, что, вероятно, нет другого делитера, кроме него, хранившего уничтожаемые вещи. Стоит всплыть лишь одному подобному факту, и ему придется навсегда распрощаться с нынешней работой. На первый взгляд, не было никаких причин так рисковать. Но даже сейчас, хотя с тех пор прошло много времени, он временами перечитывает сохраненные письма писателя. Ку Дончи не особо разбирался в литературе, но, на его взгляд, слог был великолепен. Он искренне не понимал, почему писатель хотел уничтожить рассказы. Так он пришел к мысли, что, возможно, нет необходимости обязательно уничтожать все, что просят клиенты.

Ку Дончи спрятал в шкаф принадлежавшую Пэ Донхуну флешку и стал внимательно читать его дневник. Были два места, куда Пэ Донхун ходил за два дня до смерти. Одним была профессиональная студия звукозаписи под названием «ANE», другим — магазин «V2U», находившийся в здании Вайдыбичжон-билдинг в районе Ёнсан, где собирались специалисты по созданию профессиональных видеоклипов. Он решил начать расследование с этого места.

---

* Означает полное уничтожение (англ. *full deleting*).

** Означает «половинное» уничтожение (англ. *half deleting*).

Единственным местом в Аго-билдинге, обладавшем своим особым запахом, был расположенный в подвале ресторанчик с красивым названием «Аромат Сицилии». Тут влажная и затхлая вонь, присущая всему строению, смешивалась с букетом от готовящейся пищи. Шеф-повар Пак Чаниль, хвастая, заявлял, что «так пахнет настоящая Италия», но ему никто не верил. По утрам он был вынужден по полчаса держать двери ресторана открытыми — иначе нахождение в помещении в течение дня было бы проблематичным.

Пак Чаниль управлялся с «Ароматом Сицилии» в одиночку. В помещении ресторана стояли всего четыре столика, поэтому необходимости дополнительно нанимать людей не было. Пак Чаниль сам закупал продукты, готовил еду и подавал ее клиентам. Для него это не было трудно. Если усердно работать в течение месяца, заработанных денег хватало и на выплату арендной платы за ресторан, и на месячную арендную плату за небольшую комнату, в которой он жил, и еще оставалось на жизнь. В целом он был всем доволен. Конечно, ему было одиноко, временами приходила мысль сойтись и жить с какой-нибудь женщиной, но все же он предпочитал свободу.

Однако была одна женщина, которую Пак Чаниль любил безответной любовью. Звали ее О Юнчжон, она жила на четвертом этаже и работала помощником маститой сценаристки. Пак Чаниль влюбился в нее в то же день, когда она переехала в этот дом. Он частенько встречал ее на первом этаже и даже несколько раз помогал переносить вещи. Когда она временами спускалась поесть в ресторан «Аромат Сицилии», он совершал много ошибок: разбивал чашку, вместо соли клал сахар, однажды даже срезал ножом себе часть ногтя. Свои чувства он скрывал под напускной грубоватостью, подчеркивая, что ресторан для мужчин. О Юнчжон не обращала на него никакого внимания.

Когда проголодавшийся Ли Пиниль спустился в «Аромат Сицилии», Пак Чаниль сидел и курил, читая газету. Было около пяти часов утра. Пора уже готовиться к открытию.

— Хённим, вы не покормите меня? — сказал Ли Пиниль, усаживаясь напротив Пак Чаниля.

— Сам приготовь себе и ешь, студент, — отозвался Пак Чаниль.

— Вчера вы сказали, что покажете мне свое искусство.

— Я соврал, студент.

— Да, не зря говорят, что людям верить нельзя.

— Ты что, действительно поверил? Тебе заняться нечем?

— Я очень занят, но, тем не менее, пришел попробовать вашу «идеальную» еду.

— Нет, полюбуйте, занят он! И чем же ты занят?

— В эти дни много работы. Я говорю правду, — с обидой в голосе ответил Ли Пиниль.

— Ладно, — примирительно сказал Пак Чаниль — Ты помогаешь детективу Ку?

— Да, работа с ним приносит постоянный доход, но только хлопот много. Эта работа по удалению всей, понимаете, всей информации о человеке из Интернета, поэтому...

— И сколько тебе платит детектив Ку?

— Мы с ним работаем пятьдесят на пятьдесят.

— О, ты тоже много получаешь, как погляжу.

— Я делаю большую часть работы, но я не в обиде. Это как игра.

— Ясно, что ты не в обиде, раз детектив дает тебе пятьдесят процентов.

— Хённим, судя по вашему виду и тону, вы, наверно, предполагаете, что найти всю информацию о человеке, размещенную в Интернете, а затем удалить ее оттуда просто.

— А что тут сложного? Достаточно ведь полностью удалить ее оттуда, словно мусор, — простодушно заметил Пак Чаниль.

— О небеса. Хённим, вам действительно легко живется в этом мире, — подколот его Ли Пиниль.

— Что это еще за замечание старшему, а? — рассердился Пак Чаниль.

— Хватит вам сердиться, лучше накормите. Пожалуйста, — сказал примитивным тоном Ли Пиниль.

— Что будешь есть, студент? Порция ругательств пойдет? — довольный своей остротой Пак Чаниль пошел на кухню.

Послышалось звяканье посуды. Ли Пинилю нравились эти звуки. Они создавали неповторимый фон. Оттого, что ресторан был пустой, они звучали намного громче. Когда Ли Пиниль спускался в «Аромат Сицилии», эти звуки нра-

вились ему больше, чем еда. Они были звуками, которые он не слышал, когда рос, домашними звуками, которые ему не довелось услышать от матери.

— Хённым, а вы бывали на Сицилии? — громко спросил он, пролистывая страницы газеты.

— Что? — крикнул в ответ Пак Чаниль с кухни.

— Я спрашиваю, были ли вы на Сицилии, — громче сказал Ли Пиниль.

— И когда это я мог съездить туда? — громко ответил Пак Чаниль.

— Если не ездили, то почему дали такое название ресторану?

— Это же звучит красиво, студент.

Словно по сигналу приоткрылась дверь. За ней обнаружилась девушка О Юнчжон, которая замерла в нерешительности.

— А, сестра, здравствуйте, — весело приветствовал ее Ли Пиниль.

— Пиниль, ты тоже, оказывается, здесь. Сейчас тут можно поесть?

— Наверно, подождите минутку.

Ли Пиниль нырнул в кухню и тут же появился вместе с Пак Чанилем с деланой хмуростью на лице. Вытирая влажные руки о штаны сзади, Пак Чаниль с трудом выдавил:

— А... Это вы, госпожа Юнчжон?

— Я сегодня не завтракала. Можно заказать пасту? Или я пришла слишком рано? Мне хотелось бы быстро поесть перед работой, — быстро проговорила она.

— Этот студент Пиниль... Я сейчас готовлю ему... Госпожа Юнчжон, поешьте вместе с ним.

— Нет, что вы. Я заплачу за еду.

— Госпожа Юнчжон, я не мелочный человек. Всех дел — положить в кипящую воду еще немного лапши. Все уже почти готово. Вы знаете, в чем особенность моей еды? Разве ее особенность... Простите, я сейчас, — выпалив это, Пак Чаниль опрометью кинулся на кухню. Споткнувшись о порог, он чуть не упал, с трудом удержав равновесие. Из кухни донеслись громче прежнего звяканье и стук утвари.

О Юнчжон заняла место, где сидел до этого Пак Чаниль. У нее были пухленькое личико и немного припухшие веки.

Из-за этой особенности люди нередко спрашивали, не плакала ли она. Но эта же особенность внешности позволяла ей выглядела гораздо моложе своего возраста. Она была младше Пак Чаниля всего на два года, а казалось, что выглядела моложе на все десять.

— Сестра, вы над чем-нибудь трудитесь?

— Да, фильм называется «Воскресное утро».

— И о чем он?

— О любви, как и все остальные.

— И как он вам?

— Ведущий сценарист очень известна. Надеюсь, и зрительский рейтинг будет высоким.

— Получается, что известный сценарист обеспечивает рейтинг?

— Не без этого. Впрочем, съемочная группа тоже на уровне. Сумасшедшие ребята! Да, кстати, ты знаешь мужчину с четвертого этажа?

— Вы имеете в виду брата Дончи? Конечно знаю. Мы даже работаем вместе.

— Правда? Он работает вместе с тобой?

— Он сначала был полицейским, но потом уволился, теперь стал частным детективом. Впрочем, сейчас он в основном работает не в качестве детектива, а гораздо чаще занят другой работой...

— Детектив? Ух ты, он что, на самом деле детектив? — прервав его, восхищенно сказала О Юнчжон.

— Он упоминал как-то, что у него есть лицензия. Или что-то в этом роде.

— Ух ты, как здорово!

— Почему вы интересуетесь им?

— Он живет прямо напротив меня, но нет никаких признаков, что он там бывает... Хотя, если он детектив, такое, наверно, возможно. Верно? Никаких признаков, никаких следов, от него веет чем-то таким таинственным...

— Вам, наверное, он представляется крутым детективом из иностранного фильма, красиво раскрывающим самые сложные, запутанные и тайные дела, однако, к сожалению, у него почти нет таких заказов. Его, скорее, можно рассматривать как человека, который завершает дела за полицейскими, когда те бессильны.

— Тем не менее, все равно звучит круто — детектив.

— Ой, сестра, я смотрю, вы однажды сами снимете детектив, — иронично улыбаясь, сказал Ли Пиниль.

— Нет ничего, что могло бы помешать мне сделать это, — с нотками вызова в голосе заявила О Юнчжон.

— Кто будет такое смотреть? Лучше снимайте о любви.

— Для этого нужно самой влюбиться.

— А как насчет того, чтобы влюбиться в брата Чаниля?

— Кто это?

Ли Пиниль вместо ответа мотнул головой в сторону кухни. О Юнчжон кивнула в знак того, что поняла, о ком идет речь.

— Что, нет интереса? — тихо спросил Ли Пиниль.

— Что? Ну, не знаю...

— Разве он не выглядит как настоящий мужчина в расцвете сил?

— Да, он кажется хорошим человеком.

— Вы, сестра, говорите так, потому что его не знаете.

О Юнчжон молча улыбнулась. Из кухни вышел Пак Чаниль, держа в руках две большие тарелки с пастой, но в одной из них пасты было много, она лежала горкой, а в другой — почти вровень с краями тарелки. Пак Чаниль поставил перед О Юнчжон большую порцию.

— Хённим, это что такое? Почему у меня такая маленькая порция?

— Эй, студент, это нормальная порция. Просто порция у госпожи О Юнчжон двойная.

— Ой, мне столько не съесть, — смущенно сказал О Юнчжон.

— Угощайтесь. Вы же сказали, что с утра ничего не ели. Я специально положил вам двойную порцию, чтобы вы хорошо поели, а потом как следует поработали. Ешьте быстрее, а то остынет.

— Хённим, как вы можете предлагать такую маленькую порцию здоровому молодому человеку двадцати лет, который с голоду может сгрызть даже арматурный прут! Это уже слишком с вашей стороны, — возмутился Ли Пиниль.

— Тогда выходи, ищи арматурный прут и грызи, студент.

— Пиниль, я отложу тебе немного, — примирительно сказала О Юнчжон. — Для меня это и впрямь слишком много.

— Ни в коем случае не делайте так, — резко возразил Пак Чаниль. — Ешьте быстрее. Я буду наблюдать, как вы едите.

Пак Чаниль уселся на свободное место за столиком и буквально пригвоздил их своим пристальным взглядом. Между тем мелко натертый пармезан, посыпанный сверху, начал плавиться на горячих макаронах.

— Хённим, у меня будет расстройство желудка, — пошутил Ли Пиниль. — Как можно есть, когда повар буквально наваливается на тебя?

— Ах да, я не подумал об этом. Госпожа О Юнчжон, студент не врет?

— Что? Да, наверное. Однако выглядит все очень аппетитно.

— Ешьте-ешьте! Если захотите еще, говорите, не стесняйтесь. Добавка бесплатна.

— Вот хорошо, а то я голодный, — с довольным видом сказал Ли Пиниль, обрадовавшийся тому, что добавка бесплатная.

— Эй, Пиниль, я схожу в овощную лавку, а ты присмотри за рестораном, пока не вернусь.

— Как я смогу присмотреть за рестораном? — с недоумением сказал Ли Пиниль.

— Ежели вдруг придет клиент, скажи, что ресторан отключается в шесть утра. А если он спросит, кто вы такие, что здесь едите, отвечай, что вы здешние работники.

— А что, могут спросить?

— Эй, студент, я говорю это на всякий случай. Однако было бы неплохо, если бы вы работали тут. Пиниль был бы менеджером, а госпожа Юнчжон — помощником повара на кухне.

— Эй, сестра должна работать в зале, а я — на кухне. Хённим, хватит беспокоиться о нас, лучше идите быстро в свою лавку.

Повар соорудил обиженную мину и вышел на улицу. Как только он повернулся спиной, Ли Пиниль и Юнчжон тут же заработали вилками.

Пак Чаниль поднялся на первый этаж и заглянул в хозяйственный магазин «Пэк Гихён: хозяйственные товары и стройматериалы». Вонь Аго-билдинга здесь была особенно сильна. На первый взгляд внутри никого не было.

— Хённим, вы здесь? — громко крикнул Пак Чаниль.

Со скрипом открылась внутренняя дверь, из-за нее выглянул Пэк Гихён.

- О, шеф-повар Пак.
- Вы что, отдыхали?
- Вчера немного выпил, сегодня вот маюсь.
- Сочувствую.
- Что случилось? Что-то хочешь купить?
- Сетку для раковины. Есть она у вас?
- Да, конечно. Подождите минуту.

Пэк Гихён скрылся в подсобке. Протиснулся мимо больших пакетов к стеллажу, плотно заполненному всевозможными товарами. Тут хранились пластиковые веники, лампы дневного света в упаковке, всякие замки, ключи к ним, шланги, молотки, отвертки, шурупы, гвозди, винты, водопроводные краны, смесители, швабры, тряпки, трубы, плоскогубцы и клещи. Быстро найдя нужную вещь, он вернул ее сеткой и подал ее Пак Чанилю.

- Эта подойдет?
- Да, подойдет, — сказал тот, повертев ее в руках. — Хён-ним, как вы сразу ее нашли? Непостижимо.
- Что тут непостижимого? Все, кто занимается торговлей, могут так. Эй, шеф-повар Пак, ты ведь тоже, поди, знаешь, что и в каком месте лежит в твоём холодильнике, а?
- Конечно, но холодильник-то маленький.
- Магазин тоже маленький. Так же, как в холодильнике в определенном месте находятся отсеки с овощами, с мясом и прочим, так и здесь, если заранее все упорядочить, нужный товар можно найти практически сразу.

— Да, учитель! Сегодня я научился у вас кое-чему.

— С ума сошел! Какой еще «учитель»... — улыбнулся Пяк Гихён. — Все-таки у тебя хорошая голова, шеф-повар Пак. А вот тренер Ча, негодник, никак в толк не возьмет. Такие люди, как мы, торговцы, сразу можем понять друг друга, а вот тренер Ча, мастер боевых искусств, постоянно городит какую-то чепуху, от которой я, наверно, сойду с ума. Человек должен говорить о тех вещах, в которых он разбирается, так ведь?

— Согласен с вами. У тренера Ча есть в характере что-то раздражающее.

— Вот взять, например, вчерашний день: когда мы выпивали, он все время говорил странные вещи. Лучше бы он своих ребят получше воспитывал вместо того, чтобы рассуждать о приличии и манерах, о том, что надо ввести

в школьную программу обучение боевым искусствам. Разве это дело?

— Но согласитесь, у него есть последовательность.

— Да, уж, он действительно последователен, в этом ему не откажешь.

Пак Чаниль и Пэк Гихён беседовали, сидя перед магазином. Временами по переулку со свистом проносился студёный ветер. В пять часов тридцать минут, когда Пак Чаниль встал, посмотрев на наручные часы, в подъезде, ведущем к лестнице на второй этаж, показался молодой парень. На голове была натянута по глаза бейсболка, скрывающая лицо, куртка, полностью закрывающая шею, на руках — перчатки, на поясе что-то вроде большой сумки для инструментов, штаны с множеством карманов, на ногах — оранжевые кроссовки. Пэк Гихён и Пак Чаниль видели этого парня впервые.

— Может быть, он из интернет-кафе? — предположил Пэк Гихён, когда парень отошел метров двадцать от здания.

— Ты его раньше видел?

— Быть может, он приходил что-то починить?

— Если в сумке инструменты, то похоже на это.

— Мы ведь знаем тут всех, кому надо что-то чинить.

— Ну да.

— Может быть, он приходил ремонтировать компьютер? Этого мы не знаем точно.

— Вам не показалось странным, что он прятал лицо, натянув кепку вниз по самые глаза?

— Вот и я о том же, странный он какой-то. Он больше похож на человека, пришедшего воровать, а не ремонтировать.

— Может быть, мне проследить за ним? — сказал Пак Чаниль.

— Ну проследишь, а дальше что?

— Не знаю.

— Ты собрался на сегодня закрываться?

— Нет.

— Тогда занимайся своими делами.

Пак Чаниль еще раз бросил взгляд на подъезд и направился в овощную лавку. Впереди парень быстрым шагом направлялся в сторону автостоянки. На мгновение он оглянулся назад, их взгляды встретились. Во взгляде незна-

комца было что-то странное: мастера по ремонту так не смотрят. И сумка на поясе. Она выглядит намного больше обычной сумки для инструментов, настолько больше, что туда, наверно, можно было положить оружие. Пак Чаниль тряхнул головой, отгоняя ненужные мысли, и пошел своей дорогой.

9

Ку Дончи направлялся в район Ёнсан, когда пришло сообщение: один из заказавших делитинг, Чон Инсу, попал в дорожно-транспортное происшествие и умер по дороге в больницу. У Ку Дончи сохранились связи в криминальном отделе полиции, и благодаря этому он мог держать руку на пульсе города. Чтобы хорошо выполнить делитинг, нужно быть на полшага впереди прочих. Чем позже, тем меньше шансов успешно сделать свое дело. Слишком много факторов приходится учитывать. Широко распахнутое поначалу окно возможностей быстро закрывается. Сразу после происшествия внимание людей рассеивается, охрана искомым вещей ослабевает. Вокруг жертв обстоятельств возникает своего рода «завор печали», и Ку Дончи, несмотря на испытываемое им чувство неловкости, ничего не остается, кроме как использовать его.

Чон Инсу жил в отдельном доме в городе Синдо, в провинции Кёнгидо. По дороге туда Ку Дончи еще раз перепроверил список вещей, предназначенных для делитинга. Заявленный Чон Инсу список состоял всего из одного пункта: жесткий диск домашнего компьютера. Это увеличивало шансы на успех делитинга и упрощало работу Ку Дончи. Правда, придется, нарушив закон, незаконно проникнуть в жилище, но так как предстояло уничтожить всего лишь жесткий диск компьютера, работа обещала быть несложной. Ку Дончи уже знал код входного замка, пароль для входа в компьютер и даже модель жесткого диска.

Ку Дончи оставил автомобиль неподалеку и не спеша направился к дому Чон Инсу. Вокруг было тихо, люди вернулись с работы и ужинали. Солнце уже село, в домах зажгли свет. Редкие фонари скупо освещали улицу. Ку Дончи, скрываясь в темноте, в течение двадцати минут наблюдал

за совершенно темным домом Чон Инсу. Поскольку никаких признаков чьего-либо присутствия не было Ку Дончи предположил, что все члены семьи сейчас находятся в больнице. Он натянул тонкие хлопчатобумажные перчатки и приступил к работе.

Набрав входной код, он тихо вошел в дом и пересек вестибюль. В нескольких местах виднелись признаки поспешного ухода из дома: обувь была разбросана в разные стороны, двери комнат остались открытыми. Надев бахилы, Ку Дончи бесшумно прошел на кухню. Там тоже царил беспорядок, но кран газовой плиты был перекрыт, а микроволновая печь отключена от сети. Ку Дончи тихо поднялся на второй этаж, где находился кабинет Чон Инсу. Все, что требовалось сделать, — это открыть заднюю стенку компьютера и заменить жесткий диск.

Открыв дверь в кабинет, он ощутил запах свежескошенной травы. В комнате была крошечная темнота, но, казалось, где-то внутри кабинета и впрямь растут деревья и трава, настолько естественным был этот запах. Свежий и ароматный, он особо контрастно подчеркивал трагичность внезапной смерти. Ку Дончи подумал, что стоит близким погибшего отворить эту дверь комнаты, и у них сразу же навернутся слезы. Включив фонарик, он нашел компьютер и, зажав во рту фонарь, стал отворачивать корпусные винты, всего их было восемь. Вывернутые винты он аккуратно сложил в сторонке. Когда он снял корпус, то сразу увидел жесткий диск. Это была указанная в списке на уничтожение модель. Ку Дончи выключил фонарь. От волнения во рту скопилась слюна. Ку Дончи сглотнул ее, снова включил фонарь и зажал его во рту. Он сосредоточил внимание на том месте, куда падал свет фонаря, но прислушивался к тишине. Жесткий диск тоже крепился четырьмя винтами. Один, два, три, четыре... Он вынул жесткий диск, а затем, вставив вместо него другой, вкрутил винты обратно. Пока все шло как по маслу. Вокруг было тихо. Оставалось затянуть винты корпуса. Положив снятый жесткий диск в висящую на поясе сумку, Ку Дончи с трудом поднялся на ноги — онемела поясница.

Бесшумно ступая, он вышел из комнаты. Он прошел коридор второго этажа и неторопливо стал было спускаться вниз по лестнице, но внезапно остановился и, повернувшись, снова вернулся на второй этаж: он вспомнил, что

в коридоре было открыто одно окно. Ветер нежно шевелил небольшую занавеску. Открытое окно не было похоже на след чьего-либо проникновения. Казалось, кто-то просто забыл его закрыть. Ку Дончи подумал, что надо закрыть окно. Не похоже было на то, что кто-то намеренно оставил его так, зато открытое окно волей-неволей подталкивает к ненужным мыслям о возможности проникновения.

Ку Дончи тихо прокрался в конец коридора и опустил фрамугу окна вниз. Сначала она пошла туго, но когда он нажал посильнее, она поддалась. Ку Дончи повернулся и снова двинулся по коридору в сторону лестницы. В это время в коридоре внезапно вспыхнул свет. Ку Дончи рефлексивно замер. Это явно были не датчики движения. Они бы отреагировали, когда он поднимался вверх по лестнице. Мелькнула мысль сигануть в окно. Одна из дверей открылась, и в коридор вышла девушка. Судя по ее виду, она только что проснулась. С растрепанными волосами, потягиваясь на ходу, она пошла по коридору. У Ку Дончи оставалось совсем немного времени, чтобы принять решение, как поступить. Он решил быстро спуститься по лестнице, но обойти девушку было невозможно из-за узости коридора. Тихо, словно скользя в своих бахилах, Ку Дончи бесшумно продвигался к лестнице вслед за девушкой. Она явно еще не сбросила с себя остатки сна. Возможно, продлись ее возвращение в реальность немного дольше, ему удалось бы ускользнуть, не показывая своего лица. Но когда он был уже у самой лестницы, их взгляды встретились.

Она, с расширившимися глазами, застыла на месте. Он опрометью бросился вниз по лестнице. На последней ступеньке оступися, подвернул ногу, но не остановился. Торопливо ткнув в кнопку замка, толкнул дверь и выскочил наружу. Он не видел, что происходит у него за спиной, не знал, предпринимает ли девушка какие-то действия. Он бежал, не оглядываясь, пока не достиг машины и нырнул внутрь. Только тут он позволили себе отдышаться. Ку Дончи прислушался. Вокруг по-прежнему было тихо, ничто не указывало на погоню, но для начала следовало как можно быстрее убраться отсюда. Он вдавил педаль акселератора...

Лишь выехав на трассу, он свернул к обочине и остановился. Стянул бахилы и перчатки, посидел немного, успокаиваясь, и поехал дальше.

Несколько месяцев назад он уже наткнулся на человека во время делитинга. Тогда пришлось прыгать со второго этажа, прикрыв рукой лицо. Еще до того, как поднялась суматоха, он успел исчезнуть в переулке. В тот раз причин беспокоиться не было. Когда твоего лица никто не видел, все осталось на месте, расследование заканчивается ничем. Тогда тоже в списке на делитинг значился только жесткий диск компьютера. Если бы в тот раз он попался во время подмены жесткого диска, то непременно оставил бы следы преступления. Два раза удача была на его стороне.

«Как ты мог повторить ту же ошибку, дурак?» — упрекал себя Ку Дончи, ведя машину и ероша рукой волосы.

Однако в этот раз возникла проблема. Девушка видела его лицо. Если она проявит волю и настойчивость, то рано или поздно сможет его найти.

Нет, вряд ли она станет его искать, ведь ничего не пропало. Весь обратный путь Ку Дончи пытался убедить себя, что причин беспокоиться нет. Но чем больше он пытался убить в зародыше тревогу, тем сильнее она разрасталась. Он включил музыку, выбрав громкий рок вместо оперных арий, и опустил боковое стекло. Почему она оказалась дома? По всей видимости, это была дочь Чон Инсу, но тогда отчего она не поехала в больницу? Судя по ее безмятежному виду после пробуждения, скорее всего, она еще не слышала трагическую новость о смерти отца. Быть может, именно поэтому она и оказалась дома? Ку Дончи потрянул головой, стараясь отогнать настырные мысли. Зазвонил телефон. Это был полицейский Ким Инчхон.

— Сонбэ*, я слушаю вас, — проговорил Ку Дончи и, включив музыку, надел беспроводную гарнитуру.

— Ты где? — голос Ким Инчхона слышался очень тихо. Ку Дончи усилил звук в наушниках.

— Сейчас за рулем. Закончил работу, возвращаюсь обратно.

— Делитинг?

— Да.

— Ты пока не нашел планшетник?

---

* Широко распространенное обращение к старшему по службе или к выпускнику одной и той же школы или университета, раньше окончившему учебное заведение.

— Я как раз направляюсь в Ёнсан, там возникло срочное дело.

— Если что-то обнаружишь, сразу звони, хорошо? Возможно, это убийство.

— Что-то указывает на это?

— Еще не знаю точно. Это похоже и на убийство, и на суицид.

— Вы же сказали, что есть один подозреваемый. Ваша непревзойденная интуиция ничего вам не говорит? — подколол его Ку Дончи.

— Я не знаю. Кажется, утратил интуицию. Похоже, мне пора на пенсию.

— Бросьте, сонбэ. Сонбэ, неужто вы когда-нибудь ловили кого-то, ориентируясь на свою интуицию? Всех вы брали, выбив показания, а лишь потом приплетали интуицию.

— Нет, вы послушайте, что этот негодник позволяет... Ладно, проехали. Слушай, если я выйду на пенсию, найдется мне местечко в твоём офисе, а?

— У меня самого немного работы, как я буду платить вам, сонбэ?

— Ты что, уже забыл, как я подкидывал тебе работу и прикрывал тебя? Вот знал, что в конце концов ты так скажешь. Когда все всех кидают, другого ждать не приходится.

— Сонбэ, вы ведь одним «спасибо» не удовлетворялись.

— Вау, полюбуйтеся на этого негодника. Еще немного, паршивец, и ты скажешь, что я погрязший в коррупции полицейский. Соблюдай минимальные правила этикета и субординации!

— Я понял. Не берите в голову, сонбэ. Это просто шутка.

— Ты знаешь Чон Ильсу?

— Знаю, он президент компании «Noble Entertainment».

— Я встречался с ним после обеда. От него пахнет. Но вокруг так надушено, что я не понял чем.

— Я тоже встречался с ним сегодня.

— Ты? Зачем?

— Он сказал, что хочет познакомить меня кое с кем...

— Правда? Если почувствуешь что-то подозрительное, сразу дай знать. Не действуй в одиночку.

— Вы думаете, это самоубийство?

— Возможно.

— Если я найду планшетник, я дам вам знать.

— Да, ты уж постарайся... Кстати, что ты узнал насчет ножа?

— Об этом доклад пришлю позже, когда обработаю информацию.

— Сегодня отдохни, пришли завтра. Что касается меня, впервые за долгое время поем жареной курятины с женой и детьми. Сегодня ведь выступает национальная сборная по футболу.

— Приятного аппетита.

— Как ты думаешь, наши ребята выиграют?

— Вы же знаете, я не интересуюсь футболом.

— Конец связи, предатель, — сказал шутливым тоном Ким Инчхон и отключился, но Ку Дончи не стал снимать гарнитуру.

Он не мог определиться: ехать в Ёнсан или вернуться обратно в офис. Прикинув, что магазин «V2U», возможно, уже закрыт, Ку Дончи решил вернуться обратно в офис. В такие дни он тосковал по дому, где была ванна. Когда он полностью погружал тело в горячую воду и закрывал глаза, ему казалось, что он возвращается в свое естественное состояние. Может, и сейчас горячая ванна помогла бы растворить зародыш беспокойства о том, что однажды та девушка сможет его найти.

На обочине дороги показалась вывеска «Сауна», но он не стал сворачивать туда, ему стало дурно от мысли находиться голым среди людей. Стоило пошевелиться, и все тело охватывал жар. Ку Дончи потрогал лоб: явно температура. Он ощутил голод. Оставив машину на автостоянке и направляясь к офису, Ку Дончи рассчитывал застать Пак Чаниля в интернет-кафе. Ему хотелось съесть горячего супа и выпить водки.

Открыв дверь в интернет-кафе, он осмотрелся, но Пак Чаниля нигде не было видно. Ли Пиниль поприветствовал его:

— Пришли?

— Шеф-повар Пак сегодня заходил?

— Да, но пробыл недолго. Жаловался, что плохо себя чувствует, и ушел домой.

— Ты завершил работу, которую я тебе поручил?

— Да, я убрал почти все. Осталось подчистить еще в одном или двух местах.

— Понятно, ты хорошо потрудился. Доведи дело до конца.

Ку Дончи попрощался с ним и вышел на улицу. На минуту он задумался: подняться прямо в офис или пойти куда-нибудь и пропустить рюмку водки? И обязательно надо немного поесть. Ему не хотелось заваливаться спать на голодное брюхо в пустом офисе.

В баре, куда они часто ходили с Пак Чанилем, было полно народу. Транслировался футбольный матч, все головы были повернуты в сторону телевизора. Было только одно свободное место, справа и слева дымили курильщики. Мелькнула мысль поискать другой бар, но сил уже не было. Ку Дончи заказал рыбный суп и подогретое японское сакэ.

На его взгляд, футбол был неинтересной штукой. Люди все время орут, преувеличенно сокрушаются, но сквозь это проглядывала скука. На экране виднелись лишь красные и голубые футболки, хаотично передвигавшиеся по зеленому полю. Иногда количественно преобладали красные футболки, иногда — голубые. Ни дать ни взять борьба красных и синих насекомых. Футбол — командная игра, Ку Дончи это было чуждо. Он все привык делать в одиночку: в одиночку передвигаться, в одиночку преодолевать и решать проблемы. По этой причине он без сожаления оставил работу полицейского.

К тому времени, когда началась вторая половина второго тайма, Ку Дончи приговорил бутылку сакэ. Ему стало жарко. Выйдя из бара, Ку Дончи медленно побрел прочь. Ему нравился здешний район, нравился даже тяжелый запах в Аго-билдинге, нравились пристроенные вплоты друг к другу дома с запутанной нумерацией. Когда он оказывался в этом лабиринте узких переулков и зданий, он испытывал необъяснимый комфорт, можно даже сказать — наслаждение. Как трудно вычислить в толпе людей преступника, так и трудно найти скрывающегося убийцу в районе Аго. Возможно, он живет здесь, рядом с тобой. За Аго-билдингом, в районе Аго, жило столь много людей, что невозможно было определить их точное число, все они жили очень кучно, словно узоры на коже крокодила.

Ку Дончи, пройдя мимо здания, пошел по уходящему вверх узкому переулку. То тут, то там раздавались крики болельщиков — видимо, футбольный матч до сих пор не закончился. Узкий переулок был совершенно пуст. Когда наступит рассвет, в этом узком переулке одновременно появятся

толпы людей. Даже удивительно, что такое множество людей спит сейчас где-то в этом районе. Ку Дончи представил себе, как в тесной комнатухе вповалку спят люди. Вот они один за другим встают ото сна, выходят на улицу и бредут с нахмуренными лицами, словно лемминги, к бездне. Казалось, что они ищут смерти, но на самом деле они шли, чтобы одолеть страх смерти...

Видение возникло и исчезло. Он уважал тех людей, которые ради выживания не боялись заглядывать в бездну.

Пройдя до конца переулка, Ку Дончи снова спустился к Аго-билдингу и, купив две банки пива и пакет миндаля в ближайшем круглосуточном магазинчике, стал подниматься по лестнице к себе. На последней ступеньке, прямо перед офисом, он ощутил, что воздух как-то изменился. В волнении он взялся за ручку двери, та свободно повернулась. Кто-то вскрыл кодовый замок, хотя это был замок повышенной сложности. Пэк Гихён заверял, что даже специалистам требуется примерно три часа, чтобы справиться с ним. Ку Дончи тихо открыл дверь.

Внутри никого не было. Он нащупал выключатель, лампа дневного света, мигнув несколько раз, ярко осветила помещение. На первый взгляд никаких изменений не было видно. Несгораемый шкаф, металлический письменный стол, стул, шкаф для одежды, раскладушка... Все вроде на своих местах. Он несколько раз внимательно просканировал глазами обстановку офиса, но результат был тот же: нет никаких изменений, все на месте. То, что был взломан только входной замок, а все остальное оставлено нетронутым, выглядело странным. Ку Дончи, поставив пиво на письменный стол, как делал всегда, сел в кресло, включил «Одноглазку» и откинулся вместе со спинкой кресла назад. «Нет, — подумал он, устраиваясь поудобнее, — что-то все-таки неуловимо изменилось». Из «Одноглазки» звучала ария. Он прикрыл было глаза, и тут до него наконец дошло, что именно изменилось.

Ку Дончи встал и подошел к несгораемому шкафу. Кодовый замок на самом нижнем отделении висел немного по-другому. Внешне выглядевший самым обычным наружным кодовым замком, он представлял собой довольно хитроумное устройство. Стоило ввести неправильный шифр — и кодовый набор блокировался, а прорезь для ключа перекрывалась за-

слонкой. Чтобы снова набрать шифр, требовалось тридцать раз нажать на кнопку «Сброс». Нельзя было сказать, что это был совершенно безопасный замок, но не всякий мог бы с ним справиться. Однако он был демонстративно отперт. Не иначе классный специалист работал. Показал, на что способен, и тем ограничился. Ку Дончи снял замок и распахнул дверцу. Лежавшие внутри бумаги, кажется, не тронули. Он снова закрыл архив кодовым замком и вернулся в кресло.

Ему надо было подумать о том, почему и по какой причине кто-то проник в его офис, но мысли не приходили в голову. Он с раздражением открыл банку пива и сделал большой глоток. Холодное пиво резко обожгло горло.

10

Когда, опережая календарь, наступили холода, из всех окон района Аго стали раздаваться трескучие звуки, страшно пугавшие людей. Этот район был очень чувствителен к зиме. Требовалось время, чтобы подготовиться к ней морально. Для того чтобы длительное время противостоять холодам, важно было разогреть душу. Местные жители с помощью разговоров и историй усердно разжигали огонь в сердцах друг друга.

— Собрался за детьми? — спросил Пяк Гихён, подметавший площадку перед магазином.

— Да, — ответил Ча Чольхо. На нем была тонкая черная куртка, надетая поверх спортивного костюма. У него было такое лицо, словно первые заморозки радовали его.

— Тренер Ча, небось, доволен.

— Почему вы думаете?

— Когда наступает зима, разве пол в спортзале не становится холодным? Тогда ты сможешь использовать свой любимый инчжамучжок.

— Объясните мне, какая связь между холодным полом в спортзале и принципом инчжамучжок?

— Разве эта поговорка не учит, что у терпеливого нет врагов?

— Ачжоси, сколько раз я могу говорить вам, что врагов нет не у терпеливого человека, а у доброго.

— Кто умеет терпеть, тот и является добрым. Кто добрый, тот умеет терпеть, — возразил Пяк Гихён.

— Что вы с утра беспричинно придираетесь ко мне?

— Какие придирки, это лишь утреннее приветствие... Ну что, хорошо выспался. Следуя своему принципу?

— Да, спасибо, благодаря вашей неустанной заботе я очень хорошо выспался, — в голосе Ча Чольхо сквозила ирония.

— Ах ты негодник, — с готовностью завелся Пяк Гихён, почувствовав ее, — с чего это ты проявляешь такое неуважение к старшему по возрасту? Этому ты учишь детей?

Тренер Ча Чольхо молча откланялся и пошел к автостоянке, втянув голову в плечи. Пяк Гихён, тихо посмеиваясь, продолжил свое занятие.

Когда он закончил, то уже на пороге магазина заметил О Юнчжон, с рассеянным видом идущую к Аго-билдингу. Она выглядела бледной и осунувшейся. Пяк Гихён отставил метлу:

— Ну и ну, почему такая молодая девушка ходит так, словно совсем обессилила?

— А, это вы, здравствуйте. Вчера не спала всю ночь, — объяснила О Юнчжон, еле кивнув в знак приветствия.

— Вы говорили, что вы сценаристка, верно?

— Да.

— Я не хожу в кино, поэтому не знаю... Вы, наверно, пишете все эти разговоры актеров, так? Трудно, поди, писать такое ночь напролет, да?

— Да... Ничего особенного.

— Приятно, конечно, видеть, как вы живете, усердно работая, но если вы будете ходить так, словно вас покинули силы, мужчинам это не понравится. Такая молодая и красивая, прямо невеста. Современным мужчинам нравятся энергичные и ласковые женщины.

— Да, спасибо. Кстати, я слышала, что вчера вечером должна была состояться встреча жителей района. И что обсуждали? К сожалению, я не смогла присутствовать.

— Да ничего особенного, говорили о реконструкции района. Это был разговор, не связанный с арендаторами.

— Реконструкция? То есть район будут перестраивать?

— До сих пор было много разговоров, но теперь, кажется, действительно решено реконструировать. Говорят, здесь снесут все здания и построят что-то новое, современное...

— Зачем сносить такой хороший район?

— Да что здесь хорошего? Давно пора все снести. Глядишь, построят что-нибудь современное и сверкающее, тогда это место станет похожим на район, где живут люди.

О Юнчжон думала возразить ему, но промолчала. Не хотелось начинать бесполезную дискуссию. Не было сил спорить с ним. У нее было только одно желание — побыстрее добраться до своей комнаты, умыться и лечь поспать хотя бы на несколько часов. Она легким кивком головы завершила беседу с Пяк Гихёном и стала подниматься по лестнице. Вонь Аго-билдинга чувствуется сильнее, когда устает.

У О Юнчжон с некоторого времени появилась привычка прежде чем зайти к себе, приставлять ухо к двери офиса Ку Дончи. Вот и в этот раз она, оглянувшись, осторожно приблизилась к железной двери и плотно приложила к ней ухо. Сначала она ощутила холод металла, а затем до нее, словно издалека, донеслась классическая оперная ария вроде тех, что она часто слышала по радио в далеком детстве. Из офиса Ку Дончи чаще всего слышался один мужской тенор. Пел он главным образом на итальянском языке, и это О Юнчжон очень нравилось. Ей мнилось, будто она улетает куда-то в далекие края.

Вот и сегодня, несмотря на усталость, привычка взяла свое. Казалось, голос итальянского певца сулил О Юнчжон хорошие сны. Она снова приложила ухо к двери, но голос умолк. С улицы донесся звук завожасьей машины, затем в офисе как будто открыли и закрыли скрипучую дверцу. Она решила немного подождать, но больше ничего не было слышно. Выждав немного, она решила подождать еще секунд тридцать. Если не послышится никаких звуков, она пойдет к себе в комнату, вымоет лицо, волосы — хотя нет, их не стоит мыть, для сушки потребуется время. Когда она думала о том, что вместо волос лучше сначала помыть ноги, дверь офиса внезапно открылась. Не успев отпрянуть, она оказалась лицом к лицу с Ку Дончи и замерла с полураскрытым ртом, глядя на него снизу вверх. В этот момент он ей показался очень высоким. Что-то следовало сказать, но она застыла, словно онемев. Ку Дончи мягко улыбнулся:

— Здравствуйте. Вы ведь живете в соседней квартире, верно?

— Что?.. Ах да, здравствуйте. Все верно.

— Я слышал, вы пишете сценарии.

— Сценарии? Ах да, правильно, но если говорить о сценариях... — О Юнчжон осеклась и уставилась в пол.

— Я много слышал о вас от шеф-повара Пака, а вот встречаться прежде не доводилось.

— Да, приятно познакомиться, — смущаясь, сказала она.

— Вы, наверное, собрались на работу.

— Да, вообще-то я на сегодня закончила, но можно сказать и так. Я работаю дома... — О Юнчжон смутилась.

— Тогда увидимся позже, — сказал Ку Дончи. — У меня еще есть дела, я ухожу.

— Да-да, конечно... Раз надо идти — идите, — выдавила она, не поднимая головы.

Она посторонилась. Ку Дончи запер дверь офиса на ключ и быстро сбежал вниз по лестнице. О Юнчжон смотрела ему вслед. Из-за того, что он так спокойно и невозмутимо воспринял эту ситуацию, она не могла поверить в то, что только что произошло. Только после того как отзвучали его шаги, она шлепнула себя по голове и пробормотала:

— Что ты вообще творишь, О Юнчжон, а? Ты с ума сошла, что ли?

Она набрала код на замке и вошла, не переставая корить себя. Подслушивание — преступление, зачем она так поступила, а? Ведь он работает частным детективом! Ведь то, что она учудила, равносильно тому, что на глазах у дорожного полицейского перейти улицу в неподобающем месте. Что он вообще мог подумать о ней, идиотке? И на кой черт понадобилось отсчитывать тридцать секунд, когда можно было сразу пойти к себе? Раздеваясь, О Юнчжон продолжала упрекать себя. Как она теперь будет смотреть ему в глаза? И что он подумает о ней — какая-то странная она, странная девушка, действительно странная девушка, держаться от нее подальше. Она прекратила свой монолог, лишь оставшись в лифчике и трусиках. Надев пижаму, она быстро юркнула под одеяло. Голос Ку Дончи все еще продолжал звучать в ушах. О Юнчжон вдруг рассмеялась. Он сказал, что много слышал о ней, какой же надо быть дурой, чтобы все испортить при первой встрече! Надо бы умыться, но неохота вставать.

О Юнчжон стала думать о сценарии, в котором детектив Ку Дончи был бы главным героем. Какое название подошло бы? Быть может, «Тайна тени»? Точно, раз главный

герой — детектив, в названии должно быть слово «тайна», а действие хорошо бы перенести в Норвегию. Детектив, отправившийся в далекую холодную страну, гоняется там за одним человеком, мужчиной, постоянно преследуя его, и в конце концов встречается с ним на фьордах, где везде лежит снег, на палубе парохода. Детектив Ку Дончи, наверно, сказал бы тому человеку такие слова: «Я долго наблюдал за вами, вы — замечательный человек, вы мне нравитесь, следуя за вами, я все видел». О Юнчжон мысленно услышала голос Ку Дончи, произносящий это. Она почувствовала, как его голос крепко обнял и прижал к постели, не было никакой возможности освободиться и встать. Однако навалившаяся тяжесть детектива Ку была приятной. И с этим О Юнчжон заснула.

Пока он шел к автостоянке, Ку Дончи мысленно набросал список дел на сегодняшний день. Другие прибегают для этого к цифровым устройствам. Он же мысленно писал в воздухе перед собой. Этот воображаемый список никто не мог подсмотреть. Детектив Ку старался не оставлять за собой следов. Он пользовался простейшим мобильным телефоном: только звонить и получать звонки. Он никогда не отправлял СМС-сообщения и ничего не сохранял в памяти телефона. Стремление жить, не оставляя следов, обусловленное характером его работы, оборачивалось постоянным стрессом, головными болями и усталостью. Ку Дончи снимал их, разглядывая следы других. Вытащив из архива следы множества людей, внимательно рассматривая их, он заново проживал вместе с ними их жизнь. Он страдал вместе с ними, разделяя их тайны.

В списке дел на сегодня было больше десяти пунктов. К нему все время добавлялись возникающие проблемы, требовавшие решения, и он постепенно расширялся. Выполненные дела он мысленно помечал крестиком и перемещал в воображаемую мусорную корзину. Однако после посещения офиса взломщиком в течение нескольких дней не смог закончить ни одного дела — наоборот, работать становилось все сложнее. Он посетил студию «ANE» и магазин «V2U», где за два дня до смерти побывал Пэ Донхун, но не смог найти ни одной подсказки. В расследовании по команде «Вонсудочжан» тоже не наблюдалось никакого прогресса,

не было уверенности в том, что Пэ Донхун убили, и версию суицида можно отбросить. Но сейчас Ку Дончи больше всего беспокоил тайно проникший в его офис человек. Кто он, черт его подери? Ку Дончи был встревожен, если не сказать больше. Уже несколько дней он собирал информацию об экспертах по замкам. Вскоре под подозрением оказались пять человек, но у всех имелись надежные алиби. К тому же среди них не было специалиста, способного справиться с замком в кабинет офисе. Сначала он думал обойти всех экспертов по замкам, работавших в районе, но отказался от этой мысли, иначе дело получило бы нежелательную огласку. То, что ничего не было взято, могло означать, что целью преступника было напугать. Он лишь продемонстрировал свое мастерство. Ку Дончи не был уверен, что сможет быстро найти того, кто в состоянии напугать его. После короткого телефонного разговора с Ким Инчхоном он сел в машину и поехал к нему.

Ким Инчхон, стоя на крыше, откуда прыгнул Пэ Донхун, посмотрел вниз. У него сразу сильно закружилась голова. Он проделывал это более ста раз, но все время, как в первый раз, чувствовал сильное головокружение. На мгновение он представил, как падает с крыши. Воображение тут же направило его к итоговой картине... Вот большая лужа крови. Хотя было много случаев, когда упавшее с крыши тело не разбрызгивает вокруг себя кровь, представить такое еще страшнее. Когда не хочется представлять себе кровь, надо представить, как ломаются кости. Белые и скользкие ребра и другие кости, например тазовые, с треском ломаются... Чем больше он воображал это, тем ближе рвота подступала к горлу. Стоило ему представить, как тысячи острых фрагментов раздробленных костей находятся внутри тела, сразу появилось отвращение. Головокружение Ким Инчхона брало начало с воображения. В тот момент, когда ему представились раздробленные кости и кровь, он почувствовал страх высоты. Он крепко схватил перила в том месте, откуда сбросился Пэ Донхун. Он подумал, что, если Пэ Донхун сбросился сам, он точно был сумасшедшим. Ким Инчхон даже не мог представить себе, каким сильным духом надо обладать, в каком отчаянии надо быть, чтобы сброситься вниз с такого места.

— Сонбэ, что вы делаете? Собрались спрыгнуть? — В голосе Ку Дончи слышались едва заметные нотки тревоги.

Услышав его голос, Ким Инчхон отошел от перил.

— Эй, не подходи близко, а то спрыгну, — шутливо крикнул Ким Инчхон, глядя на него.

— Что это за игры вы развели?

— Игра называется «Поставь себя на место другого».

— Что еще за игра?

— Я стараюсь представить, что чувствуют те, за кем я гонюсь.

— Сонбэ, раньше за вами такого не водилось.

— Этим подлецам наверняка не позавидуешь. Когда я загоню их в подобное место? Черт, у них остается два варианта: сигануть вниз или, развернувшись, пробить детективу с ноги.

— Я бы в такой ситуации выбрал бы второе.

— Большинство бы так и поступило. Черт подери, это естественно, я тоже в такой ситуации завалил бы детектива. Как можно прыгать с такой высоты? Я бы хотел выжить любой ценой. Но чтобы выжить, надо убить.

— Что с вами? Вы на себя не похожи, сонбэ.

— Просто в последнее время чувствую себя отвратительно. Чем я буду заниматься дальше, чтобы выжить?

— Вы можете выйти на пенсию в следующем году.

— В следующем году? Ты думаешь, в следующем году что-то изменится? «Оставить сыскное дело, для которого ты предназначен?» Мой остаток жизни — он мой, понял? А от твоего причитания «годы, годы» я чувствую себя хреново, — рассердился Ким Инчхон.

— Зачем вы звали меня? — примирительно сказал Ку Дончи.

— Что? Ах да, я же позвал тебя. Черт, стоит мне разволноваться, как резко повышается температура. Наверно, в таком состоянии люди и умирают.

— Сонбэ, вы сегодня действительно странный.

— Ты еще не нашел планшетник?

— Никаких зацепок.

— Кто же его выкрал, черт возьми?

— Я веду расследование в отношении близких к Пэ Донхуну людей.

— Как ты думаешь, что такого важного там может быть?

— Возможно, ничего и нет.

— Если мы найдем его, а в нем ничего не обнаружится, я сильно разочаруюсь, понимаешь?

— С другой стороны, можно предположить, что в планшетнике хранится нечто очень важное.

— Чем же таким чрезвычайно важным обладал Пэ Донхун?

— Ну, например, каким-нибудь списком или компроматом, или чем-либо другим в этом роде.

— Или компьютерной игрой, — хмыкнул Ким Инчхон.

— Кстати, то, что мы ищем, может касаться развлечений.

У Ким Инчхона ожила рация в руке. «Ты все подготовил? Силуэт нарисовал?», — спросил он, выслушав говорящего. — «Да, все готово. Хотите начать прямо сейчас?» — «Да, — сказал Ким Инчхон, — я начинаю. Проследи, чтобы рядом не было прохожих».

— Что вы собрались делать? — спросил Ку Дончи.

— Ставлю эксперимент, — бросил Ким Инчхон.

— Какой еще эксперимент? «Поставь себя на место другого»? — невпопад пошутил Ку Дончи.

— Зачем проводят эксперимент? Догадайся. Эксперимент с Пэ Донхуном, — не повелся на шутку Ким Инчхон и ткнул пальцем в двух манекенов рядом с перилами.

— Эксперимент с Пэ Донхуном? Зачем?

— Да вот решил провести эксперимент, что-то здесь нечисто.

— Вы думаете, что ему могли «помочь» сзади?

— Давай, подсоби.

Ким Инчхон и Ку Дончи с усилием подняли первый манекен. Он имел точно такой же вес, как и покойный Пэ Донхун. Они перевалили манекен через ограждение. Спустя несколько секунд раздался глухой удар.

— Это было самоубийство? — спросил Ку Дончи, но Ким Инчхон не ответил.

Они с трудом подняли на ноги второй манекен и приложили к ограждению.

— Дончи, толкни его сзади посильнее. Будто собираешься убить... Ты меня понял?

— У меня странное чувство.

— Представь, что этот «парень» — твой враг, который сводит на нет всю твою работу. Представь, что даже среди делитеров — он самый отвратительный говнюк.

— Но если я не испытываю к нему ненависти?
— Ну что ты как маленький! В теплице вырос, что ли?
— Вы же хорошо знаете, я не рос в тепличных условиях.
— Ладно, неважно. Представь что угодно. Главное, что с этим типом вам в этом мире не ужиться. Давай, толкай посильнее — он тяжелый.

— Да, понял. Толкаю, — буркнул Ку Дончи и изо всей силы толкнул манекен в спину.

Тот полетел вниз головой, зацепившись нижней частью за ограждение. Следом послышался глухой звук столкновения манекена с землей. Ким Инчхон сказал в рацию: «Доложи о расстоянии от манекенов до здания».

Через несколько минут послышалось: «Начальник, докладываю. Первый манекен упал в четырех метрах от здания, второй — в четырех с половиной метрах». — «Ты уверен?» — уточнил Ким Инчхон. — «Измерить снова?» — прохрипела рация. — «Зачем? Или ты не уверен?» — «Нет, я ручаюсь». — «Ну и ладно», — подытожил Ким Инчхон и, выключив рацию, пошел туда, где лежала пепельница.

Ку Дончи, следуя за ним, спросил:

— Сонбэ, а на каком расстоянии от здания обнаружили тело господина Пэ Донхуна?

— Примерно в трех с половиной метров.

— Тогда выходит, что он сам сбросился.

— Ты полагаешь он должен переспрашивать слово в слово?

— Ведь это показал эксперимент. Когда он сбрасывается сам, тело падает в трех метрах от здания, а когда толкают — в трех с половиной. Разве результаты не говорят сами за себя?

— Я смотрю, убойные дела это не твое.

— Что вы этим хотите сказать? — с недоумением и легкой обидой в голосе спросил Ку Дончи.

— Помнишь, когда ты работал со мной, ты тоже не хотел расследовать убийство, связанное с отравлением... Как ты объяснишь разницу в полметра?

— Попробуйте объяснить вы, сонбэ.

— Под ногтями Пэ Донхуна я обнаружил засохшую синюю краску. Она вроде похожа на краску этих перил. Сначала я не акцентировал на этом внимание, потому что, если он держался за перила, чтобы броситься, естественно, краска должна была прилипнуть к нему.

— Когда он, наконец, решил броситься вниз, наверно, крепко вцепился в перила, — высказал предположение Ку Дончи.

— Да, можно предположить, что так и было. Но если он так страшно испугался в последний момент, мог ли он решиться на прыжок? Посмотри, ограждение очень высокое. Если бы он взобрался на него перед прыжком, то упал бы на расстоянии не менее пяти метров от здания. Как же надо ему было исхитриться, чтобы упасть на расстоянии чуть больше трех с половиной метров?

— А если предположить, что кто-то толкнул его сзади, но он попытался уцепиться за ограждение и, сделав полоборота, почти вертикально полетел вниз головой?

— Верно. Но тогда бы он упал максимально близко к зданию. И еще одно «но» — я не могу найти объяснение краски под ногтями. А что, если предположить, что это события развивались не так?

— Вы полагаете, что события могли развиваться иначе?

— Итак, смотри, вот здесь двое держат Пэ Донхуна за ноги, угрожая сбросить вниз.

— А откуда тогда появилась краска?

— Все просто. Висящий вниз головой Пэ Донхун наверняка инстинктивно царапал стены ногтями, желая ухватиться за что-нибудь.

— Вы проверяли стену?

— Нет, я не мог проверить, у меня сильно кружится голова. Дончи, ты проверь эту версию.

— У вас по-прежнему высотобоязнь?

— Ты найди человека, который не боится высоты. Это только такой паршивец, как ты, радуется ей.

— Не передергивайте. Вы хотите сказать, что, если есть следы ногтей на стене, значит, это было не самоубийство, а убийство?

— Хватит болтать, давай быстрее спускайся и посмотри. Вот, держи веревку, — сказал Ким Инчхон и протянул ему свернутый трос.

Ку Дончи взял моток и направился к перилам. Он привязал один конец троса к ограждению перил, а другой закрепил на талии. Он обеспечивал лишь минимальную страховку. Пока Ку Дончи, перевалившись через ограждение, стал опускаться головой вниз, стравливая трос, Инчхон держал его за ноги.

Ку Дончи осмотрел стену слева направо. Обнаружил на ней хаотично нарисованные линии, словно здесь поработал художник-абстракционист.

— Ну что там, есть следы? — нетерпеливо подгонял его Ким Инчхон.

— Подождите секунду, — крикнул Ку Дончи, борясь с прилившей к голове кровью.

И вдруг он увидел... Линии, выглядевшие как абстракционистский рисунок, были следами ногтей. Это были страшные следы борьбы за жизнь.

— Эй, есть следы или нет? — нетерпеливо окликнул его Ким Инчхон.

Ку Дончи не отвечал, он не мог ответить. К его горлу подступила тошнота. Следы от ногтей будто побагровели. Возможно, это ему показалось оттого, что кровь прилила к голове. У него ослабли руки. Ким Инчхон еле вытянул его за ноги навстречу.

11

Чон Союн вычеркнула красным адрес офиса очередного частного детектива. Всего в ее списке значились пятнадцать адресов, из них десять уже были проверены, оставалось пять. Каждый раз, вычеркивая очередной адрес, она испытывала легкое разочарование, но пока еще оставались адреса, она не падала духом. Она позвонила одиннадцатому частному детективу из списка и договорилась с ним о встрече. Затем позвонила в фирму и взяла еще несколько дней к отпуску за свой счет. К счастью, сейчас был период, когда работы было немного, к тому же фирма только что завершила крупный проект, поэтому руководство не стало возражать.

Одиннадцатый по списку офис находился где-то рядом с зоомагазином. По ее мнению, хороший детектив вряд ли мог работать здесь. Сверяясь с записанным на листочке адресом, Чон Союн миновала зоомагазин, из стеклянных витрин которого поглядывали на нее кошки, собачки, ежики и зверушки, названия которых она не знала. Их взгляды показались ей полностью опустошенными. Перед лестницей, ведущей в подвал, виднелась вывеска, сделанная из окра-

шенной в голубой цвет фанеры. Поверх нее неряшливым почерком было написано: «Офис частного детектива Ли Ри». Чон Союн неторопливо стала спускаться по ступенькам. Внизу обнаружилась такая же фанерная вывеска, прикрепленная к железной двери. Только Чон Союн собралась постучать, как дверь открылась.

— Это вы звонили? — без всякого приветствия спросил внезапно появившийся в двери мужчина.

Чон Союн от неожиданности невольно отступила назад. Открывший отличался настолько буйной растительностью на лице, что в царившем тут полумраке требовалось некоторое время на то, чтобы отнести его к роду людскому. Встрепанные волосы, густые брови, борода и бакенбарды — глаза и нос тонули в густой поросли.

— Да, здесь...

— Все верно. Это офис. Меня зовут Ли Ри, — не дослушав ее, волосатик протянул руку.

Чон Союн не стала пожимать руку, а лишь кивнула в знак приветствия.

— Я могу войти и поговорить с вами?

— Ах да, конечно, входите. Не обращайтесь внимания на беспорядок. Я собирался прибраться, но второпях... Входите, пожалуйста.

Внутри офиса царил суший бардак. На полу резвились щенки и котята, а на письменном столе замерла игуана. Казалось, что во всех уголках комнаты прячется разная живность. Чон Союн не удивило бы, даже если из темноты вдруг появилась бы рысь. Детектив Ли Ри принес из угла стул и поставил его на свободный пятачок в центре офиса, так как не было другого места, где его можно было расположить. Сам он устроился за письменным столом.

— Устраивайтесь поудобней. Может быть, хотите что-нибудь выпить?

— Да, у вас тут беспорядок, но живенько.

— Рад, что вам нравится. Вы любите животных?

— Могу ли я попросить стакан воды? — сказала Чон Союн, оставив его вопрос без ответа.

— Воды? Ах да, воды... У меня есть вода, — весело сказал детектив Ли Ри и принес стоявшую в углу комнаты большую наполовину опустошенную бутылку питьевой воды.

— У вас, наверно, нет кружки? — спросила Чон Союн.

— Да, кружки нет, — простодушно сказал частный детектив Ли Ри таким тоном, словно это было вполне естественно.

Чон Союн приняла бутылку и стала пить, не прикасаясь к горлышку. Воды в бутылке заметно поубавилась.

— Теперь, раз вы промочили горло, давайте перейдем к сути дела, не возражаете? Итак, с чем вы ко мне пришли?

— Здесь в основном ищут потерявшихся животных?

— Да, конечно, таких дел большинство, но приходится выполнять и прочие поручения, не обязательно связанные с поиском животных.

— За поиск потерявшихся животных вы много берете?

— Все зависит от конкретного случая. А вы, собственно, по какому делу?

— Я хочу найти человека.

— Найти человека, это хорошо. Я хорошо нахожу людей.

— Я почти ничего не знаю о нем.

— Хорошо, давайте начнем с того, что вы о нем знаете.

— Я не знаю ни его имени, ни возраста, ни адреса проживания.

— У вас есть его фотография?

Чон Союн вытащила лист бумаги с наброском портрета и протянула его детективу Ли.

— Он выглядит вот так.

— Вы хотите, чтобы я нашел его без фотографии, имея на руках только это? Ого, вы что, думаете, сейчас на дворе времена династии Чосон*? С таким рисунком невозможно будет найти. Хотя надо признать, что нарисовано хорошо.

— Я работаю в этой области.

— А, вы, оказывается, художница.

— За сходство я ручаюсь. Да, еще я знаю, кем он работает.

— И кем же? Работа какая-то особенная?

— Я слышала, что такую работу называют «делитинг».

Лицо детектива Ли Ри вмиг посуровело.

— Как вы узнали, что он занимается делитингом?

— Этот человек вторгся в наш дом. Хотя нет, слово «вторжение» здесь звучит неточно. Может быть, это вернее назвать проникновением? Или лучше тайным вторжением или тайным проникновением? Во всяком случае в тот день, вер-

---

*Название Кореи с 1392 до 1897 года.

нувшись домой, я крепко уснула, потому что за день до этого проработала на фирме всю ночь. Я проснулась от жажды и встала попить воды. Когда я вышла в коридор, он стоял там, словно вкопанный. Я так испугалась, что не смогла даже крикнуть, и тоже замерла. Я смотрела на него так примерно секунды две... или меньше, но я очень хорошо запомнила лицо того человека. Когда он исчез, я растерялась, не зная, что делать: звонить в полицию или сначала осмотреть дом и выяснить, не пострадал ли кто из домашних, не пропало ли что. Когда я взяла мобильник, чтобы позвонить, увидела более тридцати пропущенных звонков.

— Кто-то из родственников умер.

— Как вы узнали?

— Вы же сами сказали, что видели делитера, ну, в смысле уничтожителя?

— Ах, да.

— Делитер обычно занимается ликвидацией вещей или информации в компьютере или следов в Интернете после чьей-то смерти. Он уничтожает следы умершего. Кто-то умер в вашей семье?

— Отец.

— Я соболезную вам.

— Все в порядке. Все будет хорошо.

— Продолжайте свой рассказ.

— Мать, не зная, что я вернулась домой, все время звонила мне, а я, отключив звонок телефона, крепко уснула.

— Да-а-а, надо же такому случиться именно в тот день.

— Я тут же кинулась в больницу и на несколько дней совершенно забыла о том человеке. Лишь похоронив отца, я вспомнила о нем. Ах да, взломщик. Я спросила у матери, не пропало ли у нее что-нибудь. Мы с ней все тщательно проверили, но оказалось, что из ценных вещей ничего не пропало. Я уже было подумала, что ничего страшного не случилось. Но когда я включила в кабинете отца его компьютер, тот не заработал. Я вызвала специалиста. Он все проверил и сказал, что жесткий диск совершенно чистый, на нем не было никакой информации. Чуть позже я узнала, что этим занимаются специальные люди, так называемые делитеры, в смысле уничтожители, верно?

— Вы так спокойно говорите об этом.

— Потому что я рассказываю об этом уже в десятый раз.

— Вы хотите сказать, что все специалисты — все десять человек, которым вы рассказали об этом до меня, ничего не знают об этом человеке?

— Все как один сказали, что не знают.

— Однако вы наивны, — сказал Ли Ри и улыбнулся.

— Интересно, почему? — простодушно спросила Чон Союн.

— Все они не сказали бы, даже если и знали, — Ли Ри по-прежнему смотрел на нее с улыбкой.

— Почему?

— Потому что это считается стукачеством. Как бы это вам объяснить... Между такими людьми существует негласный закон — не доносить на людей, принадлежащих к одному сообществу.

В это время один из щенков подбежал к детективу Ли Ри и, забравшись ему на колени, стал лизать его выпирающий живот. Вслед за ним тут же появился котенок и, словно желая составить компанию щенку, мяукая, начал кружить возле его ног.

— Детектив, почему вы говорите мне о таких вещах? Это ведь тоже стукачество, нет?

— Строго говоря, я не являюсь стукачом. Я вот, например, как детектив давно выдворен из среды профессионального сообщества на периферию, я подвальный детектив, если можно так выразиться. Находя хозяевам потерянных животных, я с трудом перебиваюсь с хлеба на воду. Даже при желании выдать вам какие-либо секреты я не смогу этого сделать, поскольку уже давно не в курсе внутренней жизни этого сообщества.

— Тогда расскажите мне о нем, пожалуйста.

— Что рассказать? О ком?

— Расскажите, кто этот человек, где он живет.

— Я же сказал, что уже не обладаю информацией о жизни детективного сообщества.

— Хорошо, тогда узнайте, пожалуйста, о нем. Вы же о нем знаете намного больше, чем я.

— Какая мне будет выгода от этого?

— Деньги — ваша выгода.

— Вы хотите, чтобы я стал стукачом-осведомителем за пару вонов?

— Вы же сказали, что не являетесь членом сообщества детективов.

— Да, я не являюсь. Но есть негласный закон — не нарушать правила этого сообщества.

— Хорошо. Скажите, сколько вам нужно денег, чтобы нарушить этот ваш негласный закон.

— Как вы поступите, найдя того человека?

— Для начала я должна вернуть себе жесткий диск.

— А после этого?

— После этого я не знаю. Как вы думаете, стоит звонить в полицию?

— Я думаю, что жесткий диск уже ушел в мир иной, потому что это работа делитера.

— Тогда, тогда... я убью его.

— Человек, который просил избавиться от жесткого диска, — ваш отец. Если говорить откровенно, вины делитера в этом нет. Скорее всего, у него имеется контракт на выполнение этой работы.

— Неважно, есть контракт или нет и попросил ли отец. Я должна обязательно получить назад тот жесткий диск. На нем находится все: фотографии, снятые отцом, фотографии отца, снятые мной, письма, которые мы писали друг другу, видеоролики, сочиненные отцом песни, мои дизайнерские работы и многое другое. На нем находятся фотографии, снятые в прошлом месяце во время нашего с ним путешествия на Галапагосские острова. Он не мог попросить удалить их. Что-то сделано неправильно, он не мог так поступить. Я обязательно получу назад тот жесткий диск.

— Галапагосы? Вы там побывали?

— Что?

— Вы только что сказали, что посещали Галапагосы.

— Да, в прошлом месяце.

— Значит, вы видели там морских игуан?

— Да, видела. Они длиной примерно полтора метра.

— Вау, круто! Они красивые?

— На этом жестком диске хранятся также фотографии морских игуан.

Упоминание морских игуан тронуло сердце детектива Ли Ри. Он хорошо понимал гнев людей, когда те что-то теряли, легко соглашался с ними, разделяя их горе. Глядя на него, Чон Союн подумала, не является ли недостатком детектива

Ли Ри та легкость, с которой он согласился взяться за это дело, его сопереживание из-за потерь фотографий с игуанами. Однако, подумав, она рассудила, что это послужит ему стимулом побыстрее выполнить заказ. Кроме того, если говорить об уникальных фотографиях с галапагосскими игуанами, с которыми уже вряд ли когда-либо в жизни доведется сфотографироваться, у нее не было слов от возмущения.

Чон Союн молчала, ее молчание давило на него.

— Я попробую разузнать. Делитеров не так много. Если поговорить немного со знающими людьми, вашего визитера найти можно.

Чон Союн покраснелась от волнения.

— Правда? Вы думаете, его удастся найти? Ведь прошло не так уж много времени, если мы быстро найдем его, можно будет восстановить данные жесткого диска, верно?

— Думаю, что можно. Да, кстати...

— Что?

— Сколько вы готовы заплатить за эту работу?

— А сколько вы хотите за нее?

— Есть так называемая базовая цена за такую работу, я не попрошу много. Но есть некоторые нюансы, связанные с предоставлением внутренней информации о детективном сообществе, так что, мне кажется, придется собрать больше дополнительной информации...

— О деньгах не беспокойтесь, — перебила его Чон Союн.

При этих словах лицо Ли Ри прояснилось. Он снял лежавшую игуану и, сдвинув весь хлам в одну сторону, достал бланк договора и заполнил его. Получив аванс, он поставил свою подпись. Они обменялись рукопожатием. Впервые за долгое время у него появилась работа. Кроме того, он полагал, что это будет очень простым делом. Но он знал немало случаев, когда простое дело выглядело сложным, и наоборот, сложное дело — простым. В этот раз дело выглядело сложным, но на самом деле оно было простым. Как только он увидел рисунок Чон Союн, то сразу подумал, что этим человеком мог быть Ку Дончи, а раз ночной визитер человек был делитером, это был точно он. Достаточно будет выяснить, где тот сейчас живет, и работа выполнена. Он вспомнил, как много лет назад Ку Дончи его выручил. «Хённым, вы всегда мне помогаете», — подумал он. И широко улыбнулся, пожимая руку Чон Союн.

Хан Юми, игравшая на теннисном корте, вспомнила слова Ку Дончи: «Они же посылают мяч в комфортную зону». Ей показалось, что она слышит его насмешливый голос. Мячи, которые она посылала через сетку, по непонятной причине летели туда, откуда президенту Чон Ильсу было удобно их отбивать. Хан Юми не знала, почему так получалось. Она старалась, чтобы они направлялись в другое место, но все было бесполезно. Навыков не хватает, полагала она. Но оказалось, что проблема в другом — в стойке и в чувствах, отражающихся на лице Чон Ильсу. У него не было видно слабых мест. Все это моментально приводило в замешательство любого партнера и сильно ограничивало действия. Они играли пара на пару, но Чон Ильсу один царил на корте. В паре с ним играла Сон Миён, и Ли Ёнмин, игравший в паре с Хан Юми, всю игру осторожничал, избегая сложных подач. Сон Миён выкладывалась по полной, а Ли Ёнмин иногда пропускал мячи. Если посмотреть на них со стороны, то можно было подумать, что Сон Миён играла на класс выше него. Матч закончился для Хан Юми и Ли Ёнмина отвратительно, они с трудом смогли выдержать один сет.

Завершив игру, все четверо снова встретились после душа в находившемся на первом этаже ресторане.

— Господин президент, сегодня я кое-чему научился у вас. Вы действительно, как и говорили о вас, отлично играете, — сказал Ли Ёнмин, положив мобильный телефон на стол.

— Ну что вы, мы все учимся, играя, друг у друга. Как давно вы играете в теннис? — спросил Чон Ильсу, положив на стол руки и сцепив пальцы.

— Примерно три года. Пока еще играю не очень хорошо. Хорошо бы и впредь время от времени иметь возможность учиться у вас, господин президент.

— Давайте уберем мобильники и побеседуем. Я чувствую скованность, когда на столе лежат эти штуки, — Чон Ильсу кивнул в сторону лежащего на столе телефона.

Ли Ёнмин взял мобильник и сунул его в карман брюк. Над столом повисла тишина. Но наслаждался ею лишь Чон Ильсу. Сон Миён молчала с самого начала, Ли Ёнмин и Хан

Юми от неловкости не знали, куда себя девать. Нарушил молчание тоже Чон Ильсу.

— Госпожа Хан Юми, у вас очень хорошая стойка. Где вы научились этому? — спросил Чон Ильсу, повернувшись в ее сторону.

— Я недавно играю. Учиться-то я училась, но кто бы знал, сколько нареканий получала от учителя. У меня, вероятно, проблемы с центральной нервной системой. Слишком медлительная, нет силы в ударах.

— Вы играете замечательно, на класс выше господина Ли Ёнмина. Издали вас можно принять за профессиональную теннисистку, госпожа Хан Юми. У вас хорошие пропорции тела, прекрасные стойки и позиции.

— Только издали, а вблизи не очень, верно? — Хан Юми весело рассмеялась.

— От вашей похвалы, господин президент, у меня поднялось настроение, — сказала она.

Принесли еду: толстый стейк из вырезки, аппетитный на вид зеленый салат, красное вино. Тишину нарушало лишь звяканье посуды. Чон Ильсу, положив кусочек мяса в рот и тщательно прожевав его, снова посмотрел на Хан Юми и сказал:

— Госпожа Хан Юми, кто из профессиональных теннисисток нравится вам больше всех?

— Мне? Хм, кто мне нравится... Ну, например, Шарапова*.

— Вы похожи на нее.

— Нет, я говорю о ней не потому, что похожа на нее, я имею в виду звук, появляющийся в тот момент, когда Шарапова с силой делает крученую подачу. Я считаю, что этот звук очень красив.

— Для соперника это страшный звук.

— Да, я согласна, для соперника он просто ужасен. С этим звуком возникает невероятно сильное чувство ощущения реальности мяча.

— Господин Ли Ёнмин, а кто из профессиональных теннисистов нравится вам?

Когда Чон Ильсу задал вопрос, Ли Ёнмин энергично заработал челюстями, будто боясь, что вопрос переадресуют к другому, если он быстро не проглотит.

---

*Мария Шарапова — известная российская теннисистка.

— Что касается меня, мне нравится Надаль*, — Ли Ёнмин, наконец справившись с мясом, четко по слогам произнес фамилию теннисиста.

— О, правда? Надаль... Да, он замечательный спортсмен.

— Лично мне нравятся спортсмены, больше полагающиеся на силу, чем на технику, — сказал Ли Ёнмин.

— Силой... Каждый хочет обладать тем, чего у него нет. Если нет силы, стремится обладать ею, если нет точности, желает ее... — сказал Чон Ильсу, глядя на стейк в тарелке, а не на Ли Ёнмина.

— Господин президент, а какой спортсмен-теннисист нравится вам? — спросил президента Ли Ёнмин.

Чон Ильсу, услышав вопрос, иронично приподнял уголок рта и рассмеялся. По выражению его лица трудно было понять, ожидал ли он этого вопроса.— Что касается меня, естественно, мне нравится Педро**. Он идеальный теннисист. Трудно найти в истории тенниса сравнимую фигуру. Господин Ли Ёнмин, вы сказали, что вам нравятся теннисисты с сильным ударом, верно? Но Педро — спортсмен, доказывающий, что мягкость может победить силу. Другие игроки бьют, держа рукоятку ракетки обеими руками, а Педро с легкостью бьет одной. Это возможно благодаря мягкости. Мощный удар у него выходит не из-за силы мышц, а из-за их гибкости и эластичности. Если вы гибкий, то сможете одолеть любого соперника.

Ли Ёнмин с запозданием осознал, что Чон Ильсу говорит, глядя прямо ему в глаза. Желая избежать его взгляда, он нацелился вилкой на другой кусок стейка.

— Это правда, господин президент, мне тоже нравится Педро. Он ведь такой красивый, — вклинилась в разговор Хан Юми.

— Кстати, госпожа Хан Юми, как зовут того мужчину, которого в прошлый раз вы представили мне? Он, кажется, детектив...

— А, вы говорите о господине Ку Дончи.

— Да, он сказал, что был теннисистом. Госпожа Хан Юми, когда вы устроите матч с ним? Как у нас насчет

---

*Рафаэль Надаль — известный испанский теннисист.

**Педро Мартинес Портеро — известный испанский теннисист.

свободного времени на следующей неделе? — Чон Ильсу глянул на Сон Миён.

Та некоторое время сосредоточенно смотрела перед собой, вспоминая расписание.

— До среды у вас назначены встречи.

— Поинтересуйтесь, найдется ли у него время сыграть со мной в четверг или пятницу, — сказал он, обращаясь к Хан Юми.

— Четверг или пятница. Примерно в это время? Хорошо, я спрошу его. Но вы будете играть с ним один на один или парами?

— Он ведь играл среди профессиональных игроков, играть с ним один на один, вероятно, будет трудно.

— С вашим уровнем мастерства, господин президент, вы сможете потягаться с профессионалом и победить его.

— Вы слишком высоко оцениваете мою игру. Будем играть в парном разряде. Это интереснее, к тому же вы, госпожа Хан Юми, тоже сможете сыграть вместе с нами.

— Да, я буду только рада этому.

До самого окончания трапезы за столом велась ни к чему не обязывающая беседа. В основном разговаривали Чон Ильсу и Хан Юми. Сон Миён с равнодушным видом слушала, что говорил президент, а Ли Ёнмин, не поднимая головы, усердно поглощал стейк. Если бы в этот момент перед ним положили тушу быка, он, возможно, съел бы и ее. Только после того как Чон Ильсу с Сон Миён удалились, его лицо посветлело.

— Черт, съеденное мясо не переварится в желудке, — заметил он, переменив позу.

— У тебя настолько испортилось настроение, что ты даже слова вымолвить не мог, — мягко сказала Хан Юми, склонившись к нему с улыбкой.

— Тебе не кажется, что я не нравлюсь президенту?

— Ну не нравишься, и что с того? У него нет причины тебя ненавидеть.

— Причин много.

— Что это за причины?

— Он нагоняет страх. Например, посылает сообщение: дескать, такому типу, как я, он никогда не поручит делать видео, мол, даже и не думай приближаться. И прочее в таком духе.

— У президента стиль общения такой — говорить о таких вещах лично, в лицо. Чего ему бояться, чтобы ходить вокруг да около?

— В любом случае я ему не нравлюсь.

— Даже если ты ему и не нравишься, что тут ты можешь поделаться.

— Подожди, придет день, когда он, стоя на коленях, с мольбой будет просить меня о помощи.

— Интересно, чего ему не хватает, чтобы сделать это? — съязвила Хан Юми.

— Да, у него в будущем появится причина сожалеть.

— Ты что-то скрываешь?

— Что я могу скрывать?

— У тебя сейчас такое выражение лица, словно ты де-ржишь в руках козырную карту.

— Козырную карту в руках держит любой человек. Одни люди прячут ее, а затем предъявляют в нужный момент, другим же такая возможность не подворачивается, и они так и заканчивают игру, не достав козырь.

— В такие минуты ты выглядишь очень коварным человеком, — с улыбкой сказала Хан Юми.

— Да, так и есть, я коварен, — игриво сказал Ли Ёнмин и мягко положил руку на ее колено.

Его рука нежно поглаживала ее ногу, затем двинулась дальше, нырнув под юбку и коснувшись гладкой кожи внутренней стороны бедра.

— Что ты делаешь?

— Ты же сама сказала, что я выгляжу коварным. Я собираюсь показать настоящее коварство.

— Ты рассмешил меня, — сказала Хан Юми, но не изменила позы и положения колен. Наоборот, она немного раздвинула ноги, помогая ему. Хотя нет, возможно, это не она раздвинула ноги, а они, расслабившись, разошлись сами. Когда ее колени раскрылись, его рука стала немного смелее. Он медленно провел пальцем сверху вниз по внутренней стороне бедра.

— Давай поднимемся наверх, побудем немного вместе, а потом уйдем. Тело тоже расслабилось... — тяжело дыша, сказал Ли Ёнмин, убирая руку.

— Куда?

— Попробуй одолжить на некоторое время комнату для гостей.

— Я?

— Ты ведь хорошо знаешь здешний персонал.

— Да, но как так можно... — неуверенно начала было Хан Юми, но, глядя на то, как он расстроено замолчал, встала и, поигрывая бедрами, пошла в сторону офиса администрации.

Ли Ёнмин поддернул брюки, выпирающие в области паха. Не прошло и пяти минут, как Хан Юми с улыбкой вернулась, вертя в руке ключ. Он, ударяясь о пластинку с номером комнаты, издавал резкий высокий звук.

— Скажи, почему, занимаясь сексом, ты так любишь сжимать мои груди? До сих пор побаливают, — кокетливо спросила Хан Юми. Она лежала рядом, нежно поглаживая его грудь.

— Сильно болит? — спросил он, не отрывая взгляд от окна. За окном вся природа уже окрасилась в осенние цвета.

— Было бы хорошо, если бы ты их просто гладил, но ты с такой силой сжимаешь их, — сказала она. — Быть может, это от нехватки любви?

— Когда не хватает любви, разве с силой сжимают груди?

— Не знаю, я сказала так, потому что где-то слышала что-то в этом роде.

— Послушай, совсем скоро наступит зима. Слышишь, как падают осенние листья?

— Правда, здесь очень красивый пейзаж?

— Да, правда. Как ты думаешь, когда я заработаю много денег, смогу ли я так же спокойно жить, создав нечто подобное этому клубу?

— Не смей меня. Ну сколько ты сможешь заработать? Чтобы создать нечто похожее на «Noble Club», надо иметь несколько сотен миллионов вон.

— А что, когда-нибудь и у меня могут появиться такие большие деньги.

— Знаешь, ты сегодня говоришь странные вещи, словно человек, хранящий множество глубоко спрятанных тайн.

— Ты помнишь, что спросила, когда впервые встретила со мной?

— И что же я спросила?

— Ты спросила, есть ли у меня дело, которое я хотел бы выполнить до того, как умру.

— А, вспомнила. Это когда я посоветовала тебе заключить контракт на делитинг? Что ты тогда ответил?

— Я тогда не смог ответить.

— Почему не смог?

— Потому что тогда не было такого дела.

— А теперь есть?

— Да, есть.

— Что это за дело?

— Сила.

— Что за сила?

— Я стану человеком, у которого будет сила.

— Ты ходишь в спортивно-оздоровительный клуб?

— Нет, я имею в виду не такую силу.

— А-а-а, спать хочется.

— Не опоздаешь?

— Дети приходят к четырем. Вроде, есть время поспать еще немного.

— Слушай, а тот человек по имени Ку Дончи, кто он?

— А, кстати, совсем из головы выскочило. Я же должна организовать игру между Ку Дончи и господином президентом.

— Сделаешь позже.

— Ладно, это же можно сделать позже, верно? Сон совершенно пропал.

— Что он за человек? Этот господин Ку Дончи.

— Ты ведь тоже видел его.

— Я не понял, что он за человек.

— М-м-м, вообще-то я тоже не особо хорошо его знаю. Слышала, что он — бывший сотрудник полиции, а сейчас занимается уничтожением материалов умерших людей в Интернете и их личных вещей. Он холост, спортивен, у него широкие плечи. Иногда, когда увидишь его, сразу пропадает аппетит, а в другой раз он очарователен, обладает чувством юмора...

— Он тебе нравится?

— Мне?

— Ты говоришь о нем так, словно он тебе нравится.

— Нет, не нравится.

— Если будешь встречаться с другим мужчиной — убью, поняла? — улыбаясь, сказал Ли Ёнмин.

Он, плотно прижавшись к ней, крепко обнял ее за плечи, словно собрался схватить летящую птицу или удержать воду, утекающую сквозь пальцы. Напрягая руки, он невольно крепко стиснул зубы. Неизвестно, что принесет война с Чон Ильсу. «Долой колебания! Копить силу!» — мысленно повелел сам себе Ли Ёнмин, глядя в окно.

13

Спустя несколько дней после проведения Ким Инчхоном эксперимента с манекенами Ку Дончи по пути в офис зашел в магазин хозяйственных товаров, чтобы купить батарейки для «Одноглазки». Голос певца, доносившийся из магнитола, с каждым днем становился все тише. Конечно, проблема легко решалась включением адаптера в сеть, но ему не хотелось видеть в офисе перепутанные провода.

Выходя из хозяйственного магазина с батарейками, Ку Дончи непроизвольно глянул на камеру видеонаблюдения и вспомнил о переполохе, который недавно учинил Пяк Гихён. Камера была установлена прямо над дверью, и Ку Дончи пришла мысль, что она могла записать проходившего мимо магазина взломщика его офиса. Понятно, что качество записи плохое, но лучше иметь хотя бы силуэт, чем ничего.

Он вернулся в магазин и спросил у Пяк Гихёна, можно ли просмотреть материалы, снятые камерой. Глаза Пяк Гихёна сверкнули. «Что бы вы делали без меня и моей камеры», — было буквально написано у него на лице. Еще раз уточнив дату, Пяк Гихён сел за компьютер рядом с детективом.

— Ну, господин Ку, начнем поиск преступника? Который час вам нужен?

— Этого я не знаю. Если вы дадите копии всех записей за этот день, я просмотрю их.

— Я не знаю, как делать копии. Как поступим?

— У вас есть инструкция по эксплуатации?

— Нет... Может быть, стоит позвонить в фирму, установившую мне камеру?

— Нет, не надо. Такой надобности нет.

— А, вспомнил! Пиниль, да, Пиниль, этот мальчишка, вероятно, знает, как это сделать.

Пяк Гихён, не спрашивая согласия у Ку Дончи, тут же набрал номер Пиниля и позвал его к себе. Минут через пять тот спустился на первый этаж. Он робко поздоровался с Пяк Гихёном и Ку Дончи.

— Эй, Пиниль, ты сможешь сделать копии с записей этой камеры?

— Копирование — простая процедура. Вы позволите?

Ли Пиниль уселся перед монитором. Его пальцы споро забегали по клавиатуре, вызывая невольное восхищение присутствующих.

— Это одна из последних моделей, очень приличная камера. За какой день, вы сказали, сделать копию?

— За двадцать пятое. Эй, что означает приличная камера, если качество изображения отвратительное?

— Почему отвратительное? Прекрасное разрешение.

Пяк Гихён, втиснувшись между Ли Пинилем и компьютером, кликнул по экрану. Появилось большое изображение с таким плохим разрешением, что с трудом можно было разобрать картинку на экране.

— Эй, дяденька, это режим предпросмотра. Попробуйте переключиться на нормальный режим.

— Режим предпросмотра? Что это значит?

— Это означает режим предварительного просмотра, — коротко сказал Ли Пиниль, затем перешел в другое меню и запустил проигрыватель видео. Четкое и ясное изображение заполнило экран монитора. Пяк Гихён и Ку Дончи одновременно издали восхищенный возглас.

— Да, конечно, это ведь новейшая камера. А я-то удивлялся, что изображение такое темное и нечеткое, — горделиво сказал Пяк Гихён, хлопнув рукой по колену.

— Вам полностью переписать записи за двадцать пятое или как?

— Что ты там хочешь переписать?

— Я спрашиваю, вам скопировать на DVD?

— А, ну да, сделай копию.

Ли Пиниль задал режим воспроизведения с учетверенной скоростью. Люди на экране двигались очень быстро. Кадров, где отсутствовали бы люди, почти не попадалось. Они быстро возникали в поле обзора камеры и столь же стремительно исчезали. Были кадры, где дети сидели на корточках и куда-то смотрели, быстро промелькнуло изображение женщины,

которая в поисках метлы из гаоляна* или швабры перерыла сложенные вещи.

— Теперь я смогу поймать всех негодяев-воров. Пиниль, ты сделал большое дело. Я думаю, что момент преступления воришек из спортзала записался очень хорошо.

Пяк Гихён не мог дожидаться завершения копирования. От мысли, что появилась отличная возможность пристыдить Ча Чольхо, он горел от нетерпения. В это время Ку Дончи, следивший вместе с ним за тем, не украли ли мальчишки из спортзала чего-либо, невольно вздрогнул и напрягся.

— Пиниль, можно определить время записи предыдущих кадров? — спросил он студента.

— Да, это двадцать пятое число, время записи — семнадцать часов четыре минуты.

— Во время копирования тоже можно просматривать запись?

— Да, можно.

Ли Пиниль вывел запись на требуемый момент. На экране не показался проходивший мимо хозяйственного магазина мужчина в бейсболке. На поясе у него висела большая сумка для инструментов. Он тут же исчез из поля зрения.

— О, я помню этого типа, — вскрикнул Пэк Гихён, показывая пальцем на экран.

Ли Пиниль быстро прогнал в рапиде запись вперед. Когда незнакомец снова появился на экране, было 17:30. Он двигался в обратном направлении, в кадре также были видны Пяк Гихён и Пак Чаниль. Однако оба раза, когда мужчина появлялся, его лицо было не разглядеть.

— Точно, я видел его, когда разговаривал с шеф-поваром Паком. Этот тип совершил что-то нехорошее? Вы знаете его? — спросил Пяк Гихён, обращаясь к Ку Дончи.

— Нет, но его перемещения почему-то выглядят подозрительными, — задумчиво ответил Ку Дончи.

— Правда? Вам, детектив, стоит разок взглянуть, сразу узнаете.

— Вы помните лицо этого парня?

— Лицо... Я не видел его лица. Может быть, шеф-повар Пак помнит? Он хотел проследить за ним. Надо спросить его,

---

*Гаолян (сорго) — вид высокой травы, распространенный в восточной Азии.

не видел ли он лица мужчины. Пиниль, спустись в ресторан и попроси шеф-повара Пака ненадолго подняться сюда.

— Прямо сейчас?

— Ну да, прямо сейчас, господин Ку хочет поймать преступника, разве есть более срочное дело, чем это?

— Нет, не надо, — сказал Ку Дончи. — Я могу сам спросить его позже.

— Нет, так не пойдет. Куй железо, пока горячо, когда нашел доказательство, надо торопиться. Я видел много детективных фильмов и хорошо знаю, что надо так поступать. Давай, Пиниль, сгоняй быстро.

— Директор, вы вообще замечаете, сколько работ заставляете меня выполнять? Вы что, забыли, что я временно работаю в интернет-кафе, а не в вашем магазине?

— И что? Ты хочешь сказать, что не пойдешь? — рассердился Пяк Гихён.

— Да иду я, иду, — недовольно проворчал Ли Пиниль и, быстро поднявшись, ушел.

— Хённим, вы звали меня? — не прошло и пяти минут, как громкий голос Пак Чаниля ворвался в комнату раньше него.

— А-а-а, шеф-повар Пак, проходи, — столь же громогласно приветствовал его Пяк Гихён.

— Эй, детектив Ку, и ты тоже здесь. Тут что, проводится собрание жителей района?

— Помнишь того типа, которого мы видели в прошлый раз? — сказал Пяк Гихён, не обращая внимания на его вопрос. Помнишь, ты тогда еще сказал, что он, возможно, пришел что-то ремонтировать?

— Да, помню. Он выглядел устрашающе.

— Ты помнишь его лицо?

— Конечно, хённим. Знаете, в чем секрет моего бизнеса? Увидев однажды гостя, я уже никогда не забуду его. Почему вы заговорили о нем?

— Поговори немного с господином Ку. Тот тип, кажется, что-то натворил.

Пяк Гихёну хотелось послушать, о чем они говорят, но Ку Дончи, попрощавшись, вместе с Пак Чанилем спустился в ресторан. Это была не та история, о которой должны знать все жители района. Пак Чаниль начал рассказывать, едва за ним закрылись двери «Аромата Сицилии»:

— Он сразу показался мне подозрительным, — сказал он и жестом пригласил Ку Дончи сесть за стол. — Видимо, не желая быть узанным, он низко, по самые брови, натянул бейсболку. На поясе у него висела необычно большая сумка для инструментов. Вроде ничего странного, но... Знаете, какую толстую одежду ни надень, полноту скрыть невозможно. Так и с ним... Что-то случилось?

— Да, случилось. Взломали мой офис, и я почему-то думаю, что, скорее всего, это был он.

— Взломали твой офис?! Ничего себе, да он псих? Взломать офис нашего детектива Ку... Что-нибудь украли?

— Нет, все на месте.

— Тогда в чем дело?

— Я думаю, что меня пытаются запугать.

— Кто эти ублюдки?

— Я не знаю. Но полагаю, что он из тех, у кого ко мне большие счета. Ты смог бы вспомнить лицо того типа?

— Я хорошо помню его лицо. В последний момент, когда он шел к автостоянке, то обернулся, мы встретились с ним глазами. Если увижу фотографию, я смогу узнать его.

— Хорошо. Попробую найти фотографию.

— Да, знаешь, была еще одна странная вещь...

— Что за странная вещь?

— Помнишь, в прошлый раз ты спрашивал о тайной команде «Вонсудочжан»?

— Да, помню.

— Есть ли какая-то связь между тем делом, что ты сейчас ведешь, и «Вонсудочжан»? — с любопытством в глазах спросил Пак Чаниль.

— Возможно, что нет, хотя... О «Вонсудочжан» мало кто знает, а знающие предпочитают молчать. К тому же я не веду отдельного расследования по ней. Почему ты этим интересуешься?

— Помнишь, я говорил о необычно большой сумке для инструментов, висевшей сбоку у него на поясе? На ней был один маленький знак, я не успел разглядеть его детально, потому что мужчина быстро отдалялся. Знак, тем не менее, покаялся мне смутно знакомым, и я пришел к выводу, что он очень похож на символ «Вонсудочжан». Он выглядит как треугольник с острыми углами, пронизывающими круг. Поверь мне, такой знак нечасто встретишь.

— Тебе не кажется странным, что они разгуливают среди бела дня с таким-то символом?

— А много ли сыщется людей, знающих о тайной команде «Вонсудочжан»? Мне это не кажется странным. Самым важным в жизни эти ублюдки считают самовосхваление, гордость и преданность. Быть может, они используют этот символ как тайный опознавательный знак.

— Тогда зачем член «Вонсудочжан» взломал мой офис?

— Может быть, наш детектив Ку узнал что-то лишнее об их организации, и они решили немного припугнуть его? Возможно, это послание, типа остановись, не копай дальше, иначе будет плохо, или что-то в этом роде.

— Если дело в этом, то это простая проблема.

— Почему простая?

— Потому что я уже не занимаюсь «Вонсудочжан». То, что шеф-повар Пак рассказал мне, я передал тем, кто теперь ведет это дело.

— Черт подери, ты сказал им, кто тебе это поведал? Не соберутся ли они напасть на меня? — в голосе Пак Чаниля послышалось беспокойство.

— Естественно, я ничего не сказал о тебе, шеф-повар Пак. Не переживай... Или сказал? Нет, наверно, не сказал, нет. Действительно, сказал я или нет? — то ли в шутку, то ли всерьез сказал Ку Дончи.

— Что это значит? Ты что, не уверен в том, сказал или нет? — раздраженно спросил Пак Чаниль.

— Испугался? — улыбнулся Ку Дончи.

— Эй, детектив Ку! Ты не смотри, что сейчас я выгляжу так невзрачно, но в прошлом я держал нож в руках. Ты хоть знаешь, на кого прыгаешь? В свое время, когда в Нонхёндоне* упоминали нож Пака, даже проходящая мимо дворняжка дрожала от страха.

— Я не сказал, не переживай, не бойся.

— Уф, слава богу. Да нет, я не боюсь. Просто больше, чем страх, раздражает, что станут доставать.

— А вот мне кажется, что ты боишься. Я прав? — шутливо поддел его Ку Дончи.

— Ты уже ужинал? — сказал Пак Чаниль. — Может, тебе сделать пасту?

---

*Район в Сеуле.

— Ты что так внезапно сменил тему разговора? — продолжал свое Ку Дончи. — Я не голоден. Может, позже.

— Хорошо, позже так позже.

Поглаживая лежащие в кармане батарейки, Ку Дончи быстро взбежал на свой этаж.

Он постарался привести мысли в порядок. Для начала он попробовал припомнить, что рассказал Ким Инчхону о «Вонсудочжан». Ничего конкретного. Все, что он сообщил ему, было пересказом услышанного от Пак Чаниля, ссылкой на подсказанный поваром сайт и разрозненной информацией, взятой из разных источников. Не было никаких причин запугивать или уничтожить его. Однако кто знает, в процессе запугивания всегда может возникнуть «искра». Ку Дончи набрал Ким Инчхона.

— В чем дело, вечно занятый детектив? — раздался в телефоне насмешливый голос.

— Сонбэ, вы копали по делу «Вонсудочжан»? — спросил Ку Дончи.

— Кого?

— Тайной команды «Вонсудочжан». Я имею в виду ту организацию, о которой я сообщил вам в прошлый раз, когда вы расспрашивали о ноже.

— Зачем мне их раскапывать? Что-то случилось?

— Нет, просто спросил.

— Ты просто так никогда не спрашиваешь. Явно что-то скрываешь от меня. Успокойся, я передал наверх полученную от тебя информацию и схлопотал выговор за то, что докладываю им о всякой ерунде. Начальство сказал, что, если есть связь между ножом, найденном на месте преступления, и «Вонсудочжан», принести доказательства.

— Разве сам нож не является доказательством?

— На нем что, написано «Вонсудочжан»? Нет ни отпечатков пальцев, ни названия фирмы-изготовителя, ни следов крови... Ничего, понимаешь? Почему ты, зная все это, ведешь себя словно человек, никогда не работавший полицейским... Я тоже устал от этого дела.

— Как идет расследование, связанное с Пэ Донхунум?

— Никак. Я хочу сказать, что краска под ногтями не является достаточным доказательством самоубийства. Впрочем, есть одна странность: если Пэ Донхун оказывал сопротив-

ление, на полу остались бы хоть какие-то следы, но ничего нет. Ничего.

— Он ведь мог не сопротивляться.

— Этого я не знаю. Доказательства, доказательства, доказательства... Черт подери, если бы я, перерыв весь телефонный справочник, нашел имя ублюдка, обладающего доказательствами, я достал бы его из-под земли.

— Сонбэ, сколько времени прошло, как ушли в прошлое телефонные справочники, а вы... Посмотрите в Интернете. Если нет доказательства, возможно, осталось имя свидетеля, — пошутил Ку Дончи.

— Вау, вот ведь паршивец.

Ку Дончи колебался, не рассказать ли Ким Инчхону о проникновении злоумышленника в его офис. Он хорошо понимал, что на него, словно град, посыпется бесчисленное множество вопросов. У него не было уверенности, что он сможет это сейчас выдержать, поэтому коротко попрощался и отключился. Им все больше овладевали сомнения. Единственным достижением на настоящий момент была запись с камеры наблюдения. Если он разыщет этого незнакомца, то сможет найти ключ к ответу. Это было не легким делом. Ку Дончи, слушая арию, мысленно начал набрасывать план.

Вдруг послышался звук, вспугнувший множество обрывков мыслей, теснившихся в голове Ку Дончи. Кто-то настойчиво стучался в дверь. Войдя в офис, он привычно заперся на ключ. Сегодня ему не хотелось принимать посетителей. Он сидел тихо, не двигаясь, уменьшив громкость «Одноглазки» до минимума. «Здесь никого нет. Возвращайтесь обратно», — пробормотал про себя Ку Дончи. Он решил, что так будет сидеть неподвижно, пока посетитель не уйдет. В дверь продолжали стучать, но он не шевелился. Тук-тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук-тук... После небольшого перерыва снова застучали снова: тук-тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук-тук... Ку Дончи закрыл глаза. Проклятый стук мешал думать. Это длилось уже пятую минуту. Стало ясно, что пришли по очень срочному делу, или же это был кто-то знакомый. Ку Дончи нехотя поднялся и направился к двери.

— Кто там? — громко спросил он.

— Это я, Ли Ри.

— Ли Ри?

— Да, хённим.

Ку Дончи открыл дверь. За дверью стоял Ли Ри с лохматой головой и закрывающей пол-лица бородой, одетый не по сезону в толстую зимнюю куртку. Едва увидев Ку Дончи, он сразу поклонился в пояс и поздоровался:

— Хённим, давно не виделись.

— Ты здесь по какому делу? Как ты узнал этот адрес?

— Я ведь тоже детектив, хённим. Решить задачу такой сложности не составило труда, — с некоторой долей обиды напомнил Ли Ри.

— Ладно, заходи.

Тот зашел и, внимательно оглядывая офис, сел на складной стул. Отметил про себя чистоту и порядок в помещении, не шедшие ни в какое сравнение с его захлавленным логовом. Они сидели напротив друг друга и молчали. Оба были из тех людей, которым нелегко приступить к разговору.

— Судя по тому, что ты пришел сюда и так настойчиво стучал, случилось что-то значительное, верно? — после некоторого молчания первым начал Ку Дончи, выключив магнитоу.

— Я сильно расстроен. Я хотел увидеть вас, искал, перерыл весь город. И это ваше первое приветствие? — улыбнулся детектив Ли Ри. — Вы не рады видеть меня?

— Ты ведь не из тех, парень, кому радуются. Да и тебе твои звери милее людей. Разве я могу поверить, что ты искал меня, перетряхнув весь город?

— Кто вам такое сказал? Что я люблю животных больше, чем людей?

— А то я не знаю. На первом месте у тебя звериные детеныши, на пятом месте мужчины, на шестом — я, верно? Или нет, на первом месте находятся деньги, на втором — животные, на третьем — женщины, на четвертом...

— Я немного поменял приоритеты. На первом месте, правильно — деньги, на втором месте всегда были вы, на третьем — животные, на четвертом — женщины...

— Не смей меня.

— А, черт, я вижу, вы действительно не верите моим словам.

— Давай переходи к сути дела. Что стряслось?

— Какова арендная плата за месяц в таком месте?

— Я же сказал, переходи к делу.

— В последнее время нечасто арендуют с уплатой аванса, верно?

— Ли Ри! — резко и нетерпеливо оборвал его Ку Дончи.

— Почему вы так нагоняете на меня страх?

— С возрастом терпение постепенно исчезает. Во мне его совсем не осталось, — Ку Дончи чувствовал, как в нем растет раздражение.

— Есть девушка, которая ищет вас, хённим.

— Кто такая?

— Вы спрашиваете, что за девушка?

— Расскажи подробней о ней.

— Это дочь одного из ваших клиентов. Она говорит, что есть вещь, которую обязательно хочет вернуть себе. Поэтому она повсюду ищет вас. Для начала я крепко привязал ее к себе, чтобы она не ходила к другим частным детективам. Я сказал ей не беспокоиться и ждать, когда найду вас. Проблема в том, что она очень хорошо помнит ваше лицо и знает, что вы делали делитинг. Это большая неприятность, верно?

— Ты — моя самая большая неприятность.

— Почему я?

— Разве ты сейчас не пришел ко мне с намерением содрать деньги с обеих сторон? Ты возьмешь у меня деньги с условием, что не расскажешь девушке об этом месте, затем дашь ей этот адрес, и, получив с нее деньги, исчезнешь.

— Неужели вы считаете меня таким мерзавцем? — с обидой в голосе сказал Ли Ри.

— Да, я так считаю.

— Да-а-а, видно, несправедно я жил. Что я сделал, что приходится выслушивать подобное от хённима?

— Продолжай. Итак, что ты хочешь от меня? Если ты расскажешь, что ты хочешь от меня, то...

— А вы не могли предположить, что я очень добрый человек, хённим? Я просто хотел сообщить вам кое-что.

— Сообщи девушке этот адрес.

— Что? В самом деле? Это доставит вам много неприятностей.

— В любом случае ты ей проболтаешься. Так что лучше мне встретиться с ней и решить проблему, прежде чем она отправится к другому детективу и начнет искать меня через него.

— Да, хённим, вы — настоящий мужчина.

— Ты, как и прежде, живешь, ухаживая за животными?

— Да, мне очень тяжело из-за расходов на еду для моих «детей». Хённим, это судьба — встретиться с вами вот так спустя несколько лет. В будущем, если у вас появится какое-нибудь лишнее дело, поручите его мне. Вы же знаете, в поиске людей мне нет равных. Не обижайтесь, хённим, но тут вы немного уступаете мне.

— При чем тут судьба, это же ты нашел меня.

— Спрячься вы получше, я мог бы и не найти. Если то, что я смог так легко отыскать вас, можно назвать судьбой, конечно, — это судьба.

Ку Дончи неплохо относился к Ли Ри, но предпочитал держать его на расстоянии. Работая какое-то время вместе в прошлом, он узнал его самый большой недостаток. Нелегко работать с детективом, у которого на первом месте стоят деньги, а не выполнение обещания. Деньги могли изменить характер и убеждения Ли Ри.

— Хорошо, тогда, может быть, ты найдешь мне одного человека?

— Что? Вы сразу даете мне работу? Спасибо, хённим.

Ку Дончи решил поручить ему поиск неизвестного, зафиксированного камерой наблюдения. Даже если это потребует больших расходов, неважно. Главное — найти его. Даже если Ли Ри предаст его, это не будет иметь значения. Как бы там ни было, как только он найдет того типа, он выполнит свое дело. Во всяком случае, сейчас это единственный способ решить проблему. Чтобы открыть один из замков, требуется множество ключей, а если есть ключ, как говорится, то и замок найдется. Ку Дончи запер офис и спустился в интернет-кафе вместе с Ли Ри, следовавшим за ним с сияющими от радости глазами.

Чон Союн, закрыв глаза, попробовала вспомнить события того дня. Вот она входит в комнату и включает питание компьютера. Вот вместе с коротким звуковым сигналом включается монитор. Вот заработал вентилятор компьютера, тихая до этого момента комната заполняется шумами. Картинка на экране монитора постоянно меняется. Вот запускается

антивирусная программа. Все, можно работать. Множество задач совершается невидимо, в фоновом режиме.

Когда компьютер, полностью загрузив операционную систему, стал готов к работе, она мысленно начала просматривать по одной все папки. Она попробовала припомнить, какие папки находились на рабочем столе. В папку под названием «Кино» было загружено несколько фильмов. Она вспомнила, что ни разу не смотрела эти фильмы вместе с отцом. Что это были за фильмы? Она не смогла вспомнить их названия, но это не имело значения, папка «Кино» не представляла для нее интереса. Ниже на рабочем столе под этой папкой находилась другая — «Фотографии».

Чон Союн с закрытыми глазами мысленно дважды кликнула по ней. Когда та открылась, внутри обнаружили две папки с названиями «Фотографии папы и мамы» и «Фотографии Чон Союн». Ей нужна была папка с фотографиями отца. Что же было в той папке? Она попробовала восстановить одну фотографию за другой. В памяти всплыла фотография, которую она сняла прошлой весной на фестивале «Грибные цветы». Отец стоял, широко улыбаясь. Она вспомнила, как он сказал что-то смешное, а когда она улыбнулась, заметил: «Вот, накормил шуткой», — и широко улыбнулся. Ее рука, видимо, немного дрогнула при съемке, фотография вышла чуть смазанной, но широкая улыбка осталась. Из-за нее лицо выглядело нечетким: как одно светлое пятно. Чон Союн мысленно убрала свет и попробовала представить его лицо в деталях. Она вспомнила отцовский голос: «Эй, Союн». — «Да, папа», — мысленно ответила она ему.

Просматриваемые фотографии одна за другой быстро проходили перед внутренним взором. Они начали мелькать, как кадры фильма. Скорость течения времени ускорилась. Минутная стрелка двигалась со скоростью секундной, а часовая — минутной. Чон Союн не могла схватить фотографии, они горели. Вот их края обугливаются, чернеют. «Грибные цветы» становятся черными, лицо отца тоже чернеет. Вскоре все исчезло, она подумала, что уже никогда не сможет их восстановить.

Когда возник отец, стоящий с айфоном и фотографией любимого им Эннио Морриконе*, между ней и отцом вклинились щелканье фотокамеры и смех. Все исчезло.

---

* Известный итальянский композитор, аранжировщик и дирижер.

Чон Союн открыла глаза и, оглядевшись, спросила себя: «Где это я?» Неясный вид кафе медленно приобрел четкие очертания. В помещении было много свободных мест, но парень и девушка почему-то решили сесть именно за соседний столик. Они сидели бок о бок, прижимаясь друг к другу и безостановочно хохотали, непрерывно щелкая фотокамерой. «Оппа*, фотография вышла странной, попробуй снова. У тебя же длинные руки, попробуй издалека», — со смехом требовала девушка. Чон Союн ждала, когда они закончат, но фотокамера все щелкала и щелкала. «Что это, оппа, я же вышла странной», — в этот раз девушка сказала с нотками раздражения в голосе.

Чон Союн не выдержала и подошла к их столу.

— Простите, — как можно спокойней сказала она.

— Что? — спросила девушка и, подняв голову, вопросительно посмотрела на нее.

— Тот звук...

— О чем вы говорите?

— Звук камеры, он мне мешает.

— Я не могу его заглушить.

Девушка повернулась к парню, ища поддержки, но тот всем своим видом показывал, что не намерен вмешиваться в разговор.

— Тогда можно вам не фотографироваться?

— Что?

— Я говорю, можно ли вам не фотографироваться?

— Что это значит?

— Вы ведь не знаете, почему фотографии выходят странными?

— О чем вы говорите?

— Вы ведь не знаете, почему они постоянно выходит странными? У вас нефотогеничное лицо, в этом все дело. Как бы вы ни старались, хорошая фотография не получится, и я советую вам как можно раньше отказаться от ваших попыток.

— Что? Оппа, о чем толкует эта девушка?

— Я говорю, кончайте фотографировать, — с раздражением выдавила из себя Чон Союн и, повернувшись, пошла к кассе.

---

*Оппа — обращение к старшему брату младшей сестры, но в данном случае означает «дорогой», «любимый».

Она рассчиталась и вышла на улицу. Неважно, какое выражение лица было у той девушки. Воображаемый экран монитора компьютера, который она только что представляла, закрыв глаза, тоже исчез. Она услышала собственный шепот: «Я говорю, откажись», — и вслух ответила ему: «Нет, я пока не могу». Прошло всего три дня, как она обратилась к частному детективу Ли Ри, а ее душа уже вся извелась. От нее ничего не зависело, ей оставалось только надеяться и ждать.

Чон Союн свернула в находившееся по соседству с домом кафе. Ее сейчас не тянуло домой. Мать, скорее всего, рассеянно сидит в тихой гостиной, уставившись отрешенным взглядом в пустоту. Чон Союн казалось, что эта угнетающая тишина давит на нее, она всячески оттягивала момент возвращения.

Она собралась заказать кофе, когда ожил телефон. Это был детектив Ли Ри. Чон Союн быстро вышла из кафе. В ожидании хороших известий она нажала на кнопку вызова.

15

— Эй, Дончи, вставай скорее, пошли охотиться.

В громком голосе Ким Инчхона, доносившемся из телефона, сквозили нотки самодовольства. Ку Дончи и раньше доводилось слышать такой тон. Как-то раз, пропыхтев несколько часов, Ким Инчхон собрал наконец кубик Рубика. Вот тогда у него был в точности такой же голос.

Ку Дончи не стал ничего уточнять, а сразу отправился на встречу с ним. Ким Инчхон ждал его в своем любимом кафе перед полицейским участком.

Что будешь пить? Тебе как всегда? — шуткой приветствовал он, делая приглашающий жест.

— Интересно, и что я всегда пил у тебя? — подхватил игру Ку Дончи.

— Ну зачем же с утра так дотошно придираешься? Перед тем, как выйти на охоту, надо чем-нибудь подкрепиться. Как насчет круто сваренного яйца с горячим санхва*?

---

*Чай из разных целебных трав, который употребляют для поднятия тонуса.

— Я выпью кофе.

Ку Дончи сел на диван. Тот лишь внешне выглядел надежным. Стоило сесть — и ты проваливался почти до пола, словно в стог сена. Пришлось сидеть, неестественно выпрямив спину.

— Ну, и за кем будем охотиться? — спросил он, стараясь принять серьезный вид.

— Как ты думаешь, за кем? — Ким Инчхон прямо-таки сиял.

— Кролик? — шутливо предположил Ку Дончи.

— Слишком малый объект.

— Косуля? Олень?

— За ними неинтересно.

— Что, еще больше?

— Да, возможно, размером с тигра.

— О, если такая дичь нечаянно укусит, придется попроситься с жизнью, — с иронией сказал Ку Дончи.

— Знаешь, в чем преимущество человека перед животным? — спросил Ким Инчхон, не обращая внимания на его иронию. — Самое большое преимущество в том, что он может, не встречаясь с животным в единоборстве, издали убить его выстрелом из ружья, верно?

— Это относится к вам, сонбэ, у меня нет ружья.

— За огневую поддержку издали не волнуйся — обеспечу.

— И куда это вы хотите снова отправить меня?

— Ты сам захочешь туда устремиться, когда узнаешь. Ладно, не буду тянуть кота за хвост. Я узнал, где находится планшет Пэ Донхуна.

— Правда?

— Если бы это было неправдой, разве я вызвал бы тебя в столь ранний час?

— Да, сонбэ, вы — выдающийся полицейский.

— Ну, до выдающегося полицейского мне еще далеко. Просто тот, кто унес его, кажется, только теперь воспользовался им. Сегодня утром мы смогли определить местоположение планшета при выходе в Интернет.

— Почему вы сами не идете, сонбэ?

— Хотел бы, да не могу. Если начальство узнает, что я собираюсь порыться в планшетном компьютере самоубийцы, оно, скорее всего, не разрешит. Что касается тебя, то даже

если ты попадешься, у тебя ведь есть контракт на делитинг. Конечно, то, что мы хотим сделать — незаконно, но контракт может послужить оправданием. Если во время охоты ты захватишь «истекающий кровью» планшет и принесешь его мне, мы разделаем его, как дичь.

— Омерзительно.

— Любая охота — мерзость.

— Но мне-то какая выгода от этого?

— Как какая? Ты поставишь жирную точку в делитинге Пэ Донхуна, — самодовольно сказал Ким Инчхон, отправив в рот яичный желток. Глаза сонбэ смеялись. Когда, будучи загнанным в тупик, обнаруживаешь маленькую дверь в стене, этого достаточно для радости. А когда окажешься снаружи, не имеет значения, что осталось за ней. Главное — это сама дверь.

Ким Инчхон выложил на стол смартфон. На его экране была детальная карта, в центре которой мигала красная точка — местонахождение планшетника.

— Ты пойдешь? — спросил Ким Инчхон, протягивая ему смартфон.

— Надо идти, — сказал Ку Дончи, забирая его.

Мигающая красная точка была похожа на сердце раненого зверя. Она выглядела так, словно находилась в опасности. Казалось, ее регулярное мигание вот-вот прекратится. Мерцающая красная точка притягивала к себе, будто бы крича ему: «Давай приезжай быстрее и спаси меня, я могу скоро исчезнуть, ты можешь опоздать. Если ты потеряешь меня, долго не сможешь освободиться от угрызений совести».

«Когда я успел дойти до жизни такой?» — ворчал про себя Ку Дончи. Бывали времена, когда он не понимал самого себя. Например, что заставило его стать делитером? Он тратил много сил на поиски этого «чего-то», а найдя, уничтожал. Но когда осознавал, что благодарности не будет, что люди, заказавшие работу, уже мертвы, он каждый раз испытывал чувство разочарования.

Он знал, что может сделать эту работу лучше, чем кто-либо другой в этой сфере. Как делитер он обладал незаурядными способностями. Все порученные ему дела он непременно доводил до конца и умел хранить тайны клиента, как никто другой. Встречавшихся достойных противников он мог при необходимости одолеть физически; играя в теннис, он

превосходил других в быстроте и выносливости; он мог открывать любые замки, а также был в состоянии отремонтировать машины и механизмы. Люди из сообщества частных детективов признавали его прирожденным делитером. Если бы не разочарование, подступающее временами, его можно было назвать идеальным делитером.

С другой стороны, возможно, именно благодаря разочарованию он стал более совершенным делитером. Его душа, все время сомневающаяся, колеблющаяся, мучающаяся, подозревающая, не уверенная в том, надо ли обязательно уничтожать, наоборот, превращалась в силу, заставлявшую его непременно найти тайну и уничтожить ее. Чтобы предотвратить огласку тайны клиента, он мог рассчитывать лишь на свои силы.

К планшетнику Пэ Донхуна он подошел с теми же мерками. Планшет не нужно было уничтожать, поэтому это не было для него трудной работой. Человека, перед которым надо было отвечать, уже не было на этом свете. В контракте с Пэ Донхуном не было поручителя. Даже если случится скандал из-за того, что хранящаяся в планшетном компьютере информация просочится в мир, это не будет иметь к нему никакого отношения. Ку Дончи полагал работу окончательно выполненной, когда было сделано все, что было в его силах.

Подумав немного, он решил во что бы то ни стало найти планшетный компьютер и все-таки уничтожить его.

Ку Дончи, допив последний глоток кофе, решительно выпростался из объятий дивана. Глаза Ким Инчхона следили за ним.

— Если возникнет какое-нибудь дело, сразу звони, — с улыбкой сказал он.

— Сонбэ, вы опять говорите пустое. Разве у нас есть время звонить, когда возникает какое-нибудь срочное дело? — с раздражением ответил Ку Дончи.

— Эй, я прошу тебя лишь быть осторожным, а ты сразу лезешь в бутылку.

— Давайте действовать по обстоятельствам. Если возникнут проблемы, решать их по мере появления. Если появится зацепка — звонить. Вы ведь это хотели сказать, сонбэ?

— У тебя сегодня месячные, что ли, что злой такой? — Ким Инчхон решил разрядить обстановку.

— Паршиво на душе, вот в чем дело. Пойду я, — сказал Ку Дончи и, не оглядываясь назад, вышел из кафе.

Сзади звучала музыкальная трота*, которую пела неизвестная ему певица. Ким Инчхон крикнул вслед: «Будь осторожен!», — но Ку Дончи не ответил.

Красная точка на экране не двигалась. Ку Дончи пришла в голову мысль, что никакой сервис не бывает совершенным. Он понимал, что из-за ошибки определения, возможно, придется перетрясти всю округу. Ехать до места нужно было минут двадцать.

16

Компания «Проект УМ», которой управлял Ли Ёнмин, была не особо крупной, но за последние несколько лет она выросла в одно из ведущих предприятий в сфере досуга. Компанию можно было рассматривать как место, где создавались и раскручивались эстрадные группы и артисты. Внутри нее располагались различные агентства по организации торжественных мероприятий, по изготовлению рекламы, по связям с общественностью; здесь планировались разнообразные представления, в том числе развлекательные. Работа в компании не прекращалась ни на один день, она занимала ту нишу на рынке развлечений, где каждый извлекал свою выгоду. По сравнению с вложенным капиталом и человеческими способностями доходность в ней была низкой, но Ли Ёнмин безропотно вел бизнес. Спустя два года после начала работы он смог выбрать направление по душе и постепенно, года за три, обрести признание в своей сфере деятельности. Теперь он мог выполнять работы, которые ему хотелось, и вкладывать свои силы в дела, приносившие ему больше прибыли.

Главной его работой в развлекательном агентстве было объединение разбросанных друг от друга «точек» в одну линию. Точками он называл отдельного человека, группы людей или фирмы. Чтобы успешно вести дела, он должен был хорошо знать, кто в ком нуждается. Основной задачей

---

* Жанр песни с определенным ритмом, навевающим ностальгическое или грустное настроение.

в его работе было нахождение компромиссов между разными людьми и их разнонаправленными интересами, идя при этом навстречу пожеланиям важных клиентов. К счастью, он обладал талантом соединять все «точки» в одну линию. Много раз ему удавалось достигать неожиданных успехов в деле связывания двух, казалось, совершенно не подходящих друг к другу «точек». В качестве ведущего управленца он добился положительных отзывов от людей. Он вывел на сцену и раскрутил несколько девичьих коллективов. Он получал также огромные доходы от рекламы на крыше здания в центре города. Многие развлекательные компании начали признавать агентство по планированию проектов компании «Проект УМ». Появились фирмы, использовавшие ее методы работы.

Для Ли Ёнмина фирма «Noble Entertainment», принадлежавшая Чон Ильсу, была ступенькой, которую он должен был обязательно перешагнуть. Если он не сможет сделать этого, то не сможет подняться на более высокую ступень. Фирма «Noble Entertainment» была известна в сфере шоу-бизнеса и развлечений как самая закрытая организация, она почти никогда не передавала работы контрагентам. Но даже когда она все-таки шла на подобное, все обычно ограничивалось созданием простенького видеоклипа. В свое время благодаря Пэ Донхуну Ли Ёнмину тоже перепали два заказа от «Noble Entertainment», но они были небольшими. Однако ему хотелось большего.

Ли Ёнмин вел осаду «Noble Entertainment» постепенно, пробуя на прочность то там, то тут. Он пытался овладеть ею с помощью различных соединенных в линию «точек», но она никак не поддавалась. Хан Юмин, с которой он познакомился в теннисном клубе несколько месяцев назад, стала для него новой «точкой», благодаря которой он смог продвинуться чуть дальше, приблизившись к президенту Чон Ильсу. Несмотря на это, он смог лишь едва прикоснуться к ее небольшой части.

«Если вы гибкий, то сможете одолеть любого соперника», — голос Чон Ильсу с саркастическими нотками постоянно слышался в ушах Ли Ёнмина, а перед глазами возникало его лицо. Вот и сейчас, как бы он ни старался, ни голос, ни выражение лица президента не исчезали. Ли Ёнмин достал из выдвижного ящика таблетку, проглотил

ее и сел в кресло, ожидая наступления эффекта. Через несколько минут перед глазами возникли ангелы, до сих пор прятавшиеся в таблетке. Они прежде всего одним лишь своим дыханием отогнали прочь голос Чон Ильсу. Откуда-то послышалась спокойная песня. Она напоминала пение морских русалок или сирен. Все его тело охватила тепло, уши стали гореть. Время замедлилось. Когда он открыл глаза, показались тени от крыльев ангелов, взмахи которых были столь быстрыми, что их не удавалось увидеть. Невозможно было понять: это крылья или их тени или это были облака. Ангелы, быстро махая крыльями, расстилали время перед ним, словно дорожку, раскатывая, словно плоское и тонкое тесто пиццы. У него улучшилось настроение. Сидя в кресле, раскинув руки, он внимательно следил за работой ангелов. Взмахами своих крыльев они создали небольшую волну, которая, постепенно увеличиваясь, накатывалась на него. Он увидел себя оседлавшим волну, что продолжала расти. Все его тело начало извиваться. Казалось, еще немного, и он бросится с гребня вниз. Широко открыв рот, с криком «Хая» он стал дергать головой вверх-вниз. Пришла очередная волна и вознесла на свой гребень так, что он смог увидеть следующую, еще далекую... В этот момент кто-то открыл дверь и вошел. Он был гораздо больше, чем ангел. Сейчас Ли Ёнмин не был в состоянии различить реальность и иллюзию.

— Господин Ли Ёнмин? — словно издалека донесся до него, находящегося на волне, голос стоящего рядом человека. Ли Ёнмину показалось, что он видит, как затрепыхалось его собственное имя.

— Да-а-а.

— Вы в порядке?

— Да-а-а.

Язык Ли Ёнмина, как свернутый в трубочку, заплетался, отвечать ему было трудно.

— Приди в себя, тварь, — крикнул кто-то и огромной ногой с силой ударил его в грудь.

В этот момент Ли Ёнмин больше, чем от боли, страдал от разрушившихся иллюзий. Ангелы, волны, пение русалок, сирен, медленно текущее время — все исчезло. Он усиленно пытался прийти в себя.

— Кто, кто вы такой? — с трудом выговорил он заплетающимся языком.

— Эта мразь — настоящий наркоман. Когда все работают, что вы тут вытворяете, господин директор?

— Я поступил неправильно, — с трудом пробормотал Ли Ёнмин, потупясь.

Он увидел четыре горных ботинка и догадался, что перед ним стоят двое. Он подумал про себя: как они смогли пройти мимо десяти охранников, стоявших перед главными воротами и входными дверями в офис? Ответ напрашивался сам собой: у них, наверно, есть оружие. То, что они вошли средь бела дня, держа оружие, означало одно: у них есть сила. «Возможно, на улице есть сообщники. Сколько их может быть?» — мелькнуло в голове. Он все время думал, как вернуться в реальность, глядя на расплывающиеся предметы в офисе и усиленно пытаясь прийти в себя.

Кто-то, схватив его за шиворот и потянул вверх. Оказавшись на ногах, Ли Ёнмин очутился лицом к лицу с двумя незнакомыми мужчинами. Ему не хотелось смотреть на них, но выбора не было. На головах у них были бейсболки, они были в рабочих комбинезонах серого цвета, на поясах висели сумки для инструментов. Их внешний вид должен был внушать доверие, не вязался с духом насилия, буквально исходившим от них. Один из двоих, видимо, старший, натянул бейсболку почти до бровей, так что не были видно глаз, но из-за впалых щек, особенно острых линий носа и подбородка он смахивал на корабельный якорь. У второго было кругловатое лицо и такие широченные ноздри, что, казалось, он ходит с огромной розеткой на лице.

— Директор Ли Ёнмин? — тихим голосом сказал человек-якорь.

— Да, — вежливо ответил Ли Ёнмин.

— Я задам один вопрос, и на этом мы закончим нашу встречу. Прошу вас ответить.

— Да-да, я понял.

— Планшетный компьютер Пэ Донхуна находится в этом офисе?

— Что? Что вы сказали?

— Я думаю, вы знаете, о чем идет речь.

— Я не понимаю, о чем вы говорите...

— Если он находится в этом офисе, мы найдем его, а если он находится в другом месте, перевернем вверх дном всю фирму.

— Я ничего не знаю об этом.

— Вы пользовались когда-нибудь планшетником?

— Планшетником? Да, конечно.

— Вы знаете, что в нем есть функции поиска его местоположения?

— Что?

— Директор Ли Ёнмин, я не знаю, что вы делали до обеда, но я знаю, что вы включали его впервые после смерти Пэ Донхуна. Мы обнаружили сигнал и пришли. Если вы передадите его нам, мы заберем планшет и спокойно уйдем.

— Я... Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Когда мы найдем его, вы поймете, что мы имеем в виду. С вашего разрешения мы осмотрим офис.

Двое мужчин тут же начали рыться в выдвижных ящиках письменного стола. Что касается Ли Ёнмина, видимо, у него еще не прошло действие наркотика, он не мог даже встать со стула. Он с силой тряхнул головой, пытаясь ослабить его действие. Губы его размякли, волосы растрепались.

— Что вы сейчас делаете? Вы хоть знаете, что это за место? А? Вы сейчас совершаете большую ошибку... Начальник Ким, эй! — крикнул Ли Ёнмин, повернув голову в сторону двери кабинета. — Там что, никого нет?

Пара не обращала на него никакого внимания. Движения их рук, обыскивающих ящики, были ловкими и быстрыми. Они ни разу не перевернули ничего вверх дном. Выдвигая ящики, насколько это было возможно, они заглядывали внутрь, осматривали его содержимое и снова задвигали обратно. Даже во время осмотра они соблюдали порядок, в их действиях чувствовался профессионализм. Ли Ёнмин попытался встать со своего места, но мужчины не позволили ему сделать это. Стоило им лишь грозно посмотреть на него и отрицательно качнуть пальцем, как он тут же рухнул обратно на стул.

Двое мужчин, перерыв все ящики письменного стола, направились в сторону шкафа. Верхние три полки были заняты книгами, нижние две — иностранными алкогольными напитками. Мужчины кончиками пальцев провели по обложкам книг, они сразу запацкались пылью.

— Старший брат, выйдите на минутку.

Дверь кабинета открылась, и появился человек маленького роста с растерянным лицом. Он был одет в такой же комбинезон, что и у двоих, но явно не по размеру.

— В чем дело? — спросил человек-якорь.

— Кто-то пришел.

— Сделаем вид, что никого нет.

— Тот, кто пришел, вот-вот вскроет дверь и войдет сюда.

— Я понял, — сказал человек-якорь и вышел из кабинета.

Внутри здания агентства «Проект УМ» не было ни души. После того как сработала системы пожарного оповещения, охранники вывели всех сотрудников на первый этаж. Все это спланировал человек-якорь. Все это время Ли Ёнмин пребывал в состоянии наркотического опьянения. Человек-якорь посмотрел на человека, возникшего на экране интеркома. Неотрывно глядя в камеру, незнакомец пытался открыть дверь.

— Когда он войдет, оглушить его? — спросил ноздрястый.

Коротышка жестом показал, что этого делать не надо. Человек-якорь не ответил, глядя на дверь, которую пытались открыть с той стороны. Он никак не мог решить, что ему делать в этой ситуации. Несколько секунд он колебался, но потом, видимо, принял решение и, отпер замок. Перед неожиданно открывшейся дверью стоял ошеломленный Ку Дончи.

— Что случилось? — спокойно спросил его человек-якорь.

— Я тоже хотел бы спросить вас, что вы здесь делаете. Ведь был сигнал пожарной тревоги, — сказал Ку Дончи, пряча швейцарский нож в карман и глядя на собеседника сверху вниз.

Человек-якорь был немаленького роста, но тяжело дышавший Ку Дончи был выше сантиметров на пять.

— Мы чинили систему сигнализации. Во время ремонта произошло ложное срабатывание. Разве охрана вам не сказала?

— Я слышал об этом, но решил убедиться лично.

— Простите, вы от какой организации?

— Я полицейский.

— Полицейские обычно имеют удостоверение, — спокойно сказал человек-якорь.

Ку Дончи рассмеялся, вздернув верхнюю губу. Его ноздри хищно раздулись.

- Ваша кепка.
- Что?
- Только тот, кому есть скрывать, так носит головной убор, — Ку Дончи показал пальцем на натянутую бейсболку.
- Вам достаточно открыть бумажник и показать удостоверение.
- Чтобы открыть бумажник, должен быть ключ.
- Что? — спросил недоуменно человек-якорь.
- Я войду внутрь и покажу.
- Никто не может войти сюда, кроме ремонтников. Есть проблема, связанная с безопасностью.
- Вы говорите о безопасности... Кажется, проблема безопасности уже возникла.
- Какая проблема?
- Вы говорите, что заняты ремонтом, но я не вижу никаких признаков работы.
- Сбой произошел внутри, в кабинете.
- Можно войти и посмотреть?
- Сначала покажите значок полицейского.
- Давайте сначала посмотрим, — сказал Ку Дончи и, не дожидаясь ответа, шагнул за порог.

Не успел он войти, как коротышка попытался его ударить. Ку Дончи, уклонившись, резко и сильно ударил его кулаком в лицо, словно рассекая теннисной ракеткой воздух. Раздался глухой звук, будто сук сломался. Когда противник шатнулся, Ку Дончи нанес еще один удар в висок. Коротышка упал, потеряв сознание. Глядя на это, человек-якорь отступил на два шага. Воздух в комнате внезапно сделался плотным.

— Что вы делаете здесь? — резко спросил Ку Дончи, наступив ногой на коротышку, лежавшего без чувств.

— А ты кто такой? — бросил человек-якорь.

— Я не полицейский, но это не совсем ложь, раньше я был полицейским. Чуть позже следом за мной сюда набегут полицейские. Я, как бы это точнее выразиться, в какой-то мере осуществляю предварительный осмотр места преступления.

— Чего ты хочешь? — спросил человек-якорь, медленно открывая висящую на поясе сумку для инструментов.

— Я? Я много чего хочу. Например, заработать кучу денег. Хочу, чтобы в моем проклятом районе в пивбаре пиво

было чуть холоднее. Хочу, чтобы этой зимой выпало больше снега...

— Что за бред ты несешь?

— Ты спросил, я ответил. А ты чего хочешь?

— Было бы хорошо узнать, чем ты на самом деле занимаешься, — проговорил человек-якорь и медленно вытащил из сумки нож.

Форма ножа была уникальной: его кончик был закруглен, совершенно не создавая впечатления хищного клинка. Он скорее напоминал плоскую палку, чем нож. Когда Ку Дончи увидел его, он напрягся. Это был нож вонсудо.

Он сжал кулаки. Если разъяснения Пак Чаниля верны, он не противник этим бойцам. Члены тайной команды «Вонсудочжан» с 1970-х годов, разорвав все связи с мирской жизнью, целыми днями тренировались, оттачивая мастерство. Они искренне верили в то, что посредством боевого искусства получают просветление и гарантию счастливой жизни в загробном мире. По словам Пак Чаниля, «Вонсудочжан» была скорее организацией-сектой. Если дух «Вонсудочжан» 70-х годов сохранился, драться придется не на жизнь, а на смерть.

Человек-якорь, держа вонсудо в руке, не стал сразу атаковать, наоборот, он медленно отступил назад. Его поза выражала неуверенность, закругленный конец ножа был направлен в пол. Взгляд у бойца был тревожный. Он стоял и смотрел поочередно то на лежавшего без сознания собрата, то на Ку Дончи. Все его движения показывали, что он не похож на человека, в течение длительного времени оттачивавшего приемы боевого искусства. Когда Ку Дончи еще раз посмотрел на него, он снова отступил назад. Создавалось впечатление, что он чего-то избегает.

— Мы тихо уйдем, вы отпустите нас? — вежливо сказал он.

— Ну, не знаю. Вы же почти пойманные рыбы, отпустить вас немного...

— Вы тоже, вероятно, пришли за планшетным компьютером. Если вы дадите пройти, мы тихо уйдем. Что касается планшетника, то делайте с ним, что хотите.

— Здесь что, компьютерный салон? Кто здесь гоняется за планшетником? Если хотите уйти, вам придется сперва рассказать о нем. Хотя, глядя на вас, и не скажешь, что вы нуждаетесь в таких вещах, как планшетный компьютер... — с небольшой иронией в голосе сказал Ку Дончи.

— Мы не можем рассказать об этом, — заявил человек-якорь.

— Тогда как я вас отпущу? Какая мне выгода? Упустив пойманных рыб с жемчугом, который они держат во рту...

— Там, в комнате, находится мой товарищ. Если мы будем драться в полную силу, вам придется несладко. У нас есть ножи, кто-то очень сильно пострадает или умрет. Вы готовы к этому?

— Ну, к такому событию я всегда готов. Скоро сюда приедут полицейские. Если они будут драться изо всех сил, во что верится с трудом, но если такое все же случится, вам тоже будет нелегко. Кто-то очень сильно пострадает или умрет или будет арестован. Вы готовы к этому?

— Хорошо. Тогда, если вы отпустите нас, будем считать, что я у вас в долгу. Согласны?

— Ну что ж, по рукам, — сказал Ку Дончи.

Услышав такой ответ, человек-якорь медленно положил нож обратно в сумку для инструментов. Плотный воздух в помещении, казалось, стал разрезаться. Человек-якорь поднял коротышку, еще не пришедшего окончательно в себя, но способного с трудом перебирать ногами.

— Когда он очухается, передайте ему, что нельзя бросаться с кулаками на людей, — посоветовал Ку Дончи человеку-якорю. Тот ничего не ответил.

На оклик человека-якоря из кабинета показался ноздрястый. Когда Ку Дончи увидел всех троих вместе, он не смог удержаться от смеха. В одинаковых рабочих комбинезонах они были ни дать ни взять комедийную троицу. Человек-якорь, ноздрястый и слабак-коротышка. Ку Дончи подумал, что они хорошо подходят друг к другу. Их комбинезоны показались ему знакомыми, вместе с ними исчезло странное чувство, что где-то когда-то он уже, кажется, видел подобную сцену.

Когда они скрылись, он глубоко вздохнул. Все-таки это был крайне опасный момент. Конечно, отпускать их не следовало. Если бы он задержал хотя бы одного из них, он смог бы разузнать о «Вонсудочжане», кроме того, это оказало бы большую помощь Ким Инчхону в расследовании самоубийства. Но другого выхода у него не было. Вступать в драку с мастерами боевых искусств, вооруженными вонсудо, было бы глупо.

В дверях кабинета показался Ли Ёнмин. Его рот был заклеен синим скотчем, сам он был связан веревкой. Ку Дончи первым делом освободил рот. При звуке отклеивающегося скотча он невольно нахмурил брови и сказал:

— Нет, неужели в наши дни еще есть люди, использующие столь старомодный синий скотч! Есть же гораздо лучшие материалы...

— Детектив Ку, спасибо, — проговорил Ли Ёнмин, видимо, окончательно придя в себя.

— Кто те люди, которые ушли только что?

— Я не знаю. Они внезапно ворвались и связали меня.

— Что они хотели от вас?

— Это... я тоже не знаю. Может быть, они грабители?

— Вам не кажется странным, что в охраняемый офис врываются грабители?

— Конечно, странно. Они, связав меня, перерыли все ящики.

— Значит, они что-то искали.

— Я не знаю, что они искали.

— А я, кажется, знаю.

— Что они ищут?

— Если судить по короткой встрече с ними, эти люди — члены общества «Пёнсонёкчжа»*. Связав вас, они собирались надругаться над вами, опозорить.

— Они хотели меня изнасиловать?

— Вы видели их сумки для инструментов? В них находилось множество разнообразных приспособлений. Однако эти люди не получают удовольствие, ограничившись только этим. Они искали что-то подходящее для внушительного финала.

— Такого у меня нет, вы же знаете.

— Не открыв ящик, не узнаешь, что в нем лежит. А вот если в ящике находится планшетный компьютер, он стал бы для налетчиков приятным сюрпризом.

— Планшетный компьютер?

— Вы не догадываетесь?

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, — оборвал его речь Ли Ёнмин. — Для начала распутайте, пожалуйста, эту веревку.

---

*Общество, практикующее извращенное сексуальное насилие и разврат.

- Где он находится?
- Что?
- Планшетник?
- Что еще за планшетник?
- Я говорю о планшетном компьютере господина Пэ Донхуна.
- Детектив Ку.
- Да.
- У меня к вам есть вопрос.
- Спрашивайте.
- Господин Пэ Донхун передал мне свою вещь. Теперь я стал ее владельцем. Я хочу включить ее в список своих вещей, подлежащих обязательному уничтожению. Когда я умру, она должна быть уничтожена. Вы же уничтожите ее, господин детектив Ку?
- Нет, так не получится.
- Почему?
- Дело в том, что господин Пэ Донхун уже попросил меня уничтожить этот планшетник. Он исчезнет до того, как вы, господин Ли Ёнмин, извините меня, станете его владельцем.
- Господин Пэ Донхун, очевидно, прежде чем умереть, изменил свое мнение.
- Мне об этом неизвестно. Я лишь следую контракту.
- По закону планшетный компьютер является моей вещью. Вы поняли? Вы не можете отнять ее у меня.
- Я не буду отнимать ее у вас. Я думаю украсть ее прямо перед вашими глазами, господин Ли Ёнмин. Я вскоре найду планшет и выкраду его.
- Хорошо. Что ж, попробуем решить все проблемы по-очередно. Для начала, пожалуйста, освободите меня от веревок.
- Какое отношение к нашему разговору имеет освобождение вас от веревок? Я освободил от скотча ваш рот, рассказывайте, а я тем временем буду искать.
- Ли Ёнмин с расстроенным видом попробовал освободиться от веревок, двигаясь телом в разные стороны, но он был связан на совесть.
- Уважаемый детектив Ку, могу я сделать вам одно предложение?
- Говорите.

— Если вы не тронете планшетник, я вам за это хорошо заплачу.

— Вау, заманчивое предложение. Интересно, насколько огромная сумма может меня ждать.

— Вам нужны деньги?

— Ну, деньги всегда нужны.

— Сколько вам нужно?

— Чем больше, тем лучше.

— Я дам вам столько, что вы не разочаруетесь. Поверьте мне. Если вы спасете меня, я буду с вами до конца.

— В таком случае я действительно тронут до слез. Хорошо. Давайте для начала я развяжу вас, — сказал Ку Дончи, освобождая его.

Веревка была тонкой и крепкой, она оставила следы на его теле. Запястья рук были связаны, но рукава одежды не были смяты, на них не было пятен крови. Ли Ёнмин потряс онемевшими запястьями, попробовал повернуть голову из стороны в сторону.

— Ну, теперь ваша очередь, — улыбаясь, сказал Ку Дончи.

— Сколько вы хотите?

— Мне просто интересно, сколько вы можете предложить. Я должен знать, сколько денег может дать мне господин Ли Ёнмин, тогда, исходя из предлагаемой вами суммы, я смогу представить, что входит в планшетный компьютер.

— В нем ничего особенного. Просто в нем хранятся воспоминания о делах, совершенных с господином Пэ Донхуном.

— Значит, недавно ворвавшиеся сюда ублюдки вымогали драгоценные воспоминания двоих людей. Надо же, какие плохие парни есть на свете, — с нескрываемой иронией сказал Ку Дончи.

— К сожалению, я не могу рассказать вам, детектив Ку, о нашей тайне. Прошу вас правильно понять меня.

— Я думаю, вы заблуждаетесь насчет меня. Мне нет никакого дела до тайны двух людей. Я пришел для того, чтобы уничтожить планшетник. Надеюсь, вы не забыли о моей работе?

— Вы обязательно должны найти его и уничтожить? Я же говорил вам, что он является не только вещью покойного господина Пэ Донхуна, но и моей собственностью. Я не украл его, Пэ Донхун добровольно передал его мне. Но почему

вы все время говорите, что хотите его уничтожить? Хотя бы с учетом меня вы ведь можете оставить это дело?

— И что я должен учитывать, господин Ли Ёнмин?

— Ну, хотя бы то, что я тоже ваш клиент, детектив Ку.

— Да, вы мой клиент. Ну и что с этого?

— Я включу тот планшет в свой список для уничтожения.

— Вы заставляете меня повторяться. Еще раз: это вещь Пэ Донхуна. Я лишь выполняю контракт.

— Вы обязательно должны так поступить?

— Это моя работа. Господин Ли Ёнмин, если я по вашей просьбе не доведу до конца свою работу, разве я буду выглядеть достойно?

— Вы выглядите очень достойно.

— Спасибо.

— Я дам вам десять миллионов вон.

— Если десять миллионов вон, значит, проблема связана не с конфиденциальными документами компании, а с чем-то личным. Не кажется ли вам, что сумма маловата?

Снаружи послышался шум. Это возвращались эвакуированные сотрудники. Один из них, открыв дверь, просунул голову.

— О, директор вы были здесь?

— Вам что, все равно, что случилось с директором?

— Охранник сказал, что вы уже в безопасности.

— Тем не менее, вы должны были проверить.

— Что-то случилось?

— Выйди вон, — раздраженно сказал Ли Ёнмин и, смотав веревку в клубок, бросил ее в мусорную корзину.

— Детектив Ку, я дам вам двадцать миллионов вон. Этой суммы будет достаточно, чтобы вы смогли забыть о планшетнике?

— Из-за внезапного увеличения вознаграждения в полтора раза мне становится любопытно: что же все-таки находится в нем? Можно я попробую предположить? Его содержимое, очевидно, опасно. Когда пытаешься его сохранить, оно не приносит пользы, наоборот, может нанести кому-то вред или испортить жизнь. Раз оно находится в планшетном компьютере, я могу предположить, что это или тайные материалы, или секретный список, или запрещенные к показу видеоклипы, или какие-то записи, верно? Ими можно будет

кого-то запугать или шантажировать. Что вы думаете насчет моего предположения? Я угадал в целом?

— Детектив Ку, если вы немного сдержите свое воображение, вам жить станет легче.

— Я называю это не воображением, а умозаключением.

— Вы принимаете мое предложение?

— Господин Ли Ёнмин, вы знаете, что находится внутри того планшетного компьютера, а я нет. Мне кажется, что несправедливо торговаться в такой ситуации.

— Азартные игры вообще такие. Делать ставки, не зная карты другой стороны.

— Значит, я могу поднять ставку еще выше, — сказал, улыбаясь, Ку Дончи.

— Двадцать миллионов вон — мое последнее предложение. Если вы откажетесь от него, это будет не игра, мы войдем в другую ситуацию.

— Хорошо. Напоследок я задам вам вопрос.

— Да, пожалуйста.

— Если я не уничтожу тот планшетник, надеюсь, не случится апокалипсис? Вы можете гарантировать, что, например, не начнется мировая война, или на Землю не вторгнутся инопланетяне?

— Вы серьезно?

— Вы можете гарантировать, что, если я не уничтожу планшетник, это не повлияет на мою работу? Я не знаю, что вы, господин Ли Ёнмин, собираетесь делать с ним, но было бы хорошо, чтобы не возникло проблемы, которая впоследствии могла бы повлиять на мою деятельность.

— Конечно, я сделаю так, чтобы этого не произошло. Это не повлечет никаких проблем для вашей работы, поверьте мне.

— Хорошо. Я принимаю ваше предложение.

— Раз вы согласились на мои условия, в знак благодарности я поделюсь с вами кое-какой информацией.

— Что за информация?

— Речь идет об офисе, где вы сейчас обитаете. Вы все еще живете там?

— Да, я все еще там живу.

— Вы выкупили офис или арендуете его?

— Естественно, аренду.

— Приготовьтесь переехать с помощью денег, которые я вам дам.

- Переехать? — удивился Ку Дончи.
- Я могу сказать только это.
- Спасибо.
- Я зайду к вам с деньгами через несколько дней, — сказал Ли Ёнмин. — Я должен получить от вас расписку о получении.
- Хорошо, — сказал Ку Дончи и вышел из кабинета.
- Взгляды всех сотрудников устремились на него. В тишине слышались лишь его шаги. Лишь отойдя от здания на достаточное расстояние, Ку Дончи позволил себе оглянуться назад. За ним никто не шел. Он предполагал, что за ним могут последовать люди из «Вонсудочжан», но, кажется, ошибся. Он позвонил Ким Инчхону.
- Нашел? — быстро спросил тот.
- Вы не спрашиваете о состоянии моего здоровья? — с издевкой сказал Ку Дончи, озираясь по сторонам.
- Раз звонишь, значит, жив.
- Я схвачен в качестве заложника прямо сейчас.
- Не говори ерунды, не верю.
- Почему не верите? Я повторяю, что схвачен.
- Я прислушался к звукам, ты сейчас не в комнате.
- Я звоню с какого-то склада, поэтому так слышно.
- Слушай, у меня нет времени на шутки. Отвечай быстро, ты нашел его?
- Найти-то я нашел, но не смог забрать.
- Что ты хочешь этим сказать?
- Вы же знаете Ли Ёнмина? Директора компании «Проект УМ», работавшего с Пэ Донхуном.
- Знаю.
- Когда я пришел туда, куда вы направили, оказалось, что это его офис.
- Правда?
- По всей видимости, Пэ Донхун еще до своей смерти передал ему свой планшетник, или Ли Ёнмин отобрал его.
- Ты просто ушел, оставив его у него?
- По-видимому, в планшетном компьютере хранится какая-то важная информация. Возможно, что смерть Пэ Донхуна тоже связана с этим.
- Если так, то почему ты ушел, оставив такую важную вещь? Надо было сделать все возможное, чтобы забрать ее.

— Сонбэ, выслушайте меня внимательно. С этого момента я захожу на территорию суда по семейным делам*. Я думаю, что причина смерти Пэ Донхуна кроется в материалах, находящихся в планшетнике. Теперь ясно: это было не самоубийство, а убийство. Однако материалы находятся в руках Ли Ёнмина. Тот, естественно, тоже в опасности. Он, кажется, знает об этом. Глядя на его поведение, я предполагаю, что он готовится к какой-то атаке, собираясь сыграть на опережение.

— Ты хочешь сказать, что понаблюдаешь, как поступит Ли Ёнмин, держа планшет постоянно у себя?

— Совершенно верно. Если мы используем его, как приманку, быть может, появится огромная хищная рыба.

— Это хорошая идея, но у меня сейчас нет достаточно-го количества людей для слежки за ним. Начальство сверху требует закрыть дело Пэ Донхуна.

— Тогда как поступим?

— Для начала придется вступить в дело мне, а что делать?

— У вас найдется время?

— Ничего не попишешь. Придется жить, уделяя меньше внимания детям, жене, меньше смотреть футбол. Взамен придется чаще видеть тебя. Ты уж помоги мне, пожалуйста.

— Хорошо, — сказал Ку Дончи и отключился, пребывая в сомнениях.

Он не был уверен, стоило ли обо всем рассказывать Ким Инчхону. Если заговорить с сонбэ о деньгах, разговор затянется. У Ку Дончи сложился другой план: проследить, что Ли Ёнмин станет делать. Что плохого в том, что все пойдет по плану, а ему еще удастся и денег заработать? Он даже на какое-то время перестал думать о встрече с членами «Вонсудочжан». Он решил пока не упомянуть о ней Ким Инчхону. Иначе будет затруднительно объяснить полицейскому свой поступок. Но невозможность поделиться с Ким Инчхоном угнетала. Ку Дончи решил сделать это при первой возможности. Тогда его перестанут мучить угрызения совести.

---

* Государственный орган, разбирающий вопросы расторжения брака, раздела имущества и другие семейные вопросы, а также дела, связанные с преступлениями несовершеннолетних.

Ку Дончи достал смартфон. Мигающей красной точки не было. Видимо, зная, что его местонахождение можно отследить, Ли Ёнмин отключил сигнал, но он опоздал. Члены «Вонсудочжан», сторонники Пэ Донхуна, Ку Дончи и Ким Инчхон уже знали, у кого находится планшетник. Веки глаз Ку Дончи отяжелели. Когда напряжение спало, нахлынула сонливость, с самого утра не покидавшая его. Он широко, до слез в глазах, зевнул, держа руки на руле. И поехал в направлении офиса.

17

Чон Ильсу каждый четверг по вечерам проводил время в зале, размещавшемся в подвале теннисного клуба «Noble Entertainment». Там располагалась небольшая сцена, перед ней — огромный диван для единственного зрителя. Между сценой и диваном находилось стекло. Чон Ильсу мог видеть сцену, но для актеров он оставался невидим. Сцену, когда-то служившую ранее местом для прослушивания, теперь переделали под съемочную площадку.

Чон Ильсу, закончив все дела, после ужина переоделся в удобную одежду и занял свое место на диване. На столике рядом находились вино и фрукты. Позади дивана на расстоянии шага стояла его личная секретарша Сон Миён. По ее знаку выключился свет и открылся занавес.

Сейчас на сцене был смонтирован кинозал. Напротив Чон Ильсу в зале сидели семеро мужчин и женщин. Непрозрачное с той стороны стекло выглядело для них как обычный экран. Чон Ильсу повернул голову, чтобы справиться, какой фильм собрались посмотреть те семеро. Оказывается, «Слияние двух лун»*. Он на мгновение улыбнулся. На сцене три человека в первом ряду, один человек во втором и три человека в третьем ряду ждали начала фильма. Чон Ильсу, сидя на диване, смотрел на них через прозрачное для него стекло.

Когда прошло несколько минут после начала фильма, в третьем ряду возникла какая-то возня. Там парень крепкого телосложения и девушка в красной футболке — видимо,

---

* «Two Moon Junction» — фильм Залмана Кинга (США, 1988 г.).

влюбленная пара — сидели, прижавшись друг к другу, рядом, через одно кресло в том же ряду, сидел привлекательный мужчина с густыми бровями. Освещение выхватило лишь третий ряд, возможно, из-за этого брови мужчины выделялись еще сильнее. Он, делая вид, что смотрит фильм, постоянно косился глазами на сидящую рядом девушку. Когда свет переместился на нее, от ее большой груди в сторону живота протянулась длинная тень. Из-за красной футболки ее грудь выглядела еще больше. Девушка тоже, заметив взгляды бровастого, начала посматривать на него, их взгляды часто встречались. Как только начался показ фильма, ее спутник сразу уснул. Это выглядело, конечно, неправдоподобно, но Чон Ильсу решил пренебречь столь незначительными нестыковками в сценарии.

Бровастый пересел в кресло рядом с девушкой в красной футболке. Она все еще обнимала своего парня, но ее тело уже тянулось к бровастому, который успел просунуть руку ей под футболку. Он высоко задрал футболку, так что показались ее груди. Под ярким освещением они заблестели, в соблазнительной ложбинке между грудями протянулась темная тень. Бровастый стянул вниз лифчик. Схватив одну грудь, он припал к соску. Другой рукой он мял ей вторую грудь. Девушка изредка поглядывала на спящего рядом своего парня, но основное внимание сосредоточила на бровастом. Соблазнительно облизывая языком свои губы, она спустила с него брюки. В тот момент, когда показался его пенис, освещение третьего ряда исчезло, остался лишь свет с экрана. Каждый раз, когда свет менялся, делались заметными и движения бровастого и девушки. Сначала она ртом возбудила пенис так, что он стал твердым, затем перешла к более смелым действиям. Она привстала и, повернувшись спиной, села ему на его колени. Мужчина придерживал ее за груди, а она, уперев руки о его колени, начала двигать ягодицами назад и вперед.

Чон Ильсу спустил брюки и взялся за свой член. Синхронно с ягодицами девушки его правая рука ходила вверх-вниз.

— Господин президент, вам помочь? — осведомилась стоявшая сзади Сон Миён, но Чон Ильсу вместо ответа поднял левую руку: мол, все в порядке.

Тем временем бровастый и девушка сменили позу. Она повернулась лицом к спящему спутнику, и бровастый ов-

ладел ею сзади. На этот раз освещение опустилось вниз и высветило его обнаженный пенис. Девушка издала слабый стон, но спящий парень не проснулся. Люди, сидевшие в первом и втором рядах, обернулись назад на ее стон. Освещение немного усилилось и высветило людей, сидящих в первом и втором рядах. На экране развивалось свое действие. Видя, что и в фильме занимаются сексом, зрители в зале стали по одному освобождаться от одежды. Сидевший в первом ряду мужчина пересел во второй и снял нижнее белье с одиноко сидящей там девушки. Групповуха началась. Правая рука Чон Ильсу заработала быстрее. За исключением спящего три пары в зале стали заниматься беспорядочным сексом, меняя партнеров. Доносившая фоновая музыка фильма смешалась со сладострастными стонами. Из члена Чон Ильсу, словно кровь из раны, брызнула сперма. Сон Миён протянула ему салфетку.

— Миён, ты видела этот фильм? — спросил, не глядя на нее, Чон Ильсу, вытирая сперму с брюк.

— «Слияние двух лун»? Нет, не доводилось, — ответила Сон Миён, сделав шаг вперед.

— Как же ты узнала, что мне нравится этот фильм?

— Однажды вы сказали об этом.

— Посмотри его, обязательно посмотри. Любопытный сюжет.

— Хорошо, когда будет время, посмотрю.

— Ты знаешь, в чем смысл названия фильма?

— Я думаю, что две луны символизируют половые органы мужчины и женщины. А если туда добавить слово «слияние»... Я полагаю, что это означает секс, не так ли?

— Ты не представляешь, в какое возбуждение я пришел, когда впервые увидел англоязычный постер этого фильма. Во всем моем теле забурлила кровь. Ты знаешь, что было на постере этого фильма? — две луны, лес, слияние двух лун. В течение нескольких лет я думал, что «слияние»* означает лес. Все это время я думал, что две луны означают женские груди, а лес — лоно женщины. Чтобы посмотреть этот фильм, я тайно пробрался в кинотеатр, но был пойман и побит охранниками.

---

*«Junction» (англ.).

Чон Ильсу, держа в правой руке мокрую салфетку, погрузившись на какое-то время в прошлые воспоминания, громко расхохотался. Его пенис резко уменьшился в размере.

— Господин президент, может быть, мне почистить вас?

— Миён, помассируй себя ниже груди, солнечное сплетение. Там есть небольшой выступ, верно? Знаешь, почему он там находится? — сказал Чон Ильсу, массируя себе указанное место.

Сон Миён тоже погладила свое солнечное сплетение. Кончиками пальцев она нащупала какой-то выступ.

— Не все люди знают, что здесь находится мягкое семя. Оно тут с самого рождения. Некоторые люди, поливая его водой, хорошо растят его, другие сразу его убивают. Когда однажды ты невзначай погладишь солнечное сплетение и обнаружишь, что это семя твердое, значит, ты жила неправильно. Миён, ты понимаешь, что я имею в виду? Если ты не можешь вспомнить прошлое, это значит, что ты живешь неправильно, а жизнь прожита напрасно.

— Да, господин президент.

— Не такое трудное дело, достаточно просто регулярно поливать его, чтобы оно не засохло. Добросовестно, изо дня в день. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Чон Ильсу, вытерев сперму, застегнул молнию ширинки. На брюках остались несколько пятен. На сцене три пары по-прежнему предавались своему занятию. Парень девушки продолжал спать.

— Тебе не кажется странным, что этот друг все время спит? — сказал Чон Ильсу, указывая на спящего.

— В конце он проснется, на этом заканчивается первая часть фильма, — ответила Сон Миён.

— Жаль, было бы хорошо, если бы у него была какая-нибудь другая роль.

— Во второй части фильма у него другая роль.

— Какая?

— Сцена перемещается в бар. Его подружка ушла в туалет, а он занимается сексом с другой девушкой. Что касается его подружки, она встречается в туалете другого мужчину.

— Тебе не кажется, что сюжет слишком однообразен?

— Вы же сами одобрили сценарий и план съемок, так ведь? Мы строго ему следуем: кинотеатр, бар, ресторан, кафе, обычное свидание.

— Да? Хорошо. Действуй. Я знаю, что ты все сделаешь как надо. Ты же знаешь, я доверяю тебе?

— Да, господин президент.

— Мужчины спешат и подходят к делу слишком утилитарно. Ты знаешь, что я имею в виду? Они слишком торопятся и вместо того, чтобы снять фильм для разных вкусов, штампуют порнушку под себя. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Да, я учту ваши замечания.

— Рейтинг последних серий был хороший?

— Около тридцати тысяч просмотров.

— Хорошо, так и надо снимать.

— Вы подниметесь к себе?

— Нет, давай посмотрим еще немного. Вон та девушка, в красной футболке. Это ее дебют?

— Нет, она уже снималась один раз.

— Она хорошо играет. Фигура тоже ничего.

— Я думаю вырастить из нее новую порнозвезду, исполнительницу главной роли.

— Да, это было бы неплохо.

— Прислать ее к вам наверх?

— Хорошо, передай после съемок, что я хотел бы ненадолго встретиться с ней, — с улыбкой сказал Чон Ильсу и поднялся с дивана.

Сон Миён пошла за ним. Уже в дверях они столкнулись с начальником охраны На Ёнуком. Если бы озабоченное выражение лица можно было оценивать по пятибалльной шкале, сейчас его лицо получило бы высший балл.

— Что случилось?

— Отойдите в спокойное место, там я вам доложу.

На сцене, позади Чон Ильсу, по-прежнему продолжали беспорядочно заниматься сексом. Выходя из помещения вместе с На Ёнуком, Чон Ильсу хлопнул по плечу Сон Миён. Только они двое знали, что это означает.

Сон Миён села на место Чон Ильсу и стала смотреть сквозь стекло. Она не понимала почему, но чувствовала себя разбитой и усталой. По ту сторону стекла активно занимались сексом, но происходящее оставляло ее равнодушной. Эпизод уже подходил к финалу. На ее взгляд, между сексом любящих друг друга людей и сексом актеров на сцене существовала очень большая разница. Если секс между любящими

можно было разложить на зарождение, развитие, вершину и финал, то секс между актерами состоял всего из двух стадий — развития и финала. А вот и финал. Сперма трех мужчин забрызгала губы и груди женщин, а также кресла вокруг. Тут спавший парень проснулся, словно по сигналу. Он с недоуменным видом сразу ударил по лицу бровастого, припавшего к его девушке. Тот с грохотом опрокинулся на спину. Взоры устремились на проснувшегося.

— Окей, снято, все славно потрудились, — крикнул режиссер.

Его помощники раздавали актерам полотенца. Сон Миён пошла на сценическую площадку.

— Все хорошо поработали. Вы хорошо сыграли, особенно в самом конце, — утешила она спавшего парня.

— Стараюсь выкладываться, раз по сценарию я сплю либо бью, — с вызовом ответил тот, потирая кулак.

Находившиеся рядом актеры рассмеялись.

— Оппа, ты что, по-настоящему спал? Вон как глаза опухли, — весело смеясь, спросила девушка в красной футболке.

— Да, кажется, задремал было ненадолго. Но ты так громко стонала, — улыбнулся парень, нарочито протирая глаза.

— Немного отдохните, пока сменят декорации. Следующая сцена в баре. Сегодня мы должны успеть закончить съемку. Так что потерпите немного, — ободрила актеров Сон Миён, затем подозвала к себе девушку в красной футболке.

Лицо девушки просияло, когда она услышала слова Чон Ильсу. То, что ее заметил сам президент, означало, что перед ней замаячила возможность стать суперзвездой в порноиндустрии, а это сулило куда большие деньги, чем те, которые она зарабатывала сейчас. Она почувствовала, как в ее руке, держащей полотенце, появилась сила. Склонив голову, она поблагодарила Сон Миён.

Из-за того, что члены съемочной группы забыли отключить аппаратуру, на стекле-экране все время продолжалось «Слияние двух лун». Люди в фильме смеялись и играли в парке аттракционов, эротических сцен больше не было. Сон Миён искренне не понимала, почему многие испытывают волнение, смотря подобные фильмы. Хотя нет, если сказать точнее, то не волнение, а возбуждение. На ее взгляд, и одежда, и люди в фильме выглядели по-деревенски примитивными.

Актеры, завернутые в полотенца, мирно беседовали между собой, их заглушали голоса персонажей «Слияния». Сон Миён внезапно охватило ощущение абсолютной пустоты. В ушах был слышен лишь звон. Она попробовала потряхнуть головой, но это не помогло. Образы людей на экране и актеров слились в единое целое и стали сценой немого кино. Она кашлянула и попробовала закричать — «а-а-а-а!»

Сработало. Она снова могла слышать.

18

Чон Ильсу в течение последних сорока лет, не пропуская ни одного дня, каждый вечер в одиннадцать часов делал записи в дневнике. Хотя назвать это дневником было трудно. Это был небольшой блокнот, в который он все важные события прошедшего дня записывал одной строчкой. Случаи, когда приходилось писать больше, были крайне редки. Он полагал, что для того, чтобы долго вести одну и ту же работу, надо прилагать минимум усилий и быть кратким. Вначале он заносил в блокнот все, о чем думал, но вскоре понял, что этот способ неправильный. Когда он записывал то, что ему хотелось, и то, что можно было опустить, он сильно утомлялся. Ему приходилось каждую неделю менять дневник, и с какого-то времени он, чтобы менять их реже, начал ограничиваться одной строкой. И так он продолжал вести дневник в течение сорока лет.

В дневнике не было важных мыслей. В основном это были записи о встречах, о начале новых проектов или о появлении внезапной работы. Кроме них было много записей мыслей о том, как жить дальше, о желании преуспеть, даже о том, что в какой-то день не было никаких дел. Он записывал фразы по следующему формату: «Месяц. День. Главное событие дня».

3.5. Я съел армейский паек и выпил две бутылки сочжу*.

3.6. Если узнаешь врага и себя, ты преуспеешь.

3.7. Думая, что тебе очень трудно, усердно работай.

Теперь из-за того, что в день писалась только одна строка, ему не требовалось много дневников. В год набиралось

---

*Корейская водка.

365 строчек, за десять лет — 3650, за сорок лет — 14 600. На одной странице можно было записать 20 строк, а всего было 200 страниц. В одном блокноте можно было записать 4000 строк, его хватало на десять лет, поэтому он решил вести по одному дневнику каждые десять лет. Впрочем, первостепенное значение имело не это, а аккуратность и размеренность — ни дня без записи. Он каждый день ставил будильник на двадцать три часа, чтобы не забыть ее сделать.

Были дни, о которых он мог сразу записать одной строчкой, но были и такие, когда сделать это было затруднительно. Он мог написать свою строку-итог лишь после завершения всех дневных дел.

Чон Ильсу, заслушав доклад На Ёнука, никак не мог сосредоточиться. Мешало раздражение, идущее из глубины души. Раздражение, связанное с Ли Ёнмином и «Вонсудочжан», смешалось с раздражением по отношению к Пэ Донхуну. Чон Ильсу не предполагал, что тот станет таким же нервнирующим его человеком, как Ли Ёнмин. «Возможно, следовало бы заранее уничтожить росток», — подумал он. Чон Ильсу неожиданно для себя испытал сожаление. Для того чтобы уничтожить росток, требовалось не так уж много усилий и энергии. Чтобы не сожалеть в будущем, это следует сделать хотя бы теперь, когда он превратился в слишком большое дерево. Там, где раньше хватило бы пальцев, теперь потребуется бензопила.

Чон Ильсу, перебирая блокноты, открыл первую страницу первого дневника. Когда он затруднялся уложить весь день в одну строку, он часто заглядывал в самое начало. На первой строке первой страницы были написаны уже нечетко видневшиеся слова: «Будешь жить один, станешь одиночкой». Прошло сорок лет, чернила почти выцвели. Вместе с почти исчезнувшими чернилами он ощущал пролетевшее время.

На причину его отъезда из родного дома в провинции Канвондо в основном повлиял сын мачехи. Чон Ильсу должен был его называть «хённим», старшим братом, но не смог. Он ни разу не назвал его хённимом и был уверен, что никогда не обратится к нему так.

Чон Ильсу было двенадцать лет, когда мать погибла в ДТП. Это был несчастный случай, о котором не хотелось снова думать. В тот трагический день мать, закончив рабо-

ту в ресторане, на автобусе возвращалась домой. Никто из пассажиров не представлял, в каком состоянии находился их водитель. Никто не знал, почему тот не смог полностью сосредоточиться на вождении: то ли из-за того, что курил сигарету, то ли потому что задремал, то ли из-за проблем в семье. В автобусе ехали семь человек, когда тот внезапно, проломив дорожные перила, скатился с крутого холма. Автобус, переворачиваясь, загорелся, выжить в такой ситуации практически было невозможно, все погибли. Говорили, что тело матери обгорело дочерна, а рядом валялась ее оторванная рука. Он узнал об этом позже, из рассказов, но ему казалось, что он видел все своими глазами.

Спустя год после трагической смерти матери Чон Ильсу съездил на место происшествия. Отец сказал, что хочет жениться на другой женщине, но тринадцатилетний Чон Ильсу ничего не смог ответить. Он не знал, как сказать отцу о поездке, просто ему хотелось увидеть место, где погибла мать. Ему было известно, где все произошло, но не осмеливался поехать туда раньше, хотя уже в день смерти матери решил, что ему обязательно надо туда съездить. Сев в автобус, он отправился на место аварии тем же маршрутом, что и она. Автобус долго петлял по извилистой горной дороге. Миновал уже год, но на месте аварии все еще виднелись следы. Свежеустановленные дорожные ограждения словно обещали, что впредь подобного не случится. У лесистого подножия крутого холма, по склону которого катился, переворачиваясь, тот злополучный автобус, сломанные деревья словно сложились в стрелу, указывающую на место трагедии. Чон Ильсу хотел спуститься вниз, но из-за крутого склона не решился сделать это. Он лишь смотрел вниз. Осознав, что холм — это последнее, что видели глаза матери, он разрыдался. Только теперь он уверовал в то, что ее больше нет в этом мире. Чон Ильсу был еще очень юным, но ему казалось, что он может почувствовать последние страдания матери. Когда он смотрел вниз, ему показалось, что откуда-то снизу доносятся ее предсмертные крики. Ему чудилось, что это плачет ее душа. Он хотел уйти, но ноги не слушались. Ему было страшно, но плач в ушах не прекращался, его захлестнула тоска по матери.

Вернувшись домой, он замкнулся в себе, стал молчаливым. На вопросы отца отвечал односложно. Мачеха не была

плохим человеком, но Чон Ильсу считал, что она потеряла право называться хорошим человеком, заняв место матери, он даже не хотел разговаривать с ней. Но самой большой проблемой для него стал сын мачехи. Вероятно, та рано вышла замуж, у нее был взрослый двадцатилетний сын, совершенно не думавший жить самостоятельно, он бездельничал целыми днями, бесцельно слоняясь по дому. Отец и мачеха утром уходили на работу, поэтому Чон Ильсу был вынужден много времени проводить с ним вдвоем. Сын мачехи, листая порнографические журналы, большую часть времени проводил в своей комнате, в которой раньше жил Чон Ильсу. Временами сын мачехи подсовывал ему фотографии голых женщин и громко говорил:

— Эй, смотри сюда, круто, правда?

Чон Ильсу обычно не отвечал ему, за что получал подзатыльник со словами:

— Эй, недоносок, ты знаешь, как трудно приобрести такой журнал? Может, дать тебе один номер? Когда отнесешь в школу, все ребята выпадут в осадок. Ладно, старший брат даст тебе журнал.

Чон Ильсу обычно ничего не отвечал, уставившись в пол.

— Куда ты смотришь, когда говорит старший брат? Все, исчезни с глаз, — злился в таких случаях сын мачехи и, свернув журнал в трубку, бил его по голове.

В доме было всего три комнаты, но одну использовали в качестве кладовой. Чон Ильсу вынужден был спать рядом с отцом и мачехой. Отец часто заставлял его спать в комнате сына мачехи, и хотя ему не хотелось туда, понимая причину, он подчинялся. Однажды он попробовал спать в кладовой, укрывшись с головой одеялом, но отказался от этой идеи, не выдержав и одного часа.

В тот раз сын мачехи не спал до поздней ночи. Чон Ильсу тоже не мог уснуть, но делал вид, что спит. Укрывшись одеялом, пытался вспоминать хорошие моменты, проведенные вместе с матерью. Он уже начал забывать ее смех, но все еще хорошо помнил ее синие шлепанцы, руки, мывшие его голову, ее глаза во время шитья, спину, на которой она носила его, запах сваренного риса, песню, которую она пела, ее голос... Он многое мог вспомнить, но ее голос постепенно стал забываться.

— Эй, спишь? Дать тебе журнал? Посмотришь вместе со старшим братом, гы-гы-гы, — заржал сын мачехи, пиная его одеяло, но Чон Ильсу не отвечал. — Ты знаешь, чем сейчас занимаются твой отец и моя мать? Ты знаешь, чем? Хочешь, старший брат научит тебя? Эй, черт подери, глядишь, так еще один братик родится, — приставал сын мачехи, но Чон Ильсу по-прежнему молчал.

Но однажды на рассвете Чон Ильсу неожиданно проснулся. Свет в комнате был выключен, повсюду стояла тишина. Это было время, когда еще все спали. Нижняя часть одеяла была скатана, трусы Чон Ильсу оказались спущены, ягоды оголены, но он не мог шевельнуться. Он решил, что бы ни произошло, надо ждать. Что-то коснулось его ягод, и оно было твердым, как камень. До него донеслось затрудненное дыхание сына мачехи, который, раздвинув ягоды Чон Ильсу, пытался ввести свой пенис в анальное отверстие, но у него не получалось. Послышались кряхтение и сопение. Сын мачехи водил твердым, как камень, пенисом вверх и вниз по ягодицам, не оставляя попыток засунуть его в анус. Чон Ильсу не мог понять, что происходит и как ему поступить. То ли стоит вскочить ему с криком, или встать и молча ударить ногой в лицо сына мачехи, либо безмолвно лежать, ожидая окончания. Вместе с коротким восклицанием сына мачехи «О, черт подери!» что-то теплое и липкое потекло по его ягодицам. Сын мачехи достал салфетку и тщательно вытер их.

Такое происходило еще несколько раз. Воспоминания о том времени вызывали у Чон Ильсу омерзение. Однако ему было до сих пор интересно, по какой причине сын мачехи не смог тогда достичь задуманного. Отсутствие ли техники было тому причиной или остатки совести? Чон Ильсу склонялся к первому. Он был уверен, что если бы сын мачехи мог, он обязательно сделал бы это.

Спустя год и три месяца после поступления в среднюю школу Чон Ильсу ушел из дома. Перед уходом он написал отцу короткое письмо. Он уехал на автобусе, следовавшем по тому же маршруту, по которому когда-то ездила мать.

Сначала он жил у друга, работавшего на заводе. В арендованной другом комнате он впервые записал в блокнот: «Когда живешь один, станешь одиночкой». Перечитав ту, первую запись, он крепко стиснул зубы. В течение года вместе

с другом он работал на цементном заводе. В восемнадцать, благодаря протекции старшего брата, которого встретил там же, на заводе, он перебрался в Сеул.

Чон Ильсу стал просматривать страницы, быстро пролистывая их. Перед его глазами пробежало множество дней, записанных в виде одной строки — с шестнадцати лет до двадцати шести. Ему в глаза бросились несколько повторяющихся слов. Это были такие слова: «дорога к успеху», «усилия», «мечь», «женский бизнес», «расчет». Ему казалось, что эти слова являются краткими сведениями о его жизни. Быстро пролистав десять лет, он открыл второй блокнот с записями за следующие десятилетие. В нем тоже было много подобных слов. Он сложил все четыре блокнота в стопку и достал сигарету. Чон Ильсу курил нечасто, но всякий раз, когда нужно было хорошо подумать, рука сама тянулась за сигаретой. Сейчас настало время, когда надо серьезно поразмыслить.

Когда он, прикурив сигарету, сделал две затяжки, зазвонил телефон. Это был На Ёнук.

— Что случилось? — осведомился Чон Ильсу. Слова вылетали изо рта вместе с дымом.

— Я хочу доложить о человеке, который мешает нам. Я выяснил, кто это.

— И кто же? Я его знаю?

— Да, вы встречались с ним один раз. Это детектив Ку Дончи.

— А, это тот, кого приводила Хан Юми?

— Да, верно.

— Почему этот друг вмешивается в наши дела?

— Я не знаю точно. Если учесть, как быстро он примчался на сигнал от планшетника, он, скорее всего, связан с полицией.

— Да, вижу, у нас возникла проблема. Планшетный компьютер находится у него?

— Я точно не уверен в этом. Возможно, он пока еще у Ли Ёнмина. Вряд ли тот так легко передал его детективу. Но Ку Дончи мог выкупить его у него или уничтожить часть содержимого.

— Я не думаю, что содержимое уничтожено. В таком случае ему нечем было бы шантажировать меня.

— Да. Вы правы.

— Все зависит от того, у кого планшет.

— Пока что нам следует подозревать их обоих. Если он у Ку Дончи, велика вероятность вмешательства полиции. Если эта вероятность усилится, надо уничтожить его немедленно. Полицейский, который приходил к вам, господин президент, расследует это дело, скорее всего, он установил слежку за Ли Ёнмином. Получил ли он от того деньги или заключил с ним сделку, неизвестно, но, скорее всего, он приставил к нему человека. Завтра я попробую встретиться с тем полицейским.

— Если Ли Ёнмин задумает сделать что-то с планшетником, сразу позвони.

— Вокруг него увеличилось число охранников. Он, кажется, нанял их из банды гангстеров.

— Да, плохи дела. У Ку Дончи есть контракт на делитинг, понаблюдай за ним. И еще, почему парни из «Вонсудочжан» не смогли справиться с такой легкой работой? Проследи, чтобы они не проболтались, сделай им должное внушение, — с раздражением в голосе сказал Чон Ильсу.

— Да, хорошо. Завтра я доложу вам снова, — сказал На Ёнук и, отключившись, глубоко вздохнул и слегка помассировал пальцами глазные яблоки. Он знал из опыта, что от этого усталость уменьшалась или проходила.

— Извините. Мы не смогли как следует выполнить работу, поэтому... — недовольным голосом сказал человек-якорь, сидевший рядом с На Ёнуком и слышавший разговор. — Я не стал использовать нож. В первую очередь я думал о безопасности братьев. Я должен был до конца решить...

— Это был правильный выбор. Если бы вы нейтрализовали того детектива, дело намного осложнилось бы.

— Босс, меня беспокоит, что у вас могут возникнуть неприятности.

— Да, естественно, президент сильно разозлился из-за провала плана. Но делать нечего, раз все так получилось. Не волнуйтесь. Я постараюсь все уладить, — сказал На Ёнук, закрыв глаза.

Находившиеся в комнате несколько человек из «Вонсудочжан», исподволь поглядывая на него, напряжено молчали. В комнате лишь несколько раз раздавался неестественный кашель.

— Я не знаю, когда и почему мы стали такими, — неожиданно вполголоса сказал человек-якорь, сделав акцент на слове «такими». Он сказал это не для того, чтобы кто-то услышал его, видимо, озвучил вслух свои мысли.

— Что вы имеете в виду? — спросил, приоткрыв глаза, На Ёнук.

— Я говорю, что положение наше жалкое. К тому же нам трудно смириться с расформированием «Вонсудочжан». Как можно назвать работой то, что мы делаем? Чем мы отличаемся от бандитов? — человек-якорь повысил голос.

— Будьте осторожны в выражениях. Что вы хотите сказать, когда говорите «Чем мы отличаемся от бандитов?»

— Скажете, я неправ? Возможно, если бы не вы, «Вонсудочжан» уже давно свернула бы лавочку. Благодаря вам наши братья не разбрелись, держатся кое-как. Но раз пошел такой разговор, то вот что я скажу: я не уверен, соответствует ли подобное поручение кодексу, которому мы следуем.

— Я понимаю, что означают слова старшего брата. Но тем не менее хочу сказать, что с того момента, как мы разойдемся, «Вонсудочжан», вероятно, будет уничтожена. Путь каждого из нас в отдельности похож на ничтожную пылинку, но когда мы вместе, он превращается в реальный Путь. Я сделаю все возможное, чтобы сохранить «Вонсудочжан» и создать реальный Путь. Это то, что я должен сделать в этой жизни. Никогда я собственными руками не уничтожу «Вонсудочжан», которую учителя прошлого сохранили с риском для жизни. Бандиты, говоришь? Да, возможно, мы в чем-то на них похожи. Однако ради сохранения «Вонсудочжан» я могу совершить ужасные дела — ужаснее того, что мы сделали. Если мне велют убить, я убью. Но даже в этом случае без поддержки президента мы все равно обречены. Что является подлинным Путем «Вонсудочжан»? Подлинный Путь — выживание. Если мы выживем, у нас появится шанс для раскрытия истинности нашего Пути. Президент Чон — спаситель «Вонсудочжан». Без него мы бы уже давно превратились в прах. Даже если путь президента Чона будет противоречить Пути, я все равно пойду с ним. Это тоже способ достижения цели — возрождения «Вонсудочжан».

После патетических слов На Ёнука лица братьев стали строгими и торжественными. Все они хорошо знали, сколько усилий прилагает их босс На Ёнук ради сохранения «Вонсу-

дочжан», никто не посмел возразить ему. Пять лет назад, когда существование «Вонсудочжан» балансировало на грани, босс был человеком, сделавшим все для ее сохранения. А человеком, поддержавшим На Ёнука и придавшим ему силы, был Чон Ильсу. Он не только оплачивал ежемесячную аренду спортивного зала для «Вонсудочжан», но и дал работу ее членам, что позволило им заработать денег. Работа состояла в том, чтобы насильно согнать людей, живших на тех землях, где хотели построить теннисный клуб «Noble Entertainment». Члены семьи «Вонсудочжан» ради выживания выполнили ее, закрыв глаза, уши и заткнув нос. Однако нельзя сказать, что в «Вонсудочжан» не было членов, которые были против получения подобной помощи извне и такой работы. Пятеро из тридцати членов команды, не согласные с На Ёнуком, сняли добоги и ушли. Он до последнего момента пытался уговорить их остаться, но убедить не смог.

— Хорошо. Братья, кто хочет покинуть «Вонсудочжан», уходите сейчас. Мы стоим на пороге великого решения. Сейчас мы должны выбрать: либо мы станем леммингами, бросившими все и выбравшими смерть, либо, крепко стиснув зубы, станем выжившими собаками. Постарайтесь вспомнить наставления учителей прошлого. Они говорили, что настоящий Путь — решение, которое каждый должен вынести в себе до конца. Лучше находиться в огромном море, чем в узкой реке. Река не знает сути моря, не знает, что впадает в море. Однако море знает место, где впадает река, оно говорит ей, чтобы та набралась терпения, текла немного дольше, немного больше извивалась. Этому учили нас учителя прошлого. Если мы сейчас откажемся из-за незначительных испытаний, то станем глупцами, утонувшими в мелкой реке, держа перед собой наставления учителей прошлого. Однако, братья, я никого не буду удерживать. Тот, кто хочет уйти, пусть уходит сейчас. Но если он решит остаться, он должен будет работать со мной до тех пор, пока мы не дойдем до моря.

Слова На Ёнука растрогали души братьев. Они, возможно, сами того не сознавая, отчаянно искали причину остаться, а не повод для ухода. На Ёнук ясно показал причину, и все братья решили остаться.

Когда они слышали о возможности выживания, им стало легче помогать Чон Ильсу, она придала им силы. Они

не использовали ножи, но так хорошо владели боевыми искусствами, что выполнять порученную работу им было нетрудно. Место для теннисного клуба «Nobel Entertaimnet» было освобождено намного раньше, чем рассчитывал Чон Ильсу. Жители, которые длительное время проливали пот на этой земле, вынуждены были продать ее за бесценок. Люди, которые хотя бы раз видели глаза братьев из «Вонсудочжан», думали, что они не могут принадлежать людям.

Чон Ильсу принял на работу На Ёнука в качестве начальника охраны и личного телохранителя. Для этой работы требовался человек, который мог стать мостом между ним и «Вонсудочжан». У На Ёнука тоже не было никаких оснований не принять его предложение. Для того чтобы поддерживать «Вонсудочжан», требовались работа, деньги и человек, на которого можно было опереться, противник для поддержания воинского духа.

Человек-якорь, видимо, желая что-то сказать, во время речи На Ёнука все время шевелил губами, но так ничего и не произнес. Он помнил про свое решение: остаться и работать с На Ёнуком до тех пор, пока они не дойдут до моря. Для него все было непонятным. Где находится «море»? Если он увидит его, как он поймет, что это — «море»? Он знал, что будет согласно кивать головой на все слова босса На Ёнука, даже если тот скажет, что здесь не «море», что надо проплыть еще немного, и там будет «большее море». Даже если босс заявит: то, что мнится «морем», но самом деле лишь широкая «река».

На Ёнук после торжественной речи обошел всех и погладил по спине каждого из братьев, находившихся в комнате. Его ладонь будто что-то передавала. Казалось, она, словно успокаивая и в то же время мягко упрекая, указывала на недостатки, утешала, приказывала. Казалось, она объявляла, что никто не сможет сойти в середине пути. Братья думали, что такое условие не так уж плохо. В любом случае существовал единственный путь, ведущий к «морю». И он пролегал через босса На Ёнука.

Местом, где встретились Чон Союн и детектив Ли Ри, было кафе, относящееся к розничной сети питания инос-

транной фирмы, которая специализировалась на продаже кофе, и находившееся примерно в пятидесяти метрах от Аго-билдинга. Кафе открылось в то время, когда в районе начали говорить о реконструкции как о решенном факте. Огромное современное заведение не соответствовало устаревшему облику района. Сильнее, чем запах кофе, от него исходил запах денег. Когда появилась Чон Союн, детектив Ли Ри рассеянно смотрел в окно. Перед ним стояла чашка с кофе.

— Я вижу, он не очень успешный делитер, если его офис находится в такой дыре, — заметила Чон Союн. Дорога оказалась слишком крутой, она отняла у нее много времени и сил.

— Вообще-то все знатоки своего дела скрываются в подобных местах.

— Он знаток своего дела?

— Он способный делитер.

— Это что, означает, что я обнаружила способного делитера? — с подковыркой сказала Чон Союн.

— Такое случайное событие невозможно предвидеть. Я немного знаю этого брата, уф-ф, в прошлом у него действительно хорошо шли дела. Когда он, уволившись из полиции, начал работать частным детективом, у него было много клиентов, а по эффективности раскрытия уголовных дел он в свое время, возможно, был лучшим в криминальном отделе полиции. В последнее время развелось много частных детективов, у него значительно сократились заказы, однако в этой сфере, наверное, нет человека, более способного к выполнению делитинга. В прошлом он отлично справлялся со слежкой и сбором доказательств для бракоразводных дел, но сейчас, кажется, занимается только делитингом, выполняя лишь заказы по уничтожению вещей и данных в Интернете.

— Вы хотите сказать, что знали его раньше? — сказала Чон Союн.

— Да, мы были шапочно знакомы.

— Но когда я показала рисунок, вы не узнали его.

— Увидев рисунок, я, естественно, не узнал. Что с того, что вы хорошо нарисовали, надо, чтобы схожесть была. Увидев ваш рисунок, я сначала подумал, что это кинозвезда или модель. Во всяком случае, это все неважно, я хотел бы, чтобы

вы осознали, как много усилий я приложил, чтобы найти его. Поднявшись сюда пешком, вы понимаете, как трудно найти человека, находящегося в столь уединенном месте. Я хочу сказать, что это было трудное дело даже для такого стреляного воробья, как я, съевшего не одну собаку на поиске.

— Я поняла. Я достаточно хорошо поняла, хватит хвалить себя, — с раздражением сказала Чон Союн. — Лучше расскажите мне, что надо сделать, чтобы получить назад жесткий диск.

— Я не буду брать плату за совет, выслушайте меня внимательно. Я немного знаю брата Ку Дончи, у него есть слабое место — это слезы. От того, что он привык собирать чужие тайны, он бывает немного сентиментальным. Внешне он выглядит, словно железный, но когда видит перед собой плачущего человека, теряет решительность — это его уязвимое место. Если вам захочется расплакаться, вот совет — не сдерживайте слез. Конечно, вы можете возразить, что это типичная реакция. Но я, например, стоит мне увидеть слезы, сразу начинаю злиться. Даже когда хочется кому-то помочь, при виде слез я начинаю сердиться, и у меня пропадает всякое желание помочь. Слезы — чрезмерные эмоции, я хотел сказать, что...

— Значит, вы хотите, чтобы я заплакала? — прервала этот словесный поток Чон Союн.

— Да, если вкратце.

— А если не вкратце?

— Поэтому, если сказать точнее, мои слова...

— Поэтому, — снова она прервала его, — в конце концов, вы хотите сказать, мне надо заплакать. Ладно, отбросим в сторону ненужные детали.

— Я хочу сказать, что, если вы сможете заплакать, это может помочь вернуть жесткий диск.

— Хватит. Хотите еще что-то сказать?

— Если вы найдете жесткий диск, но он будет испорчен, принесите его мне. Я сведу вас с хорошо знакомой компанией, занимающейся восстановлением содержимого жестких дисков.

— Сколько вы хотите за свои посреднические услуги?

— Да, вижу, вы принимаете меня за меркантильного человека, но я не такой. Я сказал так, потому что искренне хочу помочь вам, госпожа Союн.

— Хорошо. Извините меня. Значит, его зовут Ку Дончи?

— Да, Ку Дончи.

— Очень необычное имя.

— Да, легко запомнить, — сказал детектив Ли Ри и передал ей записку, в которой был записан адрес офиса Ку Дончи.

— Вы не пойдете со мной?

— Я? Одной вам будет легче расплакаться. Это в полсотне метров.

— Он не знает, что я иду?

— Нет, он знает. Вы не представляете, сколько мне пришлось приложить усилий, чтобы уговорить его встретиться с вами. Когда я встретил его, то сказал: «Вы должны увидеться с ней. Она очень красивая девушка, но переполнена злостью. Вы не можете все время избегать ее. Для начала попробуйте встретиться с ней и поговорить. Вы совершаете ошибку, хённим. Я считаю, встреча лицом к лицу с девушкой является мудрым поступком». Когда я сказал так, он кивнул головой в знак согласия и пожал мне руку.

— Зачем он пожал вам руку?

— Видимо, мой совет тронул его до глубины души.

— Какой сентиментальный делитер. Слабеет при виде слез, легко прислушивается к советам, — съязвила Чон Союн.

— Нет, — смутился Ли Ри. — Это не совсем так, но я очень хорошо читаю души людей...

— Хватит, я пойду, — резко оборвала его Чон Союн и встала.

Не договоривший до конца детектив Ли Ри расстроился, но виду не подал.

— Я сказал, что вы переполнены злостью не в плохом смысле, просто я так выразился...

— Все в порядке. Я сейчас действительно переполнена злостью, — сказала Чон Союн, снова не дав ему договорить. И, слегка кивнув головой на прощание, вышла на улицу.

В тени было уже ощутимо прохладно. Казалось, что прибывшая зима где-то спряталась и ждет своего времени. Чон Союн, плотно застегнув воротник, направилась в сторону Аго-билдинга.

Пяк Гихён, впервые оказавшись в офисе Ку Дончи, не зная, куда приткнуться, неприкаянно бродил по комнате.

Он беспричинно выглядывал в окно, постукивал рукой по несгораемому шкафу, гладил платяной.

— Вы сказали, что у вас есть ко мне разговор, — не выдержал Ку Дончи.

— Ах да, извините, я впервые нахожусь в таком офисе. Не знаю, что делать: куда мне сесть, что надо говорить, — со смущенным видом ответил Пяк Гихён, поглаживая подбородок.

— Вы можете сесть на тот стул рядом с вами. Можете говорить все, что хотите мне сказать. Итак, для начала садитесь.

— Да, спасибо.

— Итак, вы хотите поведать мне что-то очень личное? Или вы собрались пересказать мне последние сплетни? — как всегда в шутливой манере спросил Ку Дончи.

— Эй, господин Ку, я пришел не для того, чтобы рассказывать об известных всем вещах, — обиделся Пяк Гихён.

— Хорошо, — примирительно сказал Ку Дончи, — попробуйте спокойно изложить то, с чем вы пришли.

— У меня есть к вам дело.

— Ищете человека?

— Нет. Что я буду делать с ним, встретившись в этом возрасте, когда я должен бросить даже людей, которых знаю?

— Вы знаете, я не занимаюсь такими делами, как запугивание кого-либо, сбор доказательств для развода и тому подобными делами.

— Знаю-знаю. Я хорошо это знаю, господин Ку.

— Говорите.

— Я слышал кое-что от шеф-повара Пака. Он сказал, что вы занимаетесь особенными делами.

— Что за особенные дела?

— Он сказал, что вы занимаетесь делитингом. Нет, точнее, он сказал, что вы делитер...

— Да, верно, я занимаюсь делитингом.

— Если я попрошу сделать делитинг, какова будет цена, насколько это дорогая работа?

— Прежде чем говорить о делитинге, я хотел бы спросить вас, что вы о нем знаете.

— Если вкратце... Ежели я внезапно умру, ваша работа будет состоять в том, чтобы выполнить все мои незавершенные дела, верно?

— Нет, делитинг — не выполнение ваших незавершенных дел, это немного другое: если вы попросите меня уничтожить какие-нибудь вещи, я незаметно уничтожу их.

— Да, незаметно... Это хорошо. Какие вещи чаще всего люди просят уничтожить?

— Самые разнообразные. Например, секретные документы, фотографии, любовные письма, жесткий диск компьютера...

— Я немного не понимаю... Ведь люди не знают, когда они умрут. Если они так сильно хотят уничтожить какие-то вещи, разве не проще избавиться от них заранее?

— Ответ очень простой: они хотят хранить их до последнего момента.

— Странные люди.

— Они не странные. У любого человека может быть такое желание. И у вас тоже, — сказал, улыбаясь, Ку Дончи.

— Вы так думаете?

— Директор Пяк, разве вы тоже не пришли ко мне с просьбой сделать делитинг?

— Нет, не то чтобы я обязательно хотел... — начал было говорить Пяк Гихён и не договорил.

Было видно, что он колебался, продолжать ли дальше. У него было такое выражение лица, словно он стоял на площадке для прыжка с эластичным тросом, ему хотелось сделать шаг вперед для прыжка, но ноги не слушались. Наконец, решившись, Пяк Гихён достал из внутреннего кармана черный бумажник и провел по нему рукой. Даже с первого взгляда было видно, насколько тот старый и потрепанный. Пяк Гихён достал из него и протянул детективу фотографию размером три на четыре сантиметра.

— Что это? — спросил Ку Дончи, беря ее в руки.

— Вы ведь сохраните в тайне все, что будет сказано здесь, господин Ку? — спросил Пяк Гихён, кладя бумажник на письменный стол.

— Да, не беспокойтесь об этом.

— Что вы скажете о девушке на фотографии?

— Она красавица.

— Что вы сможете сказать о ее характере?

— Глядя лишь на фотографию, трудно сказать, какой у нее характер.

— Если вы детектив, разве вы не должны немного уметь читать лица по фотографии?

— У нее грустные глаза.

— Верно. У нее очень грустные глаза. Если она жива, интересно, у нее сейчас тоже такие грустные глаза?

— Вы хотите попросить меня найти эту женщину?

— Нет, я уже сказал, что не ищу человека. Разве можно найти человека по фотографии тридцатилетней давности? Господин Ку, у меня есть просьба. Можете ли вы уничтожить эту фотографию, когда я умру? Здесь, в бумажнике, есть небольшой внутренний карман, я положу ее туда. Вы сможете уничтожить ее?

— Ваша жена не должна знать о ней?

— Моя жена знает ее.

— Тогда в чем причина того, что вы обращаетесь именно ко мне?

— Это девушка, которую я любил, когда мне было двадцать пять лет. Я был тогда невероятно глупым и бросил ее. Господин Ку, сколько бы я ни раздумывал о том, почему так поступил, есть только один ответ. Я бросил ее, потому что был тогда полным болваном. Когда до меня это дошло, было уже слишком поздно. Люди действительно очень живучие. Когда прошло достаточно времени, оказалось, что можно есть рис, встретить другую девушку, влюбиться в нее и жить. Господин Ку, на какого человека я похож? В ваших глазах я выгляжу стариком, способным лишь чинить водопроводную трубу? Но я тоже могу рассказать о своей жизни, полной взлетов и падений.

— Понимаю.

— Господин Ку, я расскажу вам историю моей любви. В молодости я заставил многих красоток пролить немало слез. С той девушкой я был в поездке только один раз. Мы всю ночь, до самого утра, обнимались, ласкали друг друга, дурачились, уснули лишь на рассвете. Когда я проснулся утром, она пристально смотрела на меня. У вас было такое? Вокруг исчезли все огни, только в ее глазах остался блеск. До сих пор не могу забыть тот взгляд. Такой взгляд — это целый мир, такой взгляд — бесконечный покой. Господин Ку, если бы мне перед смертью довелось выбрать лишь одно последнее воспоминание, я выбрал бы тот взгляд. Я хочу умереть с этим взглядом. Если я выброшу эту фотографию,

то боюсь, она может стереться из памяти, утратить детали. Однако я опасаюсь, что в случае моей смерти ее обнаружит моя жена. Мне не хочется, чтобы она догадалась, что я изменял ей, пусть даже мысленно. Вот я и не знаю, как поступить с фотографией: выбросить ее или подержать еще немного, а потом выбросить.

— Вы хотите получить от меня совет эксперта?

— Буду вам благодарен.

— Выбросьте ее сейчас.

— Но почему?

— Я не могу оценить, насколько это воспоминание важно для вас, директор Пяк. Возможно, эта фотография составляет смысл всей вашей жизни, но, если вы хотите унести эту тайну с собой в могилу, советую вам выбросить ее сейчас. Если у вас нет ни малейшего желания, чтобы ее увидела ваша жена, сделайте это сейчас.

— Я не могу ее выбросить. Поэтому я прошу вас, господин Ку, помочь мне в будущем.

— Тогда не волнуйтесь. Что может побеспокоить вас после вашей смерти?

— Неужели это говорит человек, называющий себя дели-тером? Я беспокоюсь о том, что будет после смерти, разве не поэтому я прошу вас позаботиться об этом?

— Потребуется много денег.

— Сколько?

— Два миллиона вон.

— Два миллиона вон?! Почему так дорого?!

— Я же сказал, это дорогая услуга. Поэтому вот мой совет — выбросьте фотографию сейчас. Вообще-то даже за подобный совет я беру деньги.

— Я вижу, все упирается в них.

— Видите ли, работа по сохранению тайны всегда требует расходов. Это вроде очень глубокого колодца, в который, если даже бросишь камень, всплеска внизу не дождешься. Чтобы выкопать такой глубокий колодец, потребуются немалые деньги.

— А нельзя поступить так: я сейчас дам аванс, а остаток денег даст жена после моей смерти?

— И под каким предлогом, извините, она это сделает?

— Ну, например, под предлогом возврата долга по расписке.

— В этом случае все усложнится.

— В чем проблема? Однако меня волнует вот что: что случится, если вы не сможете уничтожить фотографию после моей смерти, а жена ее обнаружит?

— Если я не уничтожу фотографию, естественно, она ее обнаружит.

— Как вы можете говорить подобное? Вы же должны нести ответственность.

— Я сделаю все возможное. Это все, что я могу обещать. Шанс на успех составляет примерно восемьдесят процентов. И поверьте, это самый высокий процент среди всех делитеров, работающих на этом рынке.

— Вы не будете нести никакой ответственности, даже если потерпите неудачу?

— Директор Пяк, делитинг — опасная и серьезная работа. Делитинг навсегда хоронит тайну. Моя ответственность состоит в том, чтобы сделать все возможное для ее сохранения. Вот почему люди доверяют мне, — сказал Ку Дончи и вернул фотографию колеблющемуся Пяк Гихёну. Даже получив фотографию обратно, тот пребывал в нерешительности. Он думал о стоимости услуги в размере двух миллионов вон.

Каждый раз, когда Ку Дончи с клиентом вел переговоры о цене, он выстраивал подобную стратегию. Действительно ли тайна, которую надо сохранить, стоит таких денег? И сколько на самом деле стоит тайна хранения? В свое время Ку Дончи задавал такой же вопрос себе, размышляя о том, сколько денег готов был бы заплатить он, если бы заказывал делитинг для себя. Впрочем, стратегия — неудачное слово. Здесь скорее можно говорить об этике делитера. Человек, для которого крайне важно сохранить тайну, готов платить, даже если назвать ему высокую цену. Тот, кто считает, что цена слишком высока, и идет на снижение уровня секретности, фактически отказывается от тайны. Долг делитера — объяснить клиенту значение тайны и помочь ему точно определить цену ее хранения. Причина того, что он брал плату за консультацию, тоже крылась в этом. Конечно, для Пяк Гихёна он назвал несколько завышенную цену, но сделал это намеренно, чтобы помочь тому отказаться от просьбы.

В тот момент, когда Пяк Гихён вкладывал фотографию обратно в бумажник, раздался стук в дверь. Стучали нетер-

пеливо и крайне агрессивно. Чувствовалось, что стоящий за дверью не испытывает настороженности перед незнакомым местом или вины за нарушение тишины. За этим угадывался кипящий гнев. Ку Дончи знал, кто за дверью. Около десяти минут назад он получил сообщение от детектива Ли Ри: «Та девушка скоро будет у вас». По нетерпеливому стуку в дверь он догадался: она. Ку Дончи, если не ожидал посетителя, никогда не открывал дверь; он также старался, чтобы клиенты не пересекались друг с другом. Его поведение диктовалось нежеланием слишком глубоко вмешиваться в чью-то чужую жизнь из установленного им правила: не смешивать жизни клиентов. Конечно, согласно его правилу, Пяк Гихён и Чон Союн не должны были встретиться друг с другом, но в этот раз он специально нарушил его. Он знал, что даже переполненные гневом люди не станут при посторонних выражать свое недовольство. Поэтому Ку Дончи попросил Пяк Гихёна чуть обождать и открыл. За порогом стояла Чон Союн, ее лицо было напряжено.

— Давно не виделись, — насмешливо, со злостью в голосе бросила она.

— А мы встречались раньше? — спокойно спросил Ку Дончи, притворившись, что не знает ее.

— Мы встречались, но встреча длилась всего мгновение. Я не успела даже моргнуть глазами, как вы исчезли.

— Правда? Я встречаюсь со многими людьми...

— Не притворяйтесь, что не знаете меня. Вы наверняка слышали обо мне от детектива Ли Ри.

Ку Дончи жестом пригласил ее зайти. Пяк Гихён вскочил с места, с любопытством воззрившись на нее. Она тожеглянула ему прямо в глаза. Пока они обмениваются взглядами, она чуть остынет.

Будь Пяк Гихён перед хозяйственным магазином, он засыпал бы ее вопросами, но тут, в офисе Ку Дончи, ему оставалось лишь молчать. Он что-то хотел спросить, но сразу отказался от этой мысли. Переведя взгляд с Ку Дончи на Чон Союн и машинально погладив ту сторону груди, где в кармане находился бумажник с фотографией, он двинулся к выходу.

— Подумайте хорошенько, — громко сказал ему вслед Ку Дончи, закрывая за ним дверь.

— Для начала садитесь, — повернулся он к Чон Союн.

— Я вижу, вы очень заняты, потому буду краткой. Вы ведь знаете, почему я пришла? — сердито сказала она, продолжая стоять.

— Тогда у меня не было времени познакомиться с вами как полагается. Меня зовут Ку Дончи, — с невозмутимым видом сказал Ку Дончи и протянул руку для рукопожатия.

— Вы издеваетесь? — вскипела Чон Союн. От возмущения лицо ее покраснело, ноздри расширились. Она учащенно дышала.

— Говорят, что мир, достигнутый сидя, более велик, чем завоеванный на войне. Для начала присаживайтесь. Давайте будем разговаривать сидя.

— Хорошо. Я признаю, что для ведения разговора надо сесть, — сказала Чон Союн и намеренно шумно пододвинула к себе стул.

Ку Дончи с удивлением посмотрел на нее. По ее фигуре скользнули лучи послеобеденного солнца. На ней был плащ небесно-голубого цвета, под ним тонкий жакет из хлопчатобумажной ткани, из-под которого проглядывала светло-голубая блузка с рюшами. Ему на мгновение показалось, что он смотрит на лепестки цветка. Из-за обилия голубых оттенков сердитое лицо Чон Союн выглядело более красным, а розовые щеки словно напоминали о холоде, с которого она пришла. Ку Дончи, глядя на нее, подумал, что видит небольшие лепестки, сложенные на голубом листе. Если бы они встретились на дороге, он наверняка обернулся бы — настолько она была очаровательна. Прядь волос бросала тень на лоб, добавляя элемент загадочности, а переносица и мимические морщинки по краям губ говорили о напористом, но отходчивом характере.

— Вы говорите, что хотите найти жесткий диск отца? — спросил Ку Дончи, с ходу перейдя к сути дела.

— Он не только отцовский, но и мой, — дерзко сказала Чон Союн, заправляя прядку за ухо.

— Ну, не знаю. Когда я заключал с ним контракт, он не говорил об этом.

— Не все сказанные слова являются правдой. И потом, отец вряд ли сказал вам все.

— Я верю только тем словам, что были сказаны, и тем, что написаны на бумаге. Конечно, среди них тоже много лжи, но с этим ничего не поделаешь.

— Вы хотите сказать, что для вас написанная на бумаге ложь важнее невысказанной правды?

— Да, для меня это так.

— Ну что ж, делать нечего. Когда я напишу заявление на вас, обвинив в том, что вы вторглись в дом и украли жесткий диск, вы, думаю, заговорите по-другому.

— Полагаете, я изменю свое мнение? Уверяю вас, оно сильно не изменится. Давайте рассуждать логически. Впервые, нет ни одного свидетеля. И да, оставьте всякую надежду, что я оставил отпечатки пальцев или меня зафиксировала камера наблюдения. Я — профессионал. Я вообще очень осторожный человек, но в тот день торопился. То, что я встретил вас, госпожа Чжон Союн, было невообразимой случайностью. Если вы, даже очень постаравшись, найдете какую-то зацепку, вряд ли она представит собой важную улику для обвинения. В лучшем случае, даже если вы найдете что-нибудь вроде волоса, вам будет трудно вменить это мне в вину. Мне нравится ваша решимость, но на основании только этого нельзя обвинить меня в воровстве. Вы, вероятно, слышали, что я раньше работал полицейским? Это говорит о том, что у меня до сих пор в полиции есть много друзей. Подытоживая, вы, госпожа Союн, находитесь в менее выигрышной ситуации, чем я. Да, не спорю, если бы контракт с отцом или жесткий диск существовали, вероятно, они могли бы стать важными доказательствами для обвинения. Подчеркиваю, если бы они существовали...

— Верните мне диск.

— Он исчез. Навсегда. Забудьте о нем.

— Верните мне хотя бы испорченный жесткий диск.

— Я выбросил его.

— Куда? Куда вы выбросили его? Скажите куда.

— Я разобрал его на части и выбросил в Ханган*.

— Где, в каком месте Хангана? Скажите, прошу вас.

— Вам это ничего не даст.

— Пожалуйста, скажите где. Я смогу найти. Пожалуйста!

— Госпожа Чон Союн, упрямством вы проблему не решите.

— Я вам кажусь упрямой? Вы хотите сказать, что я веду себя сейчас как капризный ребенок, требующий купить иг-

---

* Река, протекающая через Сеул.

рушку? Я вообще не понимаю, почему отец попросил вас уничтожить тот жесткий диск, не понимаю этого. Господин Ку Дончи, вы ведь не знаете, что хранилось в нем? В нем хранилось то, что позволяет мне помнить отца. Как и что вы предлагаете мне забыть? Говорите, что, мол, просто выбросили жесткий диск в Ханган. Но вы хоть понимаете, какое значение он имеет для меня? Хотя на секунду вы подумали о том, как я буду страдать? Вы ничтожество, не имеющее ни сердца, ни души. Впрочем, это неважно. Важно одно: как бы отец ни просил уничтожить жесткий диск, он принадлежит мне тоже. Хранившиеся там фотографии отца снимала я, музыку выбирала тоже я, все видеофильмы снимала тоже я. Я говорю — жесткий диск мой, немедленно верните его мне!

Едва успев произнести последние слова, она разрыдалась. Это были слезы ребенка, которые невозможно было сдержать. Это были настоящие слезы, не спланированные заранее. Ку Дончи стоял перед ней и не знал, что делать. Он немного испугался. Казалось, она зальет слезами офис.

Чон Союн, рыдала, вздрагивая всем телом. Ее склоненную голову мягко освещали лучи послеобеденного солнца.

20

Чон Союн решила начать преследование Ку Дончи со следующего дня. Ей не нужно было спешить на работу к определенному времени, но теперь она просыпалась и вставала в шесть часов утра. Наскоро позавтракав, коротко поздоровавшись с только-только просыпающейся матерью и зашнуровав кроссовки, она отправилась к Аго-билдингу. Накануне во время визита к Ку Дончи она успела как следует рассмотреть его офис. Заметив раскладушку и шкаф для одежды, она пришла к выводу, что в офисе он и ночует. Чон Союн полагала, что достаточно будет подойти к семи утра, чтобы застать тут детектива. Но когда она приложила ухо к двери офиса, то не услышала никаких признаков присутствия кого бы то ни было. Она прождала так примерно полчаса, но ничего не изменилось. Чон Союн спустилась вниз и мельком посмотрела в сторону хозяйственного магазина.

— Здравствуйте, добро пожаловать, — сказал Пяк Гихён, появляясь в дверях и на ходу обуваясь.

— Здравствуйте. Это с вами мы вчера виделись мимоходом? — улыбнулась Чон Союн.

— А, ты та девушка, которую я вчера видел в офисе детектива Ку? Что ты делаешь здесь в такую рань? Пришла что-то купить? Ты живешь в этом районе? — он засыпал ее вопросами.

— Нет, мне нужно увидеться с детективом Ку. Но его, кажется, нет на месте.

— Девушка, ты что, думаешь, что я один из его сотрудников? Ты думаешь, что детектив Ку докладывает мне, куда он пошел? Я что, выгляжу как человек, которому нечем заняться? А? Ну-ка отвечай.

— Извините меня.

— Но, если честно, я знаю все, — Пяк Гихён хитро ухмыльнулся.

— Что?

— Я говорю, что я все знаю. Что может делать такой старый человек, как я, кроме как празднично проводить время, целыми днями пялясь в монитор камеры наблюдения? Я знаю все, что происходит перед этим зданием. Караулю, понимаешь, проклятых похитителей метелок, но пока без толку.

— Что вы имеете в виду?

— А, да, есть такое дело. Детектив Ку вышел из офиса минут тридцать назад.

— Куда он пошел?

— Куда он пошел? Ты что, думаешь, что камерой это фиксируется?

— Нет, я так не думаю, извините.

— Но я знаю, куда он пошел. Он отправился на тренировку. Каждый день в это время он выходит тренироваться.

— А-а-а... — неопределенно сказала Чон Союн, ей не хотелось больше говорить.

Она совсем недолго проговорила с Пяк Гихёном, но от него уже разболелась голова. Он увязался за ней и спросил:

— Разве ты не завершила с ним вчерашний разговор? По какому делу ты снова пришла к детективу Ку?

— Мы вчера не все обговорили.

— Конечно, ты так долго плакала, вряд ли смогла сказать все, что хотела. Когда человек рассказывает, он дол-

жен говорить не эмоциями, а разумом. Вот этим надо говорить, — сказал он, указывая пальцем на голову, видимо, имея в виду ее вчерашний плач.

— Как вы узнали, что я плакала?

— Как? Очень просто. Ты так громко рыдала, что здесь было слышно.

— Вы подслушивали?

— Нет, вы только полюбуйтесь. Прямо живьем съесть готова. Я что, похож на любителя подслушивать?

— Похожи, — дерзко ответила она.

— Ох, беда! Эта девушка любому создаст проблему. Ладно, жди здесь. Через полчаса он появится.

Пяк Гихён, оставив ее на улице, скрылся в магазине. Чон Союн присела на корточки у входа возле лестницы. Это было время, когда все шли на работу. Люди проходили мимо, не замечая ее и глядя прямо перед собой. Чон Союн подумала о своей работе в компании. До сих пор коллегам удавалось прикрывать ее отлучки, но это не могло продолжаться долго. Конечно, работа есть работа, но у нее все валилось из рук. Потеряв жесткий диск, в котором были набросанные эскизы, она так расстроилась, что не могла думать ни о чем другом. Для начала надо найти его, после этого все можно начать сначала.

— Что вы здесь делаете?

Перед ней, сидевшей с опущенной головой на корточках, неожиданно возник Ку Дончи в спортивной одежде. Его волосы были мокрыми, словно после душа.

— А-а, вы вернулись с тренировки? — широко улыбаясь, сказала она, поднимаясь.

— Я спросил вас, что вы здесь делаете?

— Как что? Жду вас, детектив Ку.

— Меня? Зачем? — удивился Ку Дончи.

— Я решила повсюду следовать за вами.

— Госпожа Чон Союн...

— Да?

— Жесткого диска больше не существует, смиритесь с этим.

— Я знаю, что он существует.

— Откуда такая уверенность?

— Я уверена, он существует.

— Его нет.

— Если вы говорите правду, можете выполнить одну просьбу?

— Что за просьба?

— У вас в офисе есть большой несгораемый шкаф. Откройте его и разрешите мне посмотреть, что внутри. В этом случае я безропотно смирюсь с потерей жесткого диска.

— Я не могу этого сделать.

— Мне кажется, что диск там.

— Если вы его там не обнаружите, то станете думать, что он находится в другом месте.

— Нет, я ограничусь шкафом.

— Я не дам вам разрешения.

— Вот видите. Я так и думала, что он находится там.

— Все, с меня хватит, — резко сказал Ку Дончи и, пройдя мимо нее, пошел к лестнице.

Чон Союн быстро вскочила и последовала за ним. Угнаться за Ку Дончи было нелегко. Однако она, тяжело дыша, пыталась не отставать. Он, не обращая на нее никакого внимания, быстро поднимался по ступенькам, но она шла следом, все-таки отстав на половину пролета. Ку Дончи, быстро войдя в офис, запер за собой дверь на ключ. Она, запыхавшись, бессильно села на пол перед дверью офиса.

Чон Союн с растерянным видом сидела на полу, держась за перила лестницы и глядя на закрытую дверь, когда дверь напротив офиса открылась и на пороге показалась О Юнчжон. Увидев тяжело дышавшую Чон Союн, она тихо вскрикнула:

— Ой, что с вами?

— А, извините, — сказала Чон Союн и поднялась на ноги.

— Кто, кто вы?

— Я? Я пришла к господину Ку Дончи. Уф... — объяснила Чон Союн, все еще восстанавливая дыхание, — мне нужно кое-что получить от него.

— Долг, что ли?

— Нет, не долг... — Чон Союн глубоко вздохнула. — Хотя, наверное, это можно назвать и долгом.

— И большой долг?

— Нет, это не в том смысле, о каком вы подумали.

— Вы сильно вспотели. У вас что-то болит? — с беспокойством в голосе спросила О Юнчжон.

— Нет.

— Ну что ж, желаю вам получить свой долг, — сказала О Юнчжон возле лестницы. В этот момент из офиса вышел Ку Дончи.

Одетый в черное, он кивком головы поприветствовал О Юнчжон и, не обращая внимания на Чон Союн, стал быстро спускаться вниз. Чон Союн кинулась за ним, О Юнчжон пошла следом.

— Детектив Ку, вы куда? — окликнула его Чон Союн, но Ку Дончи не отреагировал.

Он сбежал на первый этаж. Чон Союн не отставала.

— Я спрашиваю, вы куда собрались? — громко крикнула она.

Ее голос, обогнав спускавшегося по лестнице Ку Дончи, первым вырвался на улицу. Он был настолько резок и колюч, что глазающий во все глаза Пяк Гихён невольно подался на шаг назад, освобождая путь.

— Эй, детектив Ку, — окликнул спешащего к автостоянке Ку Дончи шеф-повар Пак Чаниль. Он шел характерной для него походкой, перекинув через плечо огромную бостонскую сумку.

— Почему ты идешь с той стороны? — удивился Ку Дончи.

— Я переехал. Арендовал тут неподалеку, в верхней части квартала, жилье с ежемесячной оплатой.

— Хорошо, что я встретил тебя. Как раз собирался узнать у тебя кое-что.

— Что ты все время спрашиваешь, не платя ни копейки? — шутливо сказал Пак Чаниль.

— Я дам тебе денег, если подробно расскажешь.

— Хорошо, но учти, что одно слово мое слово тянет на тысячу вон. Но позволь спросить: кто эта девушка?

Чон Союн стояла в нескольких шагах позади Ку Дончи и слушала. Ку Дончи тяжело вздохнул. Пак Чаниль, запоздало заметив и О Юнчжон, неуклюже с ней поздоровался. Она тоже смущенно кивнула и быстро пошла прочь. День начинался, и на улице один за другим стали показываться здешние обитатели.

Ку Дончи отвел Пак Чаниля ко входу в хозяйственный магазин и стал расспрашивать. Это был разговор, не имеющий никакого отношения к Чон Союн. Ку Дончи интересовали люди из «Вонсудочжан», с которыми он встретился несколь-

ко дней тому назад. Ему хотелось услышать от Пак Чаниля ответы на вопросы. Действительно ли они являются людьми «Вонсудочжан»? Если да, то откуда они взялись — ведь команда была расформирована? Почему человек-якорь опустился вонсудо концом вниз, это начальная стойка?

Они присели на пёнсан — небольшую тахту, стоявшую перед входом в магазин. Чон Союн встала рядом.

— В ножевом бою существуют разные стойки и хваты в зависимости от того, что ты собираешься делать дальше. Он принял вот такую стойку? — Пак Чаниль снял с плеча сумку, положил ее на землю и встал в стойку.

— Да, именно так он держал нож. Правда, рука находилась чуть ниже.

— Он, безусловно, член «Вонсудочжан». Острие ножа тоже было закруглено, верно?

— Да. Он выглядел точно таким, как тот, что мы видели прежде.

— Надо же, оказывается, члены команды «Вонсудочжан» до сих пор живы. Живучие ублюдки.

— Но ты ведь говорил, что команда «Вонсудочжан» была распушена.

— Верно, но в прошлый раз я кое о чем умолчал. Во всех боевых искусствах обычно есть две направления. Первое — поиск Пути, в котором, живя среди людей, ежедневно тренируешься и оттачиваешь свое мастерство, это нормальный путь. Большинство членов расформированной команды «Вонсудочжан» когда-то выбрали это и ныне живут среди нас. Они тренируются в спортзалах, преподают, совершенствуются, учатся существовать в мире с другими людьми; это путь, достойный уважения и почтения. Другое направление — Путь серебра. Люди, следующие ему, живут, тщательно скрываясь от мира. Они делают это добровольно. Чрезвычайно трудный путь! Кое-кто из «Вонсудочжан» выбрал Путь серебра. До 1980-х годов это было возможно. В те годы в горах еще оставались дикие уголки.

Расформировали их после одного случая, произошедшего в 1980-х годах. Однажды возле укрытия, где они жили, удалившись от мира, внезапно появились солдаты. Неизвестно, то ли они действовали по наводке, то ли военные сами случайно наткнулись на избравших Путь серебра. Неважно. Люди из «Вонсудочжан», избегая встречи с ними, отступили

еще дальше в горы. Но военные обнаружили их следы и стали преследовать. Даже сейчас существует много предположений насчет того, зачем они стали это делать. Наиболее правдоподобным выглядит то, что военные приняли их за шпионов. Судите сами. Какие-то люди скрытно обучаются боевому искусству в горах. Можно представить, насколько их внешний вид был неприглядным. Они, наверно, выглядели совершенно дикими. Оборванные, тощие, глаза свирепые — естественно, они не могли не вызвать подозрений.

Рассказывают, что наставник «Вонсудочжан» отправился к военным и объяснил тем, кто они такие. Он сказал, что это люди, которые следуют Пути, добровольно удалившиеся от мира, и что было бы хорошо их спокойно отпустить. Капитан отряда сказал: «Да, я все понимаю и отпустил бы вас, но мне необходимо доложить командованию».

Он доложил и ждал приказа, но от начальства никакого ответа не поступало. Все это время капитан был в замешательстве, не зная, как поступить. Начальство тоже, видимо, не знало, как быть. Наконец, через несколько дней пришел приказ: всех подозреваемых арестовать, а тех, кто окажет сопротивление, уничтожить. Черт подери, военные тоже ругались, говоря, что вести огонь по людям — не детская игра.

Детектив Ку, вот ты стрелял в людей и знаешь, что это может свести человека с ума. Все те, кто нажимал на спусковой крючок и убивал, знают, насколько это страшное дело.

Капитан позвал наставника «Вонсудочжан» и сказал: «Давайте не будем глупить. Пойдемте со мной, вас допросят, и вы вернетесь обратно». У капитана тоже была своя позиция, но наставник отказался. Он сказал, что это невозможно, что он не пойдет. Капитан сказал: «Сверху пришел приказ при сопротивлении открыть огонь на поражение. Вы понимаете, что это значит? Эта ситуация не терпит отлагательств, вот что это значит. Давайте не будем всё усложнять». Капитан решил дать ему немного времени на размышление. Он сказал: «Подумайте один день, обсудите с вашими людьми и примите правильное решение». Затем он отправил его обратно.

Но один член команды, сторонник жесткой линии, сорвал мирные переговоры. Он был обнаружен, когда скрытно спускался с горы в сторону военных, желая их напугать. Те заметили его, подняли тревогу и застрелили на месте. Одна

половина людей из «Вонсудочжан», возмущенная этим, напала на военных, другая — скрылась в горах. Это был крах. Погибли два солдата, с обеих сторон пострадало много людей, произошла страшная трагедия. После этого трагического случая правительство приравнивало людей из «Вонсудочжан» к шпионам, несмотря на то, что все они искали уединения и не могли создать особых проблем.

— Все, что ты рассказал, я слышу впервые.

— Большинство людей не в курсе. Это только я один такой — знаю об этом, — Пак Чаниль не упустил случая побахвалиться.

— То есть после этого события «Вонсудочжан» была распущена?

— Естественно. Теперь скажи, о каком следовании Пути может идти речь после случившегося. Из-за чувства вины, что они бросили своих братьев, им, наверное, всю жизнь придется жить с этим, страдая.

— Тогда кем являются те люди, с которыми я повстречался?

— Вот и мне это тоже интересно.

Ку Дончи, не в силах поверить рассказу о «Вонсудочжан», промолчал. Ему хотелось задать вопросы или высказать свое мнение, но он не мог найти нужные слова. Казалось, вокруг них двоих кружилось эхо, доносясь из глубокого колодца. Молча слушавшая до этого Чон Союн вклинилась в разговор:

— Я тоже однажды слышала подобную историю. Это был документальный фильм о мастерах боевых искусств, в нем говорилось, что в 1980-х годах в горах было много людей, практиковавших боевые практики и ошибочно признанных шпионами в результате ложного доноса.

Ку Дончи и Пак Чаниль ничего не ответили. Пак Чаниль лишь искоса глянул на нее, а Ку Дончи сделал вид, что не услышал. Зазвонил его телефон. Это был Ким Инчхон.

— Да, сонбэ, — сказал Ку Дончи.

— Дончи, скоро, чувствую, что-то произойдет. Ты можешь подъехать?

— Что, прямо сейчас?

— Эй, твой сонбэ пашет как проклятый, всю ночь за ба-ранкой, а он еще выкаблучивается! «Сейчас»! Да как только язык у тебя поворачивается? — рассердился Ким Инчхон.

— Вы где находитесь? — примиряюще спросил Ку Дончи.

— Преследую машину Ли Ёнмина. Но ситуация осложнилась. Этот подлец... Короче, за ним таскаются, как привязанные, какие-то крепкие парни. Ясно — они принадлежат к какой-то организации. А позади меня еще подозрительный хвост.

— Кто такие?

— Не знаю, но похоже, они тоже гонятся за Ли Ёнмином. Мы выстроились в линию, словно собрались танцевать венский вальс. Будь наготове и жди звонка.

— Я должен хотя бы знать, куда вы направляетесь.

— Как только позвоню — сразу приезжай. В отдел звонить бесполезно — не успеют. Так что мы вдвоем должны с этим разобраться. Кстати, какой пароль на диктофоне, который ты одолжил?

— «0102» — мой день рождения, вы же знаете.

— Эй, откуда я могу его знать? И почему он постоянно блокируется?

— Я так настроил. Про безопасность слышали?

— Безопасность. Черт бы ее побрал, твою безопасность! Короче, как позвоню, сразу выезжай. Запись начинается нажатием одной кнопки?

— Да, красной. Жду звонка. Если выедете за пределы Сеула, позвоните еще раз.

— Окей. Чую, в этот раз попадется что-то крупное.

— Сонбэ, не отвлекайтесь, а то отстанете, — пошутил Ку Дончи с нотками тревоги в голосе.

— Ты что, забыл, кто твой сонбэ? Не бойся.

Ку Дончи отключился, попрощался с Пак Чанилем и пошел к стоянке. Чон Союн шла следом. Почти дойдя до места, он, неожиданно повернувшись, крепко ухватил ее за руку. Она тихо вскрикнула.

— Госпожа Чон Союн, вы что вообще творите, а? — Он с такой силой встряхнул ее, что она еле удержалась на ногах.

— Не волнуйтесь. Я буду делать то, что должна делать, — ответила она, оттолкнув его руку.

— Я говорю — нет, нет вашего жесткого диска. Смиритесь уже с этим и идите домой.

— Я не могу уйти.

— Поймите, от того, что вы ходите за мной по пятам, уничтоженный диск не появится снова.

— Тогда что мне делать? Я хочу сказать, что ничего не могу с собой поделать. Я должна делать что-то — следовать за вами. Что вы мне предлагаете делать — сидеть дома и плакать? Я должна действовать.

— Делайте что хотите, — сказал Ку Дончи и сел в машину.

Чон Союн, заплатив за автостоянку, направилась к своему автомобилю, стоявшему в стороне. Она решила ехать за детективом, но двигатель его работал, а автомобиль продолжал стоять на месте. Она тоже завела мотор и стала наблюдать за ним. Два автомобиля с заведенными двигателями были похожи на рычащих зверей, приготовившихся к забегу.

Чон Союн глянула в зеркало. Из-за выступившего пота щеки блестели, лицо было пунцовым. Она сама не понимала, что сейчас делает. По словам Ку Дончи, есть дела, которые, как ты ни старайся, невозможно выполнить. Но она также знала, что есть дела, от которых невозможно отказаться. Как ни старайся.

Причиной того, что Чон Союн не теряла надежды найти жесткий диск, были слова детектива Ли Ри, которые она хорошо запомнила: «Хённим Дончи — человек, привыкший хранить чужие тайны». Она думала, что, если он не выбросил диск, есть вероятность, что он хранится где-то в целости и сохранности. Сначала она даже хотела обыскать его офис. Это была работа, которую можно было попытаться выполнить, наняв соответствующего специалиста и заплатив ему. Однако ей не хотелось заходить так далеко, она подумала, что этим она может оскорбить память отца.

Ее мучил вопрос: по какой причине отец решил избавиться от жесткого диска? Очевидно, причина была. Для того чтобы найти диск, она не должна была думать об этой причине. Узнав о причине, она могла потерять волю к поиску. Неважно, по какой причине и что хотел скрыть отец, она должна вернуть обратно свои данные. В жестком диске соединились две эти вещи: причина и ее данные.

Ку Дончи, не выключая двигатель, продолжал думать. Он был голоден, но не обращал на это внимания. Ему нравилось чувство полностью пустого желудка. Чем более он был голоден, тем лучше ему думалось. Он вспомнил, как несколько лет тому назад один верующий попросил уничтожить свой дневник. Изю дня в день тот писал о страстном желании встретиться с Богом и одновременно сомевался в его су-

ществовании. Стань содержание этого дневника известным, многие знавшие покойного были бы шокированы.

В частности, там были такие слова: *«Голодный Бог. Боже мой, это звучит смешно, но когда я, встав поутру, ищущего его, он сначала входит в желудок. Неужели голод — среда, в которой живет Бог? Когда отложишь еду, Бог сразу исчезает. С исчезновением Бога тут же возникает Дьявол. Есть ли на самом деле Дьявол, демоны и черти? Может быть, это исчезает не голодный Бог, а Бог, соединившись с едой, превращается в Дьявола? Не превращается ли Дьявол снова в Бога после того, как пища исчезает? Переедание — ненасытный и жадный Дьявол. Может быть, наевшись досыта, попробуем позвать Дьявола? Может быть, глядя в лицо Дьяволу, попробуем съесть десерт?»*

Вспомнив их, Ку Дончи рассмеялся и тронулся с места. Перед теннисным клубом он собирался заехать еще в одно место. В зеркале заднего вида виднелась преследовавшая его машина Чон Союн. Это действовало на нервы, но Ку Дончи решил, что не стоит ехать быстрее. Оторваться от нее он сможет в любой момент в каком-нибудь подходящем месте. Урчание в животе усилилось. Чем-то оно напоминало звук работающего двигателя. Под этот аккомпанемент Ку Дончи неспешно вел машину.

21

Способ сбора сведений у Ли Ри, по сравнению с другими детективами, имел необычную особенность. Большинство детективов собирало информацию, расставив несколько «удочек» вокруг объекта. Чем больше таких удочек-информаторов, тем больше увеличивалась вероятность поймать «рыбу». Способности детектива можно было оценить по тому, сколько «удочек» он способен расставить, насколько внимательно может отслеживать действия объекта, как долго готов ждать и сколь успешно сводить воедино получаемую от них информацию. Умение вытащить «рыбу», клюнувшую на приманку, — важное качество, но куда важнее искусство слежения за «поплавком».

В отличие от детективов, которые забрасывали «удочки» и ждали, когда «рыба» обнаружит наживку, Ли Ри следил за

тем, что творится под водой. Если он замечал под водой то, что казалось тенью «рыбы», то забрасывал наживку ей под нос. Он больше полагался на инстинкт, чем на терпение. Его способ временами оказывался неудачным, но когда он достигал успеха, то и удовлетворение было большим.

Взявшись за полученную от Ку Дончи работу, Ли Ри с головой ушел в нее. Целью был комбинезон взломщика. Едва увидев взломщика на записи, он сразу обратил внимание на комбинезон. По словам Ку Дончи, в кармане сумки для инструментов имелось круглое отверстие, в котором просматривался треугольный знак, но камера его не зафиксировала. На экране виднелся лишь корпус взломщика от груди до пояса. Ли Ри решил, что ответ надо искать в рабочем комбинезоне.

Он знал, что в целом в униформе всегда содержится множество информации, расположенной в самых различных частях одежды. Например, бирка: есть ли она, а если ее нет, то почему; хорошо ли пришит фирменный лейбл; какая часть одежды более изношена и связано ли это с характером повседневной работы; есть ли вспомогательные приспособления типа поясных карабинов для снаряжения... Увеличив масштаб, Ли Ри тщательно просмотрел все места рабочего комбинезона и обнаружил в районе груди название фирмы «Хвагёнсаноп», едва заметно вышитое серой ниткой. Он решил, что нашел фирму, где был изготовлен комбинезон.

Ли Ри быстро нашел в Интернете информацию о «Хвагёнсаноп» и сразу отправился туда. Фирма изготавливала всевозможные зеркала. Ли Ри, у которого якобы было дело на заводе, быстро прошел на производство. Там он увидел много людей в таких же комбинезонах, как и тот, что был запечатлен камерой. Ли Ри зашел в офис, где представил фальшивое удостоверение полицейского и смог получить кое-какую информацию. Рабочий комбинезон изготавливался специально для работы со стеклом, его запрещено было выносить за пределы цехов. Это правило относилось и к тем, кто увольнялся с работы, и к тем, кто уходил на пенсию по возрасту. Рабочий комбинезон для работы со стеклом был слишком дорогой одеждой для того, чтобы оставлять ее даже провожаемым на пенсию. Работница, дававшая объяснение, трясаясь от страха, заверила, что строго следит за количеством рабочей спецодежды, что вероятность, что она ушла

за пределы завода, равна почти нулю. Ли Ри обрадовался ее словам «равна почти нулю». Это резко сужало область поиска. Во время ее объяснения в офис вошел директор завода, Ли Ри еще раз предъявил свое фальшивое удостоверение полицейского. Стоило ему сказать директору о том, что кто-то участвует в кражах и ограблениях в рабочем комбинезоне фирмы «Хвагёнсаноп», как тот, округлив глаза, заверил, что вероятность кражи спецодежды равна не почти нулю, а именно нулю, что никто не может украсть ее. Директор показал большой журнал по учету рабочей спецодежды и рассказал, насколько тщательно ведется контроль и учет ее и продукции фирмы. За каждым выданным комбинезоном закреплялся собственный номер, эти номера ежедневно тщательно сверяли. Что же, если вода в ручье становится грязной, достаточно подняться вверх по течению, чтобы узнать причину загрязнения.

Ли Ри посетил фирму под названием «Сандо юниформ», которая поставляла комбинезоны для «Хвагёнсаноп». Фирма «Сандо юниформ» производила разнообразное рабочее обмундирование, в том числе бронежилеты, спецодежду для пожарных, для работы с вредными веществами. Трюк с фальшивым удостоверением сработал и в этот раз. Лохматая борода и густые бакенбарды также работали на образ ретивого служаки, буквально живущего на работе — настолько он выглядел неухоженным.

«Хвагёнсаноп» в общей сложности заказывала рабочие комбинезоны пять раз. Четыре раза заказ оформлялся на имя некоего Дониль, один раз — на другого человека.

— Скажите, только в этом заказе заказчик — другой человек? — спросил Ли Ри, ткнув пальцем в монитор.

— Это было два года тому назад, имя заказчика... Да, только в этом заказе другое, — ответил ответственный за заказы, крутя колесо мышки вверх-вниз.

— А что значит эта запись: «Срочный, наличные»?

— Это означает срочный заказ, его оплатили наличными.

— И много таких случаев?

— Вообще-то редко, но бывают. Оплату за срочный заказ получают отдельно. Вот, посмотрите сюда, здесь видно, что заказ забрали на следующий день вечером в количестве двадцати двух комплектов.

— Правильно ли я понял, что, заплатив, любой может заказать конкретную спецодежду?

Ответственный за заказы, желая понять, что кроется за вопросом Ли Ри, лишь моргал. После нескольких секунд колебаний он осторожно спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Я думаю, немного странно, что, не работая в «Хвагён-саноп», возможно заказать спецодежду с логотипом «Хвагёнсаноп», — сказал Ли Ри.

— Ну, это не какая-то особенная спецодежда, ее можно заказать в любом другом месте, где не будут тщательно проверять.

— Если это фирма, с которой уже были сделки, наверно, легко будет проверить процедуру заказа.

— Это может стать проблемой?

— Да, это может стать проблемой, — сказал Ли Ри. — Если в заказанной и изготовленной здесь спецодежде совершено преступление, то к вам тянется ниточка.

— Тогда что делать?

— Для начала давайте узнаем, кто сделал заказ. У вас остался номер телефона того человека?

— Да, остался, — быстро сказал ответственный за заказы, явно испугавшись, что из-за ошибки по его вине могут вскрыться еще какие-то неблагоприятные дела.

Ли Ри вернулся обратно к машине, держа в руке листок с именем заказчика и номером телефона, и решил немедленно позвонить. В голове у него уже сложился набросок диалога. Все, что он знает, это номер телефона. Имя заказчика, возможно, вымышленное. Это должен быть такой диалог, который позволит узнать собеседника. Еще до того, как начать прикидывать будущую беседу, Ли Ри попытался представить себе человека, номер телефона которого он только что получил. Что представляет собой организация или группа, заказавшая двадцать два комплекта рабочих комбинезонов? Обычно такие заказы в организациях выполняет исполняющий роль управляющего общими делами сотрудник или самые младшие в иерархии. Если самые младшие, работа может стать проще. Обычно они легко пугаются и теряются.

Вполне вероятно, что они уже забыли о связанном с рабочими комбинезонами деле. Они наверняка уже не по-

мнят, в какую спецодежду были одеты, когда и где изготовили ее. Время заглушило осторожность, и сейчас они находятся в расслабленном состоянии. Ли Ри решил воспользоваться этим. Сначала он должен будет заморочить голову тому, кто примет телефонный звонок, а затем вытянуть из него информацию.

Ли Ри позвонил по общественному телефону. Послышался звуковой сигнал. Один, два, три, четыре... Он, считая сигналы, откашлялся и прочистил горло перед разговором. Ради достижения металлического оттенка в голосе он даже попрыгал на месте.

— Алло? — раздалось в трубке.

Мозг Ли Ри лихорадочно заработал. Нужно было лишь по голосу определить состояние собеседника: находится ли он в состоянии тревоги, сильного любопытства, занят ли он, свободен ли...

— Это фирма по изготовлению спецодежды «Сандо униформ» — сказал немного раздраженным голосом Ли Ри.

— Что?

— Звонят из фирмы «Сандо униформ», «Сандо». Это фирма, где вы заказали рабочую спецодежду.

— А что случилось?

— Что значит, что случилось? Почему вы, заказав рабочие комбинезоны, не приходите за ними?

— Вы говорите, что мы заказали рабочие комбинезоны?

— Это фирма «Хвагёнсаноп», верно?

— «Хвагёнсаноп»?.. Ах да, верно.

— Что значит верно? Вы заказали партию спецодежды. Номер на бланке заказа указан этот. Уточнив, что это срочный заказ, вы сказали, что приедете за ним, но даже не позвонили. Так не может продолжаться, это создаст нам проблему. Если трудно прийти, надо было позвонить. Давайте сделаем так: если вы оплатите, мы отправим их вам через службу доставки, — Ли Ри постарался добавить в голос металла.

— Я уточню и позвоню вам.

— Что вы хотите уточнить?

— Видите ли, дело в том, что ответственен за этот заказ не я. Я уточню у ответственного.

— Наша телефонная система работает с перебоями, я сам перезвоню через пять минут.

— Хорошо.

Ли Ри положил трубку. Он не знал точно, работает ли этот способ, но ему ничего не оставалось, кроме как бросить приманку и ждать. В любом случае он ничего не терял. Ли Ри попробовал представить реакцию собеседника. Судя по его реакции и спокойному голосу, кажется, с ним надо поосторожнее. Если он действительно позвонит в фирму «Хвагёнсаноп» и обнаружит, что название фирмы неверно, могут возникнуть сложности. Все же он надеялся, что все получится так, как он задумал.

Поглаживая бороду, он подождал пять минут. Затем, выждав еще минуту, снова позвонил.

— Вы проверили? — сказал он таким голосом, словно через силу выполняет довольно сложное дело.

— Видите ли, этот заказ сделал другой сотрудник. Сколько всего комплектов спецодежды было заказано?

— Всего двенадцать комплектов, — назвал наугад число комплектов Ли Ри.

— Хорошо, сейчас нам сложно поехать за ними, вы не могли бы отправить их курьером через службу доставки? Пожалуйста, сообщите нам стоимость и номер расчетного счета в банке.

— Сумму и номер расчетного счета я пришлю смской. Как только оплатите, мы сразу отправим вам заказ. Назовите адрес, — сказал Ли Ри и записал продиктованный по телефону адрес.

В заключение он посчитал нужным сказать:

— Учтите, если в следующий раз вы снова поступите так, у вас возникнут сложности. Рабочие комбинезоны мы отправим как можно быстрее.

— Хорошо.

Ли Ри, отключив телефон, улыбнулся и крепко сжал кулак. Добыть информацию оказалось легче, чем он ожидал. Он помчался в «Сандо униформ», где узнал номер расчетного счета стоимость двенадцати комплектов комбинезонов. После этого он отправил СМС. Если в поле «Адресат» не будет значиться «Сандо униформ», это может вызвать подозрения. Надо было сделать так, чтобы в ложной «Хвагёнсаноп» как можно позднее догадались о том, что обмануты. Сотрудник фирмы «Сандо униформ», онемев от страха, безропотно отправил текстовое сообщение, как он велел. Ли Ри поблагода-

рил его, вышел, сел в машину и отправился по записанному на листочке адресу.

В машине он обдумал варианты дальнейших действий. Их было всего два. Первый — сообщить Ку Дончи адрес, а самому отойти в сторону. Второй — притвориться самому курьером службы доставки, проникнуть в ложную Хвагёнсаноп» и постараться добыть дополнительную информацию. Первый путь казался легким и безопасным, второй требовал много возни и был опасным. Надо было сделать много приготовлений, а в случае обнаружения обмана рассчитывать на помощь не придется. «Эй, Ли Ри, хватит думать, надо получить деньги и исчезнуть», — уговаривал он себя. После некоторого раздумья он выбрал подходящий для себя первый, безопасный путь. Он остановил машину и позвонил Ку Дончи. Прошло время, прежде чем тот ответил.

— Да, что случилось? Говори быстро, — быстро сказал низким голосом Ку Дончи.

— Хённим, где вы? — в пику ему неторопливо спросил Ли Ри.

— Зачем тебе знать, где я? Скажи просто, что тебе надо.

— Хённим, вы что, с утра встали не с той ноги? Я нашел.

— Что нашел?

— Я узнал адрес ублюдка, который был на записи. Это был очень сложный процесс, но я подумал и решил, что, хотя вы сильно заняты, надо вкратце обсудить с вами ситуацию. Что мне делать дальше?

— Ты точно уверен в этом?

— Да, точно уверен. Отслеживая одежду, в которую был одет тот ублюдок, я нашел адрес его местонахождения, но я думаю, что он там не один, а с бандой. Идти туда одному мне как-то страшновато.

— Это дело оставь мне, а сам сиди тихо.

— Хорошо, я понял. Адрес вышлю смской.

Ку Дончи отключился и пошел в душевую. Теннисный матч с президентом Чон Ильсу оказался интереснее, чем он думал. Чон Ильсу хорошо вел игру, лучше, чем любой из тех, с кем Ку Дончи доводилось играть. Уже через десять минут после начала президент догадался о том, что Ку Дончи испытывает сложности с отражением дроп-шотов — укороченных ударов, и целенаправленно атаковал серией дроп-шотов.

Поначалу Ку Дончи даже немного растерялся, но вскоре он нашел способ противостоять. Он стал класть мячи как можно ближе к сетке, чтобы Чон Ильсу не мог ответить дроп-шотом. Однако это была игра в парном разряде, а ее нельзя выиграть одному, даже если ты прекрасный игрок.

В парном разряде самым важным является то, насколько хорошо ты знаешь слабые места своего партнера. Чон Ильсу лучше, чем кто-либо, знал слабые места своей партнерши Сон Миён и понимал, каким образом компенсировать их. Она играла на класс выше, чем Хан Юми, их сыгранность была очень хорошей, матч до самого конца проходил увлекательно, силы были равными. Лишь благодаря неудачной подаче противной стороны Ку Дончи и Хан Юми смогли по очкам выиграть матч. Игра понравилась всем четверым, и приподнятое настроение не покидало их даже в ресторане. Они отметили несколько интересных моментов во время игры, высоко оценили хладнокровие Сон Миён в критических ситуациях и выказали удивление выносливостью Хан Юми.

Приведя себя в порядок, Ку Дончи вернулся к столу.

— Что-то долго вас не было. Это случайно не связано с какими-то *лекарствами*? Вы так резво скакали на корте... — Хан Юми лукаво улыбнулась.

— Пока у меня еще не тот возраст, — прикинулся протачком Ку Дончи, понимая, куда она клонит.

— Ну как не тот? Послезавтра уже сорок стукнет... Надо готовиться заранее.

— Ради кого?

— Когда говоришь с вами, господин Ку Дончи, возникает очень странное чувство. То, что вы откровенны, это хорошо, но скажите честно, вы отдаете себе отчет, что нередко ставите другого человека в трудное положение?

— Я не всегда откровенен, — коротко ответил Ку Дончи.

— Послушайте, именно такое поведение и называют откровенностью. Господин президент, — улыбаясь, Хан Юми повернулась к Чон Ильсу, — вот такого человека вы должны держать подле себя. Который не побоится указывать вам на ошибки.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, госпожа Юми, но вокруг меня таких людей и сейчас больше, чем нужно, — слегка

улыбнулся Чон Ильсу, водя пальцем по драгоценному камню, украшавшему кофейную чашку.

— Правда? Вам повезло.

— Я настолько везучий, что трудно представить. Присутствующая здесь госпожа Сон Миён — одна из таких людей. Вы не представляете, насколько она любит говорить откровенно.

— Госпожа Миён, неужели? В обычной жизни вы, наверно, разговорчивы, — Ку Дончи сменил наигранный тон на привычную ироничность.

— Вы замечательно умеете прятать шпильки в словах. У вас с господином Ку Дончи вышла бы хорошая пара, — улыбаясь, сказала Сон Миён, обращаясь к Хан Юми.

— О, нет, это не так. Говорят, что лучше сходятся противоположности. Видимо, поэтому похожие на господина Ку Дончи люди хорошо подходят таким, как я, — кокетливо сказала Хан Юми и улыбнулась детективу.

Чон Ильсу весело рассмеялся. В это время Ку Дончи ощутил вибрацию мобильного в кармане. Если бы телефон тут же и затих, он бы подумал, что это смска от Ли Ри. Но вибрация продолжалась. Ку Дончи извинился и, достав мобильник, опустил его под стол и посмотрел, кто звонит. Высветившийся номер был незнакомым. В обычной ситуации он проигнорировал бы вызов. Но это мог быть Ким Инчхон. Ку Дончи еще раз извинился и, попросив понять его, встал из-за стола. Он отошел в угол зала, чтобы принять звонок, но вдруг его охватило странное беспокойство. Высветившийся номер, казалось, предупреждал о чем-то. Ку Дончи в душе пожелал, чтобы его предчувствие не оправдалось и нажал кнопку вызова.

Звонили из полиции. Звонивший был коллега, с которым он когда-то работал. Несмотря на дежурное приветствие, голос у него был печальный. Что-то стряслось, и это что-то явно было связано с Ким Инчхоном. «Тебе нужно приехать», — проговорил бывший коллега тихим голосом. «Сонбэ, что случилось?» — спросил Ку Дончи, с одной стороны желая услышать ответ, с другой — нет. «Сонбэ Инчхон ранен». — «Сильно?» — «Да, кажется, сильно». — «Насколько сильно?» — «Я не знаю. В любом случае приезжай быстрее». — «Где он сейчас?» — «Ты знаешь больницу рядом с расселенным домом? Кажется, его отправили туда» — «Ха-

рактёр ранения?» — «Его ударили ножом. У него сильное кровотечение, потерял много крови». — «Это опасно?» — «Я не знаю. Надо съездить в больницу, тогда узнаем».

На мгновение Ку Дончи показалось, что вся мебель в ресторане закружилась вокруг него. Он отключился и бессильно прислонился к стене. Тряхнул головой, стараясь прийти в себя. Он пытался осознать произошедшее. Разговаривавшие и смеявшиеся между собой Чон Ильсу и Хан Юми смотрелись как безучастный пейзаж.

Дверь ресторана открылась, вошел начальник охраны На Ёнук. На лице его застыло жесткое выражение. Подойдя к Чон Ильсу, он наклонился к нему и что-то прошептал. Лицо президента исказилось. В нем на миг проступила растерянность. У Ку Дончи промелькнула мысль, что новость, которую он только что услышал, и появление начальника охраны, возможно, каким-то образом связаны с Ким Инчхоном. Это было предположение без доказательств, но такая вероятность существовала. Сунув в карман мобильник, он подошел к Чон Ильсу. Ноги были как ватные. Он ощутил короткую вибрацию. Видимо, пришло сообщение от Ли Ри. Чон Ильсу улыбался, глядя на детектива, но за улыбкой чувствовалась едва уловимая досада.

Однако Ку Дончи заметил ее. В нем что-то начало вскипать. Он хорошо знал, что это был гнев, еще не определивший направление, готовый вырваться в любой момент и, найдя объект, обрушиться на него.

22

Ку Дончи встретил вечер в холле больницы и пробыл там несколько часов. Возле двери реанимационного отделения неподвижно сидела Пяк Сынчжа — жена Ким Инчхона, ожидавшая прихода мужа в сознание. Ку Дончи ничего не оставалось, кроме как ждать в общем зале ожидания. Прежде он называл ее хёнсуним*, но, встретив в больнице, не знал, как должен обращаться к ней. Обращение «хёнсуним» он использовал в повседневной жизни, но в этой ситуации он

---

*Хёнсу — уважительное обращение в Корее брата или членов семьи или родственников к жене старшего брата.

подумал, что оно прозвучит неуместно, оно звучало слишком фамильярно и могло поставить ее в неловкое положение. Ку Дончи тоже чувствовал себя в ее обществе стесненно и не мог посмотреть ей в глаза из-за чувства вины в связи с произошедшим с Ким Инчхоном. Он подошел и поздоровался. Она никак не отреагировала на это. Ее взгляд блуждал, словно не зная, на чем остановиться. Он отошел.

Время от времени к родным и близким выходили врачи и сообщали о состоянии пациентов. Мало-помалу холл пустел. К нему подошла Пяк Сынчжа. Села на стоящий напротив стул и протянула Ку Дончи записную книжку и диктофон.

— Даже в машине скорой помощи он крепко сжимал их, — проговорила она.

— Что? Зачем это мне? — удивился Ку Дончи, принимая вещи, хотя ему было нелегко сделать это.

— Вам же они необходимы, — сказала она равнодушно.

— Что?

— Вам же нужны эти вещи. В последнее время он много говорил о вас. Господин Дончи, поймайте их.

— Да, хёнсуним. Я их поймаю.

— Да, поймайте.

— Хёнсуним, извините меня! Сонбэ Инчхон обязательно поправится. Не переживайте.

— Я знаю. Он встанет. Должен встать.

— Не думайте о худшем. Гоните прочь плохие мысли. Он обязательно поправится.

— Я и не думаю.

— Вы в порядке? — спросил Ку Дончи с беспокойством.

— Да, я в порядке. Я не думаю о плохом.

— Вам бы надо немного отдохнуть.

— Да, я отдохну, — сказала, вставая, Пяк Сынчжа и, пошатываясь, направилась к отделению интенсивной терапии.

Ку Дончи посмотрел ей вслед. Она была похожа сомнамбулу. На мгновение ему показалось, что он говорил не с человеком, а с призраком. Даже после ее ухода его не покидало ощущение, что на стуле напротив кто-то сидит.

Ку Дончи перевел взгляд на маленькую записную книжку, которую держал в руке. Каждый раз, когда Ким Инчхон что-то записывал, казалось, что она вот-вот порвется в его лапищах. Ку Дончи вспомнился их диалог: «Сонбэ, завели бы вы себе книжку побольше». — «Чем эта тебе не угоди-

ла?» — «Маленькая». — «Записная книжка полицейского и должна быть маленькой, только тогда ее можно сунуть куда угодно».

Что-что, а делать записи Ким Инчхон обожал. Любая, самая незначительная информация методично вносилась в книжку. Сонбэ писал, как только у него выпадала свободная минутка. Был случай, когда книжка пропала. Ким Инчхон тогда места себе не находил. Он фиксировал все, будто камера слежения. Номер проезжавшего мимо автомобиля, внешний вид подозреваемого, цвет сумки, внешний вид очков... В крайнем случае он писал на каком-нибудь листке. Он словно боялся, что информация исчезнет. Записную книжку ему приходилось менять чуть ли не каждую неделю. Диктофон тоже был незаменим. Можно записать содержимое разговора в виде текста, но как быть с голосовыми особенностями? Неудивительно, что диктофон тоже часто шел в дело. Для Ким Инчхона записная книжка и диктофон были равносильны двум рукам.

Краткое изложение происшествия Ку Дончи услышал от давешнего коллеги-полицейского. Особых улик не было. Ким Инчхон был обнаружен в глухом переулке в пригороде. Свидетели отсутствуют, особых улик не найдено. Коллега высказал предположение, что ему нанесли удар ножом в другом месте, а затем перевезли на машине к месту обнаружения. Неясно, собирались ли преступники убить его, оставив умирать, истекая кровью, или же хотели, чтобы люди обнаружили его. Этот переулок не был совсем безлюдным, но и многолюдным назвать его было трудно. Полиция обыскала все соседние здания, но не обнаружила в них места, где могло произойти это происшествие. Камера видеонаблюдения зафиксировала одного человека, но коллега-полицейский сказал, что с этим материалом трудно будет найти преступника. Диктофон, который Ку Дончи держал в руке, был защищен паролем.

В поле зрения Ку Дончи, рассеянно смотревшего на стену напротив него, держа в руках записную книжку и диктофон, попало лицо девушки, показавшееся ему знакомым. Он попробовал вспомнить, где видел ее раньше, но у него не получалось сосредоточиться. Только когда они встретились взглядами, и сидевшая напротив девушка, улыбаясь, помахала ему рукой, он вспомнил: Чон Союн. Отправляясь

на корт, он думал, что оторвался от нее. Но вот она, сидит напротив. Он спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Я? Сижу. Вы что, не видите?

— Вы давно здесь?

— Я вошла следом за вами.

— Как вы узнали, что я здесь?

— Есть способ.

— Вы подслушивали, верно?

— Что?

— Ли Ри помог?

— Как вы узнали? — с удивлением спросила Чон Союн.

— Я просто попробовал угадать, — устало пробормотал Ку Дончи. У него не было сил говорить громче, не было даже сил стоять. Он бессильно опустился рядом с ней.

— Он очень сильно ранен? — участливо спросила она.

— Да.

— Нелегко придется, — она тяжело вздохнула.

— Кому будет нелегко?

— Да всем. Раненому, близким...

— Мне очень жаль, — тихо сказал Ку Дончи, желая сменить тему разговора.

— Чего вам жаль?

— Я имею в виду жесткий диск.

— Вы действительно выбросили его? — с недоверием спросила Чон Союн.

— Да, я действительно выбросил его.

— То есть я должна полностью смириться с этим. Вы это хотите сказать?

— Да, — коротко ответил Ку Дончи.

— Я целыми днями только и думаю о том, что было на нем, какие фотографии, видеоролики. Однако несколько минут назад я вспомнила об одной совершенно забытой вещи.

— Что это за вещь?

— Там были фотографии, с которым я работала в течение последних четырех месяцев. Я имею в виду не дизайнерские наброски для фирмы, а снимки, которые я сама обрабатывала. Эта была работа по восстановлению фотографий людей, пострадавших от землетрясений, пожаров или несчастных случаев. Я восстанавливала их с помощью компьютера. В ос-

новном это были фотографии, намокшие, обгоревшие в огне, многие были разорваны на части. Может быть, вы помните деревню К., разрушенную в прошлом году сильным землетрясением. Помните? О ней еще много и долго говорили в новостях. Так вот, на том жестком диске было порядка пятисот восстановленных фотографий из той деревни. Да, в самом деле, если бы я проработала с ними еще несколько дней, то... Я не догадалась сделать резервное копирование. Надо было записать их на внешний диск. Но я, наверное, спятила, раз не сделала этого.

— Фотографии-то сами остались же.

— Остались. Частично. Но их придется снова сканировать, потом повторно обрабатывать. А это время. Мне так неудобно перед жителями той деревни. Надо было отправлять им по частям уже готовые файлы, но мне хотелось показать их за один раз и сказать «вуаля», я все время откладывала. Я очень старалась, желая увидеть, как обрадуются жители той деревни... Увы, теперь придется обо всем забыть.

— Если вы восстановите фотографии, они обрадуются?

— Конечно, обрадуются. Вы что, на самом деле такой бессердечный?

— Я что-то не так сказал?

— Ведь то, что вы говорите, звучит странно. Вы знаете, насколько люди считают важными воспоминания? Когда я однажды восстановила одной бабушке фотографии ее молодости, видели бы вы, как она меня благодарила. И еще, вы что, действительно не знаете, как много людей плачет, получив свои восстановленные фотографии?

— Нет, не знаю. Хотя я допускаю, что такое возможно.

— Все-таки вы очень странный человек. Что значат ваши слова «допускаю, что такое возможно»?

— Я же сказал, что допускаю. Это значит, что такое возможно.

— Ах да, вы же на самом деле допускающий многое человек, — сказала с сарказмом Чон Союн.

В холле оставались всего три человека: мужчина за сорок, рассеянно смотревший телевизор, женщина лет пятидесяти, улегшаяся на стульях, аккуратно поставив под ноги туфли, и девушка лет двадцати, разглядывавшая журнал.

— Вы не пойдете домой? — спросил Ку Дончи.

— Нет, не пойду. Я буду ходить за вами по пятам, детектив Ку.

— Вы же сказали, что смирились с утратой диска.

— Я снова поменяла решение. Учтите, я все время буду ходить за вами по пятам.

— О чем беспокоится человек, имеющий возможность прослушивать мой телефон?

— Раз я обнаружила себя, разве вы теперь не смените его?

— Я буду использовать только этот телефон. И каждый раз, воспользовавшись телефоном, перед тем как отключиться, я буду желать вам здоровья и долгих лет жизни, — с иронией в голосе сказал Ку Дончи.

— Вы правда спросили просто так, наугад? — с недоверием спросила Чон Союн.

— Да, на месте Ли Ри я бы тоже рекомендовал так поступить.

— Зря я созналась, — огорченно сказала расстроенная Чон Союн, обхватив руками колени.

— Ступайте домой.

— Детектив Ку, а вы не пойдете домой?

— Не пойду.

— Ну, тогда я тоже не пойду.

— Поступайте, как хотите.

Ку Дончи нравилось вести с Чон Союн такую ни к чему не обязывающую беседу. В ее присутствии он не чувствовал себя одиноко. Ему было неудобно перед сонбэ Ким Инчхон, лежавшим без сознания на больничной койке и находившимся между жизнью и смертью, но она не давала ему предаться самоедству. В душе ему хотелось, чтобы она не уходила домой, а сидела рядом. Ку Дончи не узнавал самого себя.

— Детектив Ку, вас не мучают угрызения совести, когда вы занимаетесь делитингом? — спросила Чон Союн.

— Какие угрызения совести? — спросил Ку Дончи, оглянувшись на нее.

— Я говорю об угрызениях совести во время уничтожения вещей.

— Нет, я же уничтожаю вещи, которые меня просят уничтожить их хозяева.

— Какая бы ни была вещь, ведь она обычно не принадлежит только одному человеку. Взять, например, уничтоженный вами жесткий диск. Он ведь принадлежал не только отцу, но и мне.

— Мне нет смысла беспокоиться о таких вещах.

— Вы никогда не думаете о том, что вы бесчувственны?

— Это не так.

— Вау, у вас совсем нет совести.

— Вы только сейчас это поняли?

— Конечно, совестливый и не взялся бы за такую работу, — съязвила Чон Союн, но довольно миролюбиво.

— Что ж, в какой-то мере можно сказать и так.

— Вы не голодны?

— А вы?

— Я проголодалась, потому и спросила.

— Я не знаю, продают ли здесь еду. Тут, кажется, есть в подвале закусочная. Сходите поешьте и возвращайтесь.

— Поесть и вернуться?

— Вы можете поесть и уйти.

— Вы не пойдете вместе со мной?

— Я не голоден.

— Я не пойду одна. Скучно. Будем голодать вместе, ничего страшного.

Ку Дончи сходил к реанимационному отделению. Пяк Сынчжа по-прежнему сидела на стуле в том же положении, что и ранее, и неотрывно смотрела на дверь отделения. Кажалось, она ждет, что с минуты на минуту муж выйдет к ней живым. Глядя на ее неподвижность, он подумал, что она, возможно, заснула в этой позе.

Ку Дончи вернулся в холл и, забрав с собой Чон Союн, спустился в закусочную. В такое позднее время там подавали лишь суп соллонтхан*. Ку Дончи хотелось наскоро поесть и вернуться в холл. Что почувствует Пяк Сынчжа, когда выйдет ненадолго в холл и не увидит его там? Он положил было ложку на стол, но Чон Союн с аппетитом и не спеша начала есть. Она ела соллонтхан, не размешивая рис. Когда съела половину порции, она влила в мис-

---

* Говяжий бульон (из внутренностей, головы, костей и т. п.).

ку с супом сок от куктуги* и размешала. Цвет бульона с молочного сменился на розовый, а зеленый лук и белые рисинки, плававшие на поверхности бульона, выглядели как маленькие островки.

Чон Союн, медленно размешивавшая рис, внезапно замерла. Склонившись над соллонтханом, она вдруг скривила рот, ее лицо исказилось. Чон Союн начала беззвучно плакать, плечи ее мелко вздрагивали. Ку Дончи, испугавшись, лишь безмолвно наблюдал за ней. Ее слезы падали прямо в суп. Он, увидев это, передал ей салфетку.

— Ничего, извините меня. В последнее время со мной такое случается, — сказала Чон Союн и промокнула салфеткой глаза.

— Вы в порядке?

— Да, я в порядке. Не знаю, что со мной. Просто внезапно вспомнила отца.

— Понимаю.

— Отец учил, что суп соллонтхан надо есть таким образом.

— Поплачьте еще.

— Нет, я уже выплакалась.

— Ешьте еще.

— Да, я все съем. Я съем весь суп, — сказала Чон Союн и снова взяла в руки ложку.

Склонив голову, она доела соллонтхан до последней капли.

За полчаса, пока они отсутствовали, в зале ожидания почти ничего не изменилось. По телевизору начался вечерний сериал, его смотрела прежде лежавшая женщина лет пятидесяти. По-прежнему пустовали места, где до этого сидели они. Ку Дончи снова пошел в реанимационное отделение. Пяк Сынчжа, казалось, за все это время не пошевелилась.

Ку Дончи вернулся в больничный холл. Подошел к окну. Стекло отразило его на фоне черноты снаружи. Ему не понравилось отражение. Он решил внимательно просмотреть записную книжку и прослушать диктофонную запись. Надо

---

*Разновидность кимчи, которая готовится из редьки, нарезанной небольшими кубиками, которые засаливают и затем в них добавляют красный перец и другие приправы.

узнать, какими были последние слова Ким Инчхона, какие звуки слышались вокруг него.

— Раз вы угостили меня соллонтханом, я угощаю вас этим, — Чон Союн протянула ему бумажный стаканчик с кофе. Ее челка была влажной.

— Умывались? — спросил Ку Дончи, беря стаканчик.

— Чтобы провести всю ночь, не смыкая глаз, надо же подготовиться.

— Вы что, собрались бодрствовать всю ночь напролет?

— Разве вы не собираетесь просматривать эту книжку?

— Я просмотрю ее сам.

— А для меня не найдется занятия? Мне же скучно.

— Нет, не найдется.

— А диктофон?

— Вы говорите так, словно мы с вами одна команда.

— Ну, мы, конечно, не одна команда, но когда трудно, разве мы не должны помогать друг другу?

— Мне не трудно.

— Нет, вы выглядите так, словно вам трудно.

— Хорошо. Тогда я буду держать диктофон, а вам дам лишь наушники.

— Вы боитесь, что я могу ошибочно нажать что-то не то?

— Да.

— Почему вы так думаете обо мне? Я двадцать лет проработала за компьютером, — недовольно сказала Чон Союн.

— И все же я не могу поступить иначе.

— Хорошо, давайте наушники, — она протянула руку. — Когда услышу что-нибудь важное, скажу вам.

Ку Дончи ввел пароль, отдал ей наушники и нажал на воспроизведение. Она вставила их в уши, ее глаза сделались серьезными. Сосредоточившись, она приготовилась слушать. Когда он хотел что-то сказать, она, приложив указательный палец к губам, показала этим жестом, чтобы он молчал. Он в знак согласия кивнул головой.

Ку Дончи стал пролистывать в записной книжке страницу за страницей, начиная с последней. Он решил просмотреть события в обратном порядке. На самой последней странице были записаны несколько цифр, выглядевших как номер телефона. Такие цифры могли быть записаны в спешке, без всякой связи с контекстом они были непонятны. Этому предшествовал текст: «Краткое описание внешнего вида

подозреваемого». И несколькими строчками ниже: «Длина волос менее 10-ти см. Лоб широкий, брови густые. Глаза широко расставлены, короткий нос, длинный подносовой желобок*. Тонкие губы. Рост 175 см. Вес 80–85 кг». Ку Дончи, читая описание, попробовал представить лицо. В воображении подставилась подпись: «Краткое описание внешнего вида подозреваемого».

Ку Дончи вспомнил как однажды, несколько лет тому назад, когда они с сонбэ еще вместе работали в полиции, тот со смущенным выражением протянул ему толстую пачку бумаги. Все листы были плотно исписаны настолько мелким почерком, что не было видно свободного места. Это было творение, написанное Ким Инчхоном в свободное от работы время. Ку Дончи положил его в выдвижной ящик стола и однажды на дежурстве открыл и прочитал первую страницу. Он прочитал не так уж много романов за свою жизнь, но сразу смог понять, что опус Ким Инчхона не дорос до того уровня, когда его можно было бы назвать этим словом. В тексте встречались орфографические ошибки, несколько неуклюже выглядело описание ситуаций, да и многие реплики казались странными. Например, был такой странный монолог: «Когда на шоссе, где со свистом проносятся машины, ты упал со всплеском, я раскаялся». Были даже такие странные реплики: «Ты никогда не кайся. Раскаившись, не жди прощения». Также автор слишком злоупотреблял звукоподражательными словами, такими как «бззз», «шшшш», «рры», «пи-пи-пи». Часто предложение оказывалось незавершенным, мысль недосказанной, а автор вдруг поворачивал сюжет в совершенно неожиданную сторону. Однако Ку Дончи в течение смены залпом прочитал весь «роман». Небольшой объем был самым большим его преимуществом. Конечно, уровень литературного изложения был не ахти, но он заставлял почувствовать жар сердца сонбэ.

Ку Дончи знал об описанном в «романе» происшествии. Это было одно из так и не раскрытых дел. Ким Инчхон несколько лет гонялся за преступником, но так и не поймал

---

*Подносовой желобок (фильтрум) — тонкое вертикальное углубление на поверхности лица, расположенное по средней линии от основания носа до верхней губы.

его. В отличие от действительности, в его произведении преступника все-таки ловят. Во второй части было много сцен, где полицейский пытается преступника. Забрав его с собой на место преступления, он избивает его до полусмерти и, заперев в доме, заставляет голодать несколько дней, а затем снова избивает. Было много ужасных, вызывающих содрогание описаний, но из-за частого повторения в важных сценах слова «хрясь» чтение вызывало смех. Ку Дончи на следующий день вернул Ким Инчхону рукопись.

— Что скажешь? Интересно? — нетерпеливо спросил его Ким Инчхон, явно волнуясь.

— Когда поймали и метелили того ублюдка, на душе буквально птицы пели, — сказал, улыбаясь, Ку Дончи.

— Ты тоже почувствовал это? Эй, знаешь, как мне было весело, когда я это сочинял!

— Теперь, издавшись, в писатели подадитесь, сонбэ? — не то в шутку, не то всерьез спросил Ку Дончи.

— Брось, кто такое издаст? Я всего лишь попробовал записать мысли.

— Кто знает, вдруг кто-то да издаст? Вдруг найдется издательство, проявляющее интерес к подобным сюжетам?

— Знаешь, когда я закончил, то понял, что ничего особенного в этом нет. Порывшись в Интернете, я обнаружил три требования к роману. Ты, небось, не в курсе? Это люди, происшествия и окружающий фон. Так ведь это наша профессия. Взять людей, кто лучше нас их знает? Нам достаточно лишь мельком взглянуть на человека, чтобы в общих чертах понять, что это за фрукт. Происшествия? О, разве есть люди, знающие о них лучше, чем мы, полицейские? Правда, если говорить о последнем требовании — об окружающем фоне, тут я, признаю, немного слабоват.

— Да не немного слабоват, а сильно слабоват, сонбэ.

— Ты тоже так думаешь?

— Попробуйте написать еще. Я ничего не скажу насчет литературных достоинств, но отмечу, что определенный талант присутствует.

— Правда? Присутствует?

— Для начала скажу, что написанное вами попадает под детективный жанр.

— Не сболтни где-нибудь. Понял?

— Почему?

— Стыдно же, черт тебя возьми. Если со мной в будущем что-нибудь случится, знай: я положу его в нижний выдвижной ящик. Выбросишь его тогда. Ты понял меня?

— Зачем выбрасывать-то? Я отдам в издательство от своего имени и заработаю кучу денег, — с иронией сказал Ку Дончи.

— Да, заработай кучу денег и разбросай над моей могилой в виде золотой пыли, — подхватил сонбэ.

— Я установлю табличку на памятнике: «Писатель Ким Инчхон, который усоп, так и не создав шедевра», — Ку Дончи весело рассмеялся своей шутке.

— Веселись-веселись.

Ку Дончи, вспомнив, с каким тоном Ким Инчхон произнес тогда это, улыбнулся, но сразу поморщился — Чон Союн спала, положив на его голову плечо, оно затекло, но Ку Дончи сидел неподвижно, стараясь не двигаться.

Он подумал, что, возможно, именно тогдашние слова сонбэ о том, что он должен уничтожить его роман, если что-то с ним случится, были первым толчком к мысли начать заниматься делитингом. Вторым толчком был полученный от известного писателя заказ на уничтожение, но это случилось гораздо позже. Каждый раз, когда он смотрел на нижний выдвижной ящик письменного стола Ким Инчхона, его посещала странная мысль. В том ящике лежит произведение-вымысел, о котором знают только два человека в мире и в котором избивают до полусмерти преступника, ускользнувшего в нашей реальности от наказания. Мысль эта приводила Ку Дончи в состояние сильного возбуждения. Он подумал: в том, что он мог без угрызения совести уничтожить вещи, которые должен был уничтожить по просьбе клиента, возможно, виноват Ким Инчхон. Тогда, после разговора с сонбэ, он впервые почувствовал, насколько сильно возбуждают чужие тайные истории.

Голова Чон Союн постепенно становилась все тяжелее. Он осторожно вынул наушники из ее ушей. Она чуть вздрогнула и снова уснула.

Ку Дончи вставил наушники себе в уши. Постоянно слышался слабый шум, доносившийся издали: то ли звук автомобиля, то ли звуки на строительной площадке, то ли шум постоянно льющейся воды. Слушая, он продолжил просмотр записной книжки. Стало понятным, почему Чон Союн так

крепко уснула — монотонный шум усыплял. Перелистывая страницы, он послушал запись минут десять и уже собрался нажать на кнопку быстрой перемотки, когда услышал тихий голос, доносившийся, словно из преисподней.

— Дончи... — казалось, Ким Инчхон говорил из последних сил. Ку Дончи повысил звук до максимального уровня. Отложив записную книжку, он стал напряженно вслушиваться. Долгое время голоса не было слышно, затем он раздался снова.

— Дончи... Братья... Это не они. Это «V2U» с его директором...

Когда Ку Дончи услышал голос сонбэ, ему показалось, что у него разрывается сердце. Он понимал, что Ким Инчхон тратит последние силы, чтобы четко выговаривать слова. Нажав на кнопку «Стоп», Ку Дончи тихо приподнял голову Чон Союн и аккуратно прислонил ее к стене. Она спала таким глубоким сном, что не проснулась. Затем он продолжил слушать, максимально сконцентрировав внимание, чтобы не пропустить ни малейшего звука. Ким Инчхон сообщил, в каком месте его ударили ножом и кто это сделал. Во время рассказа он сильно кашлял. Ку Дончи хотелось сказать, чтобы сонбэ остановился и не тратил последние силы, что он все услышал. Ему хотелось сказать: «Я все услышал, отдышитесь и отдохните», но Ким Инчхон не переставал говорить.

Ку Дончи быстро вел машину. На улице шел дождь. Мелкие лужи на дороге отражали свет фар. Шум рассекаемой шинами воды на дороге смешался со слабыми звуками в наушниках. Мелькнула мысль: было бы хорошо, если бы голос Ким Инчхона звучал не из диктофона, а из мобильного телефона. Однако он уже знал, что будет с голосом на записи. Он стал постепенно стихать, видимо, Ким Инчхон был уже не в состоянии говорить. Ку Дончи, несмотря на то, что дорога была скользкой, нажал на акселератор.

Утром следующего дня после того как Ким Инчхона ударили ножом, в районе Аго произошли два пожара. Первой загорелась швейная фабрика, находившаяся на холме, пламя

удалось потушить лишь после того, как она почти полностью выгорела. Второй пожар потушили практически сразу после возгорания.

Местом, где сначала вспыхнул второй пожар, был второй этаж Аго-билдинга. Ча Чольхо, вышедший на утреннюю тренировку, заметил, что из окон спортзала просачивается дым. Он быстро взбежал на второй этаж. Дверь в спортзал была распахнута настежь, горел письменный стол. Ча Чольхо бросился заливать огонь водой. Если бы он перекинулся на деревянный пол, большого пожара было бы не избежать.

Только убедившись, что огонь погашен, Ча Чольхо стал искать причину возникновения пожара. На столе не было ничего воспламеняющегося. Уходя с работы, он выключал все источники электропитания, каждый день опустошал корзину для мусора. Стало ясно, что пожар кто-то устроил. Когда он, собираясь проветрить спортзал, открыл все окна, вдали раздался вой сирены пожарной машины.

Сколько бы ни старался Ча Чольхо, он не мог припомнить никого, кто мог бы устроить пожар. Может быть, один из учеников, которому не нравились его методы преподавания? Вряд ли. В этом случае ему было бы достаточно сменить тренера и спортзал. Может быть, это был наставник из расположенного ниже района, проигравший ему схватку на соревновании в прошлый раз? Тоже вряд ли, он ведь такой же мастер боевых искусств, как и Ча Чольхо, он не мог так поступить. Сколько же гнева должно было скопиться в человеке, насколько надо быть безжалостным, чтобы додуматься до такого страшного плана? Если бы он, Ча Чольхо, не обнаружил вовремя источник возгорания, весь Аго-билдинг мог сгореть дотла. Огонь мог мгновенно распространиться по деревянному полу спортзала и переброситься на интернет-кафе на третьем этаже. Было ранее утро, когда мало клиентов, но огонь, перекинувшийся через загоревшиеся компьютеры, мог бы в одно мгновение превратить здание в гигантский костер. Даже представить это было жутко.

Вой сирены раздался почти рядом. Выглянув в окно, Ча Чольхо увидел проезжающую мимо пожарную машину. Он догадался, что в районе горит еще что-то и поспешил на улицу.

Пожарная машина остановилась перед переулком, слишком узким, чтобы туда заехать. Пожарные повыскакивали

наружу и быстро побежали в переулок, разматывая шланг. Жители района, разбуженные воем сирены, высыпали из домов и с тревогой смотрели в сторону горящей швейной фабрики.

Ча Чольхо бросился в глаза молодой парень, быстро спускавшийся с холма. Он шел быстрым шагом, нахлобучив по самые глаза бейсбольную кепку и засунув руки в карманы куртки-ветровки. В парне не было ничего примечательного, он вполне вписывался в окружающую среду. Обычный человек, спешащий на работу. Неизвестно почему, но Ча Чольхо не мог оторвать от него глаз. Ча Чольхо почувствовал в его образе на фоне горящей фабрики не соответствующую окружающему миру тревогу и темную энергию. Он смотрел то на фабрику, то на парня, который явно старался не оборачиваться на пожар. Парень был вне царившей суматохи, и это выглядело очень странно и подозрительно.

Ча Чольхо решил последовать за ним, благо парень не оглядывался назад, и следить за ним было легко. Людей на улице все прибывало, и все взоры тут же обращались в сторону горящей швейной фабрики. В охваченном тревогой районе никто не присматривался к парню. Ча Чольхо, боясь быть узнанным местными, шел за парнем, низко склонив голову.

Дойдя Аго-билдинга, тот замедлил шаг и, проходя мимо, ненадолго поглядел на окно спортзала для занятий хапкидо. Ча Чольхо со спины не упускал из виду даже самые незначительные движения неизвестного. Парень опустил голову, затем снова посмотрел на окна второго этажа, будто не веря. У него был такой вид, словно он не понимал, почему ничего не происходит на втором этаже. Ча Чольхо не выдержал:

— Эй, мужчина, — громко окликнул он.

Однако парень продолжал идти, словно не слышал. Тогда Ча Чольхо догнал его и схватил за плечо. Парень резко дернулся, освобождаясь.

— В чем дело? — выкрикнул он, оборачиваясь и делая шаг назад.

— Минутку, я хочу спросить у вас кое-что. Вы живете в этом районе? — вежливо спросил Ча Чольхо, ловя его взгляд.

— Я живу в этом районе, а в чем дело? — глухо проговорил парень, пряча лицо.

— Просто я вижу вас впервые.

— И что из того?

— Когда вы переехали сюда?

— Недавно.

— Я занимаюсь недвижимостью, немного знаю обо всех жильцах в районе. В каком доме вы живете? Думаю, если вы только что переехали, вероятно, живете ниже молитвенного дома христиан, в здании с синей входной дверью, верно?

— Да, верно.

— А в молитвенном доме в последнее время спокойно? Было много жалоб, что там слишком шумно. Ой, перепутал, дверь-то перекрасили в зеленую?

— Входная дверь? Я переехал недавно, поэтому не запомнил.

— Молитвенный дом все еще стоит там, верно?

— Да, верно, я сильно спешу, поэтому...

— Минутку. А говорили, его два года как нет...

— Что?

— Молитвенного дома, говорю, уже нет. Снесли. Вместо него построили что-то вроде буддийского храма.

— Да не знаю я!

— Ты устроил пожар? — резко спросил Ча Чольхо, переходя с «вы» на «ты».

— О чем вы говорите? — возмутился парень.

— Сними кепку, — приказал Ча Чольхо.

— С ума сошел, ублюдок, — крикнул парень и резко нанес прямой удар кулаком, но Ча Чольхо был уже наготове.

Отбив удар, он ударил правой ногой по голени. Парень упал на землю. Ча Чольхо не стал тянуть и ребром правой руки сильно рубанул по задней части шеи. Противник отключился. Все это произошло в мгновение ока, никто не заметил. Взвалив парня на плечо, Ча Чольхо поднялся с ним в спортзал.

Там он, связав два пояса от добоги, привязал парня, находившегося все это время в бесчувственном состоянии, к стулу. Минут пять спустя пленник открыл глаза, но было видно, что сознание еще не совсем к нему вернулось. Когда Ча Чольхо сдернул бейсбольную кепку, перед ним явилось лицо молодого парня чуть старше двадцати лет. Тот мутным взглядом осмотрел спортзал и ненадолго задержал взгляд на железном письменном столе, с которого начался пожар.

— Что, расстроен? — сказал Ча Чольхо, поймав его взгляд и с силой ударил раскрытой ладонью по затылку.

— Что вы хотите сказать? Зачем мне поджигать? — с обидой в голосе сказал парень.

— Тогда почему ты солгал?

— Что я солгал вам?

— Ты же сказал, что живешь в этом районе.

— Сказал, чтобы отвязаться от вас.

— Как у тебя все просто выходит. Значит, ты солгал, чтобы отвязаться от меня?

— Я совершил ошибку. Пожалуйста, развяжите меня. Я не поджигал.

— Тогда почему ударил меня?

— Вы же первым схватили меня. Я правда не поджигал.

— До этого мы тоже постепенно дойдем, шаг за шагом. Эй, ты хоть знаешь, что там написано? — сказал Ча Чольхо, показывая пальцем на висящую на стене надпись.

— Не знаю.

— Там написано «Инчжамучжок», что означает: счастье приходит к тому, кто терпит. Я понимаю, что трудно сидеть связанным, но попробуй вытерпеть. Теперь из-за тебя придется закрывать спортзал на несколько дней. Ты создал мне проблему... Догадываешься, что я имею в виду, а? Я отлучусь ненадолго по делам, а пока вздремни. Ты меня понял?

Ча Чольхо засунул ему в рот кляп. Провел рукой по щеке пленника. Тот поднял голову и с ненавистью уставился на него, но это было единственное, что он мог сделать. Написав на четырех листах бумаги «В связи с непредвиденными обстоятельствами сегодня и завтра занятий не будет. Тренер Ча Чольхо», он вышел. Первый лист он приклеил на двери спортзала, второй — на лестничной площадке второго этажа, третий — на первом этаже, где начиналась лестница, четвертый — у входа в подъезд здания. Наступило утро. Пожар на швейной фабрике был почти потушен, количество зевак значительно уменьшилось. Возможно, успокоившись, что огонь не распространится на их дома, люди вернулись к повседневным заботам. Было время собираться на работу.

Ча Чольхо отправился на сгоревшую швейную фабрику. Пожарные бродили вокруг, проверяя, не тлеет ли где-нибудь еще. Повсюду валялись обгоревшие и покрытые копотью останки предметов, глядя на которые трудно было

представить, какими они были до пожара, между ними тихо курился дым. Место, где еще вчера стояла фабрика, теперь стало почти ровным, все обрушилось. К счастью, никто не пострадал.

Невозможно было определить на глаз, что стало причиной возникновения пожара. Ча Чольхо обошел пепелище и снова спустился к Аго-билдингу.

— Рано вы сегодня поднялись, — сказал Ча Чольхо, зайдя в Пяк Гихёна.

— Да уж. А ты почему так рано встал, тренер Ча? — осведомился в свою очередь тот, поднимая жалюзи.

— Вы видели, как начался пожар?

— Конечно, видел. Он так быстро распространился.

— Послушайте, у меня к вам есть разговор, только вы не пугайтесь.

— Что за разговор? — спросил Пяк Гихён. — Если что-то очень страшное, лучше не говори. У меня слабое сердце.

— В нашем здании сегодня тоже мог возникнуть пожар.

— Что?! Где?! Когда?!

— Пожар начался в спортзале, к счастью, я заметил его, когда вышел на тренировку.

— Большой был пожар? Надеюсь, он не распространился до моего магазина?

— Нет, не распространился. Сгорел письменный стол, чуть обгорел пол в спортзале. Счастье, что я вовремя затушил.

— Да-а-а, ты сделал большое дело, тренер Ча. Ну что ж, давай поднимемся в спортзал и посмотрим.

— Но я хотел сказать еще кое-что.

— Что, что ты еще хочешь сказать? Хочешь сказать, что мой магазин все-таки сгорел? Говори сразу.

— Нет, я не это хотел сказать.

— Если не это, то что? Ты хотел сказать, что из-за пожара в полу прогорела дыра?

— Нет.

— Тогда в чем проблема? Говори быстрее, не тяни. Моя голова сейчас лопнет.

— Сегодня недалеко от места пожара я поймал одного подозрительного типа. Думаю, что пожар устроил именно он.

— Правда? Ты уверен? Тогда нужно позвонить в полицию.

— Но у меня нет доказательств. Когда я преследовал его, он попытался ударить меня. Я применил приемы, но он внезапно упал в обморок, я отнес его в спортзал и, предварительно связав, оставил там. Вам не кажется странным, что сегодня загорелось сразу в двух местах? Если мы сообщим в полицию, они скажут, что проведут расследование. Только время потеряем. Я хочу сам провести дознание. Быть может, что-нибудь вытащим из него.

— Хорошо. Сначала давай поднимемся и посмотрим, — сказал Пяк Гихён и снова опустив поднятые жалюзи.

Привязанный к стулу парень сильно вспотел. Было видно, что он изо всех сил пытался освободиться. Кляп был весь мокрый от слюны.

— Эй, тренер Ча, я не знал, что в тебе есть жестокость. Как ты мог сделать такое с человеком?

— Иначе он мог бы сбежать.

— Что теперь собираешься с ним делать?

— Надо сломать ему что-нибудь, тогда он сам заговорит.

— Сначала надо задать вопросы. «Это ты устроил пожар?» «Зачем ты устроил пожар?» «В чем причина?» Может быть, начать с них? В фильмах всегда так поступают.

— Вы так говорите, потому что не разбираетесь. К вашему сведению, если начать с вопросов, такие ублюдки успокаиваются и начинают врать. В фильмах делают так, чтобы все выглядело красиво, в реальности надо сразу переходить к сути. И потом, я разве не мастер боевых искусств? Боль — это то, на чем я специализируюсь. У этих уродов голова начинает работать после того, как они испытывают боль, когда им ломаешь что-нибудь.

— Да, я не знал.

— Конечно, откуда вам знать.

— А если он не преступник, что мы будем делать?

— Я уверен, что это сделал он. Это он устроил поджог. У меня есть интуиция мастера боевых искусств. Иначе, как вы думаете, зачем ему понадобилось меня бить?

— Все же если он не преступник, то мы совершим большую ошибку. Давай передадим его полиции. Там о нем позаботятся.

— Они заявят, что, мол, доказательств недостаточно. И отпустят его восвояси, знаю я их. Нет. Я сам получу от него признание в поджоге.

Парень, округлив глаза, внимательно прислушивался, о чем они толковали. Глядя на то, как Ча Чольхо разоблачается, оно что-то замычал, но ему мешал кляп.

— Сейчас этот парень, кажется, что-то говорит, — увидев это, заметил Пяк Гихён.

— Сейчас нет необходимости его слушать. Ясно ведь как божий день, стоит сейчас освободить ему рот, он начнет просить отпустить его и уверять, что это не он поджигатель, — сказал Ча Чольхо, даже не взглянув на пленника.

— Да, тренер Ча, ты — страшный человек. Я впервые вижу тебя таким.

— Я же предупреждал. В гневе я страшен.

— Но разве тренеру хапкидо можно поступать так жестоко, проявляя насилие?

— Это не насилие. Я лишь судья зла и лжи.

Парень что-то невнятно бубнил. Его глаза расширились все больше. Кляп уже не мог удержать слюну, струйка ее потекла по подбородку.

— Тренер Ча, какой у вас дан по хапкидо?

— Не дан важен.

— Тогда что важно?

— Важна энергия, называемая в хапкидо «ки». То, что называется «ки», — это искренность, убежденность в правоте. Вы ни за что не победите, если допускаете мысль о поражении. А для удара, залама, броска надо использовать энергию противника.

— Да, у проигравших тебе парней была причина вас опасаться.

— Вы раньше не верили в мою силу, ведь так? Сегодня я наглядно покажу ее вам. Ваша правда, по закону я должен развязать этого ублюдка и обращаться с ним вежливо до приезда полиции. Однако есть опасность, что он сбежит. Так что, пока он связан, я немного покажу вам свое хапкидо.

Ча Чольхо отвязал парня от стула. Парень со связанными сзади руками встал. Видно было, что у того затекло тело. В этот момент Ча Чольхо внезапно нанес удар в нижнюю часть живота. Когда пленник согнулся от боли, Ча Чольхо ухватил его за пояс и подбросил в воздух. Руки у парня были связаны сзади, поэтому он всем весом грохнулся на

пол. Раздался хруст, словно что-то сломалось. Парень издал протяжный стон.

— Ну как?

— Связанного так может бросить любой.

— Нет, это не столь просто, как кажется.

— Хорошо, хорошо, — поспешил согласиться Пяк Гихён.

Ча Чольхо поднял стонущего пленника с пола и поставил на ноги. На лице того смешались гнев и покорность своей участи. Ча Чольхо усадил парня на стул. Он понуро опустил плечи.

— Вот теперь допрашивай. Мне любопытно, — сказал Пяк Гихён.

— Ну, что ж, поехали, — сказал Ча Чольхо. Когда он вытащил кляп изо рта, парень стал глотать воздух.

— Послушайте, за что вы меня мучаете?.. — начал было он плаксивым голосом.

— Ты спрашиваешь, за что? Ты слышал, о чем мы сейчас говорили? — навис над ним Ча Чольхо.

— Я не устраивал поджог, — выкрикнул пленник, уврачиваясь от кляпа, все-таки засунутого ему в рот. Парень сопротивлялся, но было видно, что он уже на грани.

— Тренер Ча, мне кажется, что этим путем мы ничего не добьемся, — сказал Пяк Гихён, с сомнением глядя на Ча Чольхо.

— Все получится, дайте время, — отозвался Ча Чольхо, не теряя самоуверенности. Он явно был настроен идти до конца и выбить из пленника признание.

Пяк Гихён, наклонившись к Ча Чольхо, что-то тихо начал ему втолковывать на ухо. Выпятив нижнюю губу, тот временно согласно кивал. Закончив, Пяк Гихён быстро вышел из спортзала, а через пять минут вернулся с большой сумкой для инструментов.

— Да-а-а, чего здесь только нет, — восхищенно сказал Ча Чольхо, заглядывая в нее.

— Тренер Ча, я же говорил, — хвастливо сказал Пяк Гихён. — Этот ублюдок наверняка привычен к побоям. Надо дать ему новый опыт, чтобы он смог познать настоящую боль.

— Что попробуем?

— Как насчет гвоздя? Пол деревянный, если прибить большой палец ноги к полу, он не сможет сбежать.

— Гвоздь — хорошо. Молоток захватили?

— Да, вот этот универсальный инструмент. Если повернуть здесь, в углублении, он становится молотком. Неплохо придумано, да?

— Вау! Потрясающе.

— Просто ты многого не знаешь, тренер Ча. Ты не представляешь, сколько удивительных штук можно найти у меня в магазине.

— Я честно не знал, — сказал Ча Чольхо. И с ребяческим любопытством заглянул внутрь сумки: а что там еще есть?

— И давай вытащим этот кляп. А то ведь и не услышим, пробирает ублюдка или нет.

Лицо парня побелело от страха.

— Вы уверены? — словно в раздумчивости спросил Ча Чольхо. И вытащил кляп.

— Я все вам расскажу, все! — закричал он.

— Что ты нам расскажешь? — Ча Чольхо пристально глядел ему в глаза.

— Да, это я устроил поджог. Я все скажу полиции, только, пожалуйста, развяжите меня.

— Полиции? Кто говорит о полиции?

— Я пойду и добровольно сдамся полиции.

— Кто тебя отпустит?

— Тогда что вы собираетесь делать? — пленник с испугом глядел на молоток с гвоздем.

— Ну что ж. Для начала расскажи нам, что было на самом деле, — велел Ча Чольхо, отложив в сторону гвоздь и молоток.

Парень попросил воды. Потом заговорил. Казалось, он бубнил плохо заученный текст. Это был рассказ с кучей нестыковок. Дескать, в этом районе жила его девушка, которая работала на швейной фабрике. Ее уволили. Когда он, узнав об этом примчался к ней, оказалось, что та увезена в больницу, избитая до полусмерти старшим братом. А этот брат занимался хапкидо в здешнем спортзале. Поэтому он решил сжечь фабрику и спортзал.

— Ты что, хочешь, чтобы мы поверили этому бреду? — сказал Ча Чольхо и сильно ударил парня по голове.

— Почему вы мне не верите? — возопил пленник.

— Эй, ублюдок, я не знаю, кто сочинил эту ахицию, но звучит неправдоподобно.

— Я сказал правду, что значит «неправдоподобно»?

— Другой версии нет? Или только одну заготовил?

— Это правда, я сделал это из-за своей девушки.

— Ты, видимо, не в курсе, что Аго-билдинг — непростое место. Тут живет писатель-сценарист. Ты хоть представляешь, сколько подобных историй мы наслушались? Нам сразу видно, когда концы с концами не сходятся.

— Я говорю правду. Вы не представляете, как сильно я ненавижу ее брата-негодяя.

— Эй, что ты нам заливаешь? Если все было так, как ты говоришь, какого черта вам с подружкой понадобилось поджигать фабрику и спортзал вместо того, чтобы разобраться со старшим братом? А? — Ча Чольхо сопровождал свои слова ударами по голове допрашиваемого. — Правильно, незачем. Нет, без гвоздя, видно, не обойтись.

— Это, видимо, из-за реконструкции района, — сказал с уверенностью Пяк Гихён.

— Из-за реконструкции? — переспросил его Ча Чольхо.

— Помнишь, в прошлом году горело в соседнем районе? Разве не для того поджигали, чтобы освободить здания, подлежащие сносу? Кроме того, если произойдет пожар, людям можно дать меньшую компенсацию.

— Но ведь здесь еще даже не начали реконструкцию.

— Почему не начали? Ты просто не знаешь, тренер Ча. Уже был план по сносу швейной фабрики.

— Зачем проводить реконструкцию?

— Что могут знать такие мелкие арендаторы, как ты, тренер Ча?

— Серьезно? Вы меня насмешили. Если бы район развивали, реконструкция имела бы смысл. А для чего это делать в неперспективном районе.

— Ты прав, тренер Ча. Эти места никогда не развивались.

— Нет, но... Да за кого эти ублюдки вообще нас держат?!

— Ты сделал это, чтобы ускорить снос зданий, верно? — Пяк Гихён повернулся к парню, буровя его взглядом.

Тот отвел глаза в сторону и уставился в окно. Утреннее солнце осветило его лицо. В глазах парня была тоска.

Видя, что от пленника ничего не удастся добиться, Пяк Гихён решил попросить помощи у Ку Дончи. Тот наверняка знает, как лучше поступить: попробовать встряхнуть еще что-то из парня, помучив его, использовать его в качестве наживки для поимки более крупной рыбы или сдать в по-

лицию. Он велел Ча Чольхо привести господина Ку Дончи. Это была не просьба, а приказ. Ча Чольхо не стал спорить, а, коротко крикнув «Есть», побежал исполнять. Пяк Гихён закрыл окно. Ветер был очень холодным, словно вот-вот наступит зима.

24

«Тем, у кого нет ума, но кто желает выносить решения, надо отрезать башку, чтобы они пришли в себя». Так Чон Ильсу записал в своем дневнике сентенцию прошедшего дня. Под теми, у кого не было ума, подразумевались члены «Вонсудочжан». Когда он написал эту фразу, она показалась ему странной. Чон Ильсу подумал, что если им отрезать башку, они не смогут прийти в себя, но он оставил строку без изменений.

Не будь в тот момент, когда На Ёнук сообщил о провале, рядом Ку Дончи, он опрокинул бы стол и излил душу в грязной ругани. Или набросился бы на начальника охраны и испинал его — настолько он был зол в тот момент. Когда Ку Дончи ушел, он тут же отдал На Ёнуку несколько распоряжений. Во-первых, нужно было определить местоположение Ли Ёнмина и планшета, во-вторых — узнать о состоянии здоровья Ким Инчхона, в третьих — организовать на следующий день пожары и всполошить район Аго. В тот же день вечером На Ёнук отчитался о проделанном: Ли Ёнмина и планшет обнаружить не удалось. Ким Инчхон находится на грани жизни и смерти. В район Аго отправлен самый молодой член «Вонсудочжан» устроить поджоги в двух местах: на швейной фабрике и в спортзале.

— Что произошло днем? — с трудом сдерживаясь, спросил Чон Ильсу как можно более спокойным голосом.

— Члены семьи совершили ошибку, — выговорил На Ёнук, не смея поднять голову.

— В последнее время что-то много ошибок.

— Простите, господин президент.

— Не извиняйся, расскажи лишь о точно известных фактах.

— Ли Ёнмин внезапно куда-то выехал, члены семьи держались позади. Они, кажется, не заметили, что за ними сле-

довал проклятый полицейский. Когда они сказали, что Ли Ёнмин вошел в магазин «V2U», я приказал не дожидаться его снаружи, а напасть на него в помещении. Но в тот момент там, как назло, оказался тот полицейский. Извините.

— Я же сказал, что не хочу слышать слово «извините». Давай не будем больше произносить это слово.

— Я уже определил члена команды, который добровольно сдастся полиции. Он из тех братьев, которые, что бы ни случилось, никогда не откроют рот. Я решу эту проблему, господин президент.

— Почему, черт возьми, использовали нож, а? Вы же обычно обходитесь без него.

— Кажется, это произошло из-за того, что полицейский достал оружие.

— Что значит «кажется»?

— Я еще не получил детального отчета, но братья утверждают, что они не использовали ножи. Мол, когда они вошли, он уже был заколот ножом. Несут какую-то ерунду. Я думаю, что они сейчас, кажется, не в своем уме.

— Что тогда случилось с директором магазина «V2U»?

— Он, кажется, сбежал вместе с Ли Ёнмином.

— Черт, я действительно разозлен. Вы все время будете так усложнять, начальник На?

— Простите, господин президент.

— Начальник На, вы когда-нибудь играли в теннис?

— Да, играл.

— Что является самым главным, когда вы играете в него?

— Что?

— У тебя должна быть светлая голова, сильное предплечье или хорошая реакция? Расскажи, что ты считаешь самым важным в игре в теннис?

— Мне кажется, что рука должна быть сильной.

— Вот видишь. В этом твоя проблема. Начальник На, представь: ты сейчас со всей силы — только силы руки — посылаешь мяч. Вот он со свистом летит над сеткой, верно? И что, твой противник будет очень напуган? Если ты будешь постоянно вкладываться в удар, знаешь, что произойдет? Плечи и локоть будут болеть — и все.

— Извините.

— Ну-ка давай еще раз. Что является самым главным?

— Самым важным является способность рассуждать.

— Ты так считаешь?

— Да.

— Опять неверно. Пока ты рассуждаешь, мяч уже пропущен. Не пытайся рассуждать. Ты понял меня?

— Да.

— Теперь скажи мне снова. Что является самым главным в игре в теннис?

— Я не знаю, — сказал вконец сбитый с толку На Ёнук. — Извините, господин президент.

— Мы же договорились не извиняться.

— Да, но я не знаю.

— Это шаг, шаги. Когда прилетает мяч, что надо сделать тогда? Надо не рассуждать, а немедленно кидаться к мячу. Ты понимаешь, что я имею в виду? Надо бежать как можно быстрее, чтобы пятки сверкали, черт подери. Тогда само собой получаются и стойка, и решение. Вот тогда можно и использовать силу. Ты меня понял?

— Да, извините, господин президент.

— Ты должен быть очень-очень расторопным, чтобы убедить меня, что ты понял. И перестань извиняться. Лучше скорее поймай этого ублюдка Ли Ёнмина и приведи ко мне. И чтобы он в зубах держал планшет, — с раздражением выговорив это, Чон Ильсу тут же направился в свой кабинет.

Войдя, он в сердцах пнул несколько подвернувшихся предметов и плюхнулся в кресло. Вот тогда он и записал: «Тем, у кого нет ума, но кто желает выносить решения, надо отрезать башку, чтобы они пришли в себя». После чего немного успокоился.

Его поручение вызвать небольшой переполох в районе Аго было обусловлено двумя задачами. Для того чтобы по-настоящему начать бизнес по реконструкции района, настало время сносить здания. Для начала надо было создать небольшие проблемы, это позволило бы снизить стоимость. Вторая задача заключалась в том, чтобы отвлечь внимание детектива Ку Дончи. Играя с ним в теннис, Чон Ильсу смог понять, что это за человек. Сразу после начала игры он нашел его слабое место. Скорее всего это можно было назвать не слабым местом, а неготовностью Ку Дончи выкладываться в полную силу. Он сразу смог понять, что тот не играл с ним всерьез. В начале игры Чон Ильсу попаровывал изводить Ку Дончи дроп-шотами. Тот отреагировал

тем, что стал класть мяч как можно ближе к сетке. Чон Ильсу верил, что он может судить о человеке, сыграв с ним в теннис всего лишь один сет. Ку Дончи проявил себя как догадливый соперник с отличной реакцией и энергичной контратакой. Чон Ильсу сразу понял, что Ку Дончи — опасный противник. Чтобы отвлечь его внимание, следовало атаковать на всех фронтах сразу.

На следующий день утром, когда На Ёнук снова, не смея поднять голову, доложил, что самый младший член семьи, отправившийся в район Аго устроить поджог, не вернулся обратно, Чон Ильсу без слов нанес стрейт* ему в лицо. Даже для тренированного На Ёнука это был настолько сильный удар, что он вынужден был сделать два шага назад. Но тут же снова вернулся на прежнее место. Из носа обильно шла кровь. Чон Ильсу подал ему носовой платок. На Ёнук промокнул кровь уголком и протянул его обратно.

— Ты в порядке? — осведомился Чон Ильсу, забирая платок.

— Да, все в порядке, господин президент, — ответил На Ёнук и склонил голову.

— У тебя из носа кровь идет, подними голову.

— Да, господин президент,

— Кто схватил брата?

— Я пока не знаю точно. Мы пытаемся выяснить.

— Когда выяснишь?

— Я постараюсь как можно быстрее.

На Ёнук вернулся только к вечеру. Все члены «Вонсудочжан» целый день обшаривали район Аго в поисках информации о младшем брате семьи. Несмотря на то, что начальник охраны приказал обойти все без исключения дома, выполнить приказ было затруднительно. На Ёнук отдал его, плохо представляя себе район Аго. Найти что-то в этом беспорядочном скопище строений и лабиринте переулков было практически гиблым делом. Возможно, делу помог бы захват местных жителей, но членам «Вонсудочжан» была поставлена задача действовать скрытно. Поэтому все усилия оказались тщетными. Если брат был пойман как поджигатель, то уже должна была поступить информация от информатора,

---

*Прием в боксе, при котором наносят удар по противнику прямо расправленными руками.

связанного с полицией. Но тот молчал. Младший брат как сквозь землю провалился.

— Я уверен, что он находится в пределах района, — сказал На Ёнук, обращаясь к Чон Ильсу.

— Какие у тебя аргументы? — спросил Чон Ильсу. Он сидел на диване и курил сигарету.

— До сих пор от него не было вестей, со стороны информатора в полиции тоже нет сообщений. Другого места, куда он мог бы пойти, нет. Я предполагаю следующее: когда он возвращался с задания, кто-то прицепился к нему, была драка, и его схватили. Младший брат немного вспыльчив. Мне кажется, что он пойман кем-то.

— Это ведь только предположение.

— Иначе невозможно объяснить его исчезновение.

— Ты хочешь, чтобы я поверил в такое? Я же просил не гипотезы, а факты.

— Даже если мне придется перевернуть вверх дном весь район, я найду его. С наступлением ночи мы начнем поиски. Я отправлю туда всю семью.

— Чтобы опять погубить дело? Сколько ошибок ты уже совершил за последнее время?

— В этот раз я обязательно решу эту проблему.

— Эй, черт тебя дерит, начальник На, не произноси это «обязательно». Я постоянно слышу от тебя это слово. Я доверяю тебе, но если ты меня разочаруешь, я очень-очень рассержусь.

Чон Ильсу сердито смял сигарету в пепельнице. Вошла Сон Миён. На ее лице читалась озабоченность.

— Господин президент, звонил Ли Ёнмин. Он сказал, что хотел бы переговорить с вами. Как мне поступить?

— Что значит «как поступить»? Конечно, нужно поговорить. Набери его.

В комнату ворвалась песня в сопровождении резкой электронной музыки, установленная Ли Ёнмином в качестве рингтона ожидания. Ли Ёнмин звонил всего несколько минут назад, с его стороны естественно было принять вызов сразу, но он, видимо, тянул время. Чон Ильсу приподнял уголок рта, а затем рассмеялся этой уловке. Наконец Ли Ёнмин ответил. Сон Миён протянула мобильный Чон Ильсу.

— Эй, директор Ли Ёнмин. Что случилось? Почему так поздно ночью звоните? — хитро улыбаясь, спросил Чон Ильсу.

— Что-то не спится, вот и решил составить вам компанию, — ответил Ли Ёнмин притворно спокойным голосом.

— За то время, пока мы не виделись, я вижу, вы многому научились. Я рад такому собеседнику.

— Может быть, перейдем сразу к основной теме?

— Что ж, если таковая есть, то давайте перейдем.

— Хорошо, тогда я перейду сразу к главному. Я знаю, вам известно, что планшетный компьютер господина Пэ Донхуна находится у меня. Вам известно, что у меня был человек, намеревавшийся отнять его у меня и что человека этого покарал детектив... Есть ли что-нибудь еще, что я должен знать?

— Иногда бывает, что лучше не знать.

— Я уже слишком много знаю.

— Это нехорошо. Это правда нехорошо.

— Вам, господин президент, тоже хорошо известно, что находящиеся в этом планшете материалы невозможно скопировать. Но даже если допустить, что это возможно, вы понимаете, что я не такой глупец, чтобы оставить себе копию.

— Ну не знаю. Я всегда считал вас очень глупым, директор Ли Ёнмин.

— Вы заблуждались. Что касается сделки, у меня тоже в таких делах есть небольшой опыт.

— Правда? Я ничего не знал об этом. Итак, какую сделку вы собираетесь заключить со мной?

— Что мне нужно от вас? Естественно, кроме денег мне от вас ничего не нужно. Давайте сойдемся на следующем: я передаю вам планшет, а взамен вы даете мне столько денег, чтобы я смог занять подобающее место в своей сфере. Да, есть еще одно условие. Я обязательно должен получить компенсацию за директора Пэ Донхуна, рано ушедшего из-за этого планшета.

— Директор Ли, вы помните, что я сказал раньше? Когда мы играли в теннис?

— Ну, мне кажется, что это был не такой уж важный разговор. Что-то смутно припоминается.

— Я тогда сказал вам, что настоящая сила удара исходит не от силы мышц, а от их гибкости.

— В самом деле, вы так сказали?

— Станьте гибче, директор Ли. Вы считаете, что сейчас вы можете продать мне эти данные? Хорошо. Предположим,

я их куплю. Как вы думаете, директор Ли, сможете ли вы спокойно спать после этого? Сможете ли вы работать после этого со мной, смотреть мне в глаза?

— Мы должны постараться работать вместе.

— Вы говорите «постараться»... В мире много дел, которые невозможно выполнить, сколько бы ты ни старался. Земля маленькая, мы часто будем встречаться, будет много дел, от которых нам придется краснеть друг перед другом от стыда. Каждый раз, когда мы будем встречаться, разве у нас не будет портиться настроение? Я не знаю, сколько вы хотите за планшет и Пэ Донхуна. Что ж, давайте попробуем определить цену. Я полагаю, что одному из нас будет лучше покинуть эту сферу. Конечно, было бы хорошо, если бы ушел я, но как вы хорошо знаете, директор Ли, у меня слишком много незаконченных дел. Вы понимаете, о чем я сейчас говорю? Надеюсь, что вы хорошо понимаете, потому что вы не столь глупы, директор Ли.

— Я подумаю. Сначала давайте попробуем определиться с ценой.

— Хорошо, но до этого я хотел бы прояснить один вопрос.

— Спрашивайте.

— Несмотря на то, что вы утверждаете, что планшетный компьютер хорошо защищен, вряд ли в этом мире есть вещи, которые нельзя вскрыть и скопировать. Не так ли?

— Я обещаю, что не буду пытаться скопировать данные.

— Мне нравится ваше «обещаю». Вы знаете, что произойдет с вами, директор Ли, если сделаете копию, пересняв экран камерой или каким-нибудь иным способом? Вам не скрывать ни в этой стране, ни в какой-либо другой. Вы понимаете, что я имею в виду? Вы наверняка знаете, что я имею в виду, неглупый вы наш директор Ли.

— Если я пересниму другой камерой, материал перестанет быть уникальным. — Что ж, попробуйте озвучить цену, — сказал Чон Ильсу и знаком велел На Ёнуку уходить.

На Ёнук, поклонившись, попрощался и вышел. Чон Ильсу так же знаком показал Сон Миён, что хочет пить, она принесла воды. Он пил и слушал Ли Ёнмина. Шумные глотки были слышны даже собеседнику. Чон Ильсу посмотрел на часы. Стрелки показывали почти двадцать три часа. Мысль перескочила на сентенцию сегодняшнего дня. А если это будет что-то похожее на вчерашнюю?

Например: «Те, у кого нет ума, но кто хочет совершить сделку, придут в себя, если отрезать им палец». В отличие от вчерашней записи, эта выглядела более правильной, лишенной противоречия.

25

Сидя в машине, Ку Дончи пристально всматривался в темноту. До назначенной встречи оставалось еще почти три часа, однако напряжение не спадало. Когда в тускло освещенном пространстве появлялся какой-нибудь движущийся объект, у него широко раскрывались глаза. Движущиеся объекты в основном были птицами или пластиковыми пакетами, волочимыми по земле ветром. Местом наблюдения был склад за пределами города. Иногда мимо проезжали машины, полностью расслабиться было трудно. Ку Дончи вспомнил, что уже несколько дней спал лишь урывками.

События последних дней слились в подобие кинофильма. И чем дальше, тем более несуразным виделся сюжет.

Позвонил Ли Ёнмин. Как только его имя высветилось на экране телефона, Ку Дончи свернул к боковой полосе безопасности и остановил машину.

— Детектив Ку? — голос Ли Ёнмина был спокойным.

— Как все так вышло? — резко спросил Ку Дончи.

Ему хотелось выплеснуть весь свой гнев, но он знал, что у него нет на это права. Если бы он сумел отобрать планшет у Ли Ёнмина и не дал возможности Ким Инчхону преследовать его, череда событий пошла бы в совершенно другом направлении.

— Вы спрашиваете, что случилось? Это я у вас хотел бы узнать. Почему вы слили информацию полиции?

— Что значит «слил информацию»?

— Никто, кроме вас, детектив Ку, не смог бы этого сделать. Как тот полицейский узнал обо мне? Он преследовал меня.

— Он узнал, отслеживая местоположение планшета Пэ Донхуна.

— Не лгите. Я в курсе, что дело Пэ Донхуна следствием закрыто.

— Выслушайте меня. Я не хочу, чтобы этот планшет мешал моей работе. И вообще, что находится в нем такого, из-за чего пострадало так много людей?

— Хорошо. Я вам покажу. Вы можете приехать туда, где я сейчас нахожусь?

Ку Дончи поехал по адресу, названному Ли Ёнмином. Это был склад на заводе, находившимся далеко от центра города и выглядевшим подходящим местом для темных дел. Прежде чем соваться внутрь, Ку Дончи заранее убедился, что газовый пистолет находится под рукой.

В середине просторного склада было много старых компьютеров, сваленных в кучу. Мониторов не было видно, только системные блоки без наружных корпусов. Местами на стойках виднелись жесткие диски, некоторые с отсоединенными шлейфами. Все это железо выглядело совершенно нерабочим, бросовым. Ку Дончи медленно объехал вокруг компьютерной горы. Ли Ёнмина нигде не было видно. Невозможно было понять, куда надо ехать. Ку Дончи набрал номер Ли Ёнмина, и тот объяснил, как доехать до офиса.

Кроме Ли Ёнмина, там находился директор «V2U» Тянь Санбэ. Их взгляды были прикованы к монитору, экран который был разделен на девять окон, куда выводилось изображение с отдельных участков внутри и снаружи склада. В офисе, помимо монитора, находилось много другого прочего оборудования.

— Детектив Ку, добро пожаловать. Вы ведь знакомы с директором Тянем? — сказал Ли Ёнмин и представил ему Тянь Санбэ.

Ку Дончи вспомнил, что однажды разговаривал с ним, когда заходил в магазин в поисках информации о планшетном компьютере. Глядя на эту парочку, он подумал, а не является ли ложью все, что сообщил ему тогда Тянь Санбэ.

Ли Ёнмин придвинул ему стул и спросил:

— Детектив Ку, а что с полицейским? Он пришел в себя?

— Нет, пока еще нет, — угрюмо ответил Ку Дончи.

— Все произошло так быстро, так неожиданно... Когда я вошел в магазин директора Тяня, бандиты Чон Ильсу тут же набросилась на меня... И в это время появился тот полицейский... Если бы вы, уважаемый детектив Ку, не слили информацию... Я сожалею, что так все случилось, — сказал Ли Ёнмин, делая акцент на слове «если».

— Я не сливал, — решительно возразил Ку Дончи.

— Значит, вы собирались использовать меня в качестве приманки с того момента, как сказали, что откажетесь от попыток уничтожить планшет?

— Господин Ли Ёнмин, если бы я его уничтожил, когда мы встречались в прошлый раз, такого бы не произошло, — сказал Ку Дончи, тоже выделив «если».

— Согласен. Будем считать, что мы квиты.

— Нет, мы не квиты. В тот момент, когда реализовалось мое «если», вы, господин Ли Ёнмин, не смогли сказать свое «если».

— Детектив Ку, знаете что? Вы очень щепетильный человек.

— Это не щепетильность, а точность.

— Хорошо. Точный детектив Ку, теперь пришла моя очередь просить у вас помощи. Вернее, заключить сделку, — сказал Ли Ёнмин. Он достал сигарету и закурил. Затянулся и выпустил струю дыма.

Он молчал, пока не выкурил всю сигарету. Потушив ее о дно пепельницы, он заговорил:

— Уважаемый детектив Ку, в этом планшете содержатся материалы, способные одним махом уничтожить компанию Чон Ильсу. Директор Пэ, после того как выжал из Чон Ильсу все соки, задумал продать этот планшетный компьютер его конкурентам; он строил далеко идущие планы уехать за границу. Я тоже решил совместно с ним поучаствовать в этом деле. Вот причина, по которой Чон Ильсу убил директора Пэ Донхуна, сбросив его с высоты. Он безжалостный убийца, этот Чон Ильсу. Разве не так?

— Господин Пэ Донхун похитил те данные? — вопросом на вопрос ответил Ку Дончи.

— Нет, директор Пэ не имел доступа к этой информации. Говорят, есть некий Ли Канхёк, люто ненавидящий Чон Ильсу. Я слышал от Пэ Донхуна, что он добрался до этой информации первым.

Ку Дончи уже где-то слышал имя Ли Канхёк, но не смог вспомнить где.

— Где работает этот Ли Канхёк?

— Я точно не знаю. Запомнил только имя, вдруг этот человек сможет оказаться полезным.

— Как он умудрился добраться до информации? Наверняка это было нелегко... — сказал Ку Дончи.

— Ну не знаю. Говорят, что кто-то помог ему. Но мне не известно, кто это был, — ответил Ли Ёнмин.

— Да, здесь много непонятного. Господин Пэ Донхун ничего вам больше не говорил?

— Мы с ним виделись за день до его смерти. В магазине «V2U» они с директором Тяном ломали голову, как извлечь данные. Не похоже, что они преуспели. Чон Ильсу, кажется, тогда еще не знал об исчезновении планшета. Потому-то его люди и убили директора Пэ.

— А что, так сложно скопировать данные? — простодушно спросил Ку Дончи.

— Не все так просто. Данные зашифрованы, а после попытки взлома и копирования оригинальный носитель разрушается вместе с ключом дешифровки. Я до последнего момента пытался использовать несколько способов обхода защиты, но так и не добился успеха. И все же, к счастью, накануне смерти директора Пэ я оставил планшет в магазине «V2U». Иначе он уже был бы в руках Чон Ильсу. Когда я узнал, что директор Пэ умер, я сразу принес планшет сюда и долго думал, что с ним делать и как лучше поступить. В итоге я пришел к решению, которое кажется лучшим выходом из этой ситуации.

— И что это за выход?

— Существует единственный способ уничтожить Чон Ильсу и при этом самому остаться в живых. Детектив Ку, если вы поможете мне, это станет возможным. К тому же я должен обязательно взыскать за смерть директора Пэ.

— Итак, что за выход вы предлагаете? — нетерпеливо спросил Ку Дончи.

План Ли Ёнмина вкратце был таким. Извлечение данных невозможно, но можно снимать экран во время просмотра содержимого планшета. Получится «экранка» невысокого качества. Ее заподозрят в подделке, но выяснение этого может побудить к расследованию всей истории. Сделав «экранку», нужно продать планшет Чон Ильсу, который обязательно его купит. Эту работу он, скорее всего, поручит начальнику охраны На Ёнуку. Получив деньги, Ли Ёнмин улетит с ними за границу, а Чон Ильсу уничтожит планшет. Предложение, с которым Ли Ёнмин обратился к Ку Дончи, — просьба со-

хранить отснятый видеофильм. После того, как Ли Ёнмин окажется за границей, необходимо будет произвести дели-тинг всей информации о нем в Интернете. После чего Ку Дончи надлежит обнародовать «экранку». Все, что случится после, оставить на усмотрение судьбы.

— Как вы думаете, после этого Чон Ильсу оставит вас в покое, господин Ли Ёнмин? — поинтересовался Ку Дончи.

— А что он может сделать?

— Ну, я не знаю. Не забывайте, господина Пэ Донхуна эти ублюдки убили. Что касается вас, господин Ли Ёнмин, мне кажется, что вы находитесь в опасности.

— Я тоже приготовил кое-что на всякий случай. Если с его стороны атакуют меня, я готов к войне.

— Я внимательно вас слушал, но мне показалось, что вы упустили из виду одну очень важную вещь. Черт возьми, а что я буду иметь с этого, встречая в вашу историю?

— Неужели я в вас ошибся? Вашего друга полицейского ударили ножом, а вы так и оставите это, ничего не принимая? Я хорошо знаю, кто это сделал. Если поможете мне, я дам вам всю информацию о Чон Ильсу.

— Если я опубликую те материалы, то подвергнусь опасности. Вы хотите, чтобы со всем этим я охотно согласился?

— Но это гораздо менее опасно, чем если их опубликую я. Сначала мы с директором Пэ Донхуном подумывали продать планшет другой фирме. Если бы мы так поступили, возможно, были бы уже мертвы оба. Единственный способ выжить для меня — это вернуть его обратно Чон Ильсу и получить от него выкуп за директора Пэ.

Ку Дончи знал, что у него нет другого выбора, кроме как принять предложение Ли Ёнмина. Его нынешнее положение подобно восхождению на вершину ледяного склона. Шаг назад — и он соскользнет вниз, а повторный подъем займет много времени. Лучше для начала посмотреть материалы, а уже потом принимать окончательное решение.

Увиденное потрясло Ку Дончи своей завораживающей тошнотворностью. Документальная доскональность сочеталась с условностью, свойственной рисованому мультфильму. Взгляды людей, появляющихся в кадре, были абсолютно пусты. Некоторых из них он встречал или видел по телевизору, но здесь они не производили впечатления живых людей. Это

был запечатленный ад. Или рай, как посмотреть. Ли Ёнмин и Тянь Санбэ, должно быть, уже просматривали материал по несколько раз и теперь внешне невозмутимо смотрели на экран. Ку Дончи бросил взгляд на общее время воспроизведения. Оно составляло примерно два часа. Смотреть дальше не было нужды.

И Ку Дончи решился. Он должен заполучить материалы. Если они будут у него, он сможет что-то сделать.

Получив согласие, Ли Ёнмин приступил к делу. Ку Дончи решил за это время съездить в магазин «V2U», где Ким Инчхона ударили ножом.

Магазин, где напали с ножом на сонбэ, был чисто прибран. Нигде не было видно следов крови, внутри магазина тоже все привели в порядок. Если была драка, должны были остаться какие-нибудь следы, но внутри все дышало покоем, как и полагалось быть в хорошо прибранном и закрытом помещении. Ку Дончи сел на корточки и попробовал поискать что-нибудь, что могло послужить уликой.

«V2U» располагался в подвальном помещении в торговом комплексе «Wide Vision», вмещавшем множество магазинов, торгующих профессиональным видеооборудованием, видеомagneтофонами и сопутствующими товарами. Но сейчас большая часть магазинов пустовала. Рядом с магазином «V2U» находилась дверь, ведущая к лестнице пожарного выхода. Ку Дончи благодаря информации от Ли Ёнмина представил движение людей в магазине. Тянь Санбэ находился тут, когда к нему пришел Ли Ёнмин. Если это было так, он, увидев его, наверно, сказал, стоя на этом месте: «А, вы пришли?» Что касается Ли Ёнмина, он, видимо, мельком оглянувшись, поздоровался с ним взмахом руки. Интересно, а сонбэ Инчхон в это время прятался за дверью пожарного выхода? Или где-то внутри помещения? На двери, находившейся на противоположной стороне магазина, была прикреплена записка с надписью «Насчет аренды звонить по телефону» и номером мобильного телефона. Конечно, он мог стоять и наблюдать отсюда, но, видимо, решил, что находится слишком близко. Если тогда тоже было безлюдно, как сейчас, его сразу бы обнаружили. Ли Ёнмин, наверно, думая, что следящие за ним парни прятались в том магазине, счел, что время настало, и неспеша вошел сюда. Тянь Санбэ и Ли Ёнмин беседова-

ли друг с другом, но когда заметили парней, стали быстро что-то упаковывать. В это время в магазине появился сонбэ Инчхон. Страшное событие, вероятнее всего, произошло уже после того, как Тянь Санбэ и Ли Ёнмин сбежали. Интересно, в какой момент сонбэ получил удар ножом? Отступая, Ким Инчхон, видимо, сопротивлялся. Двое напали на него одновременно, один из них нанес ему удар ножом. Ку Дончи осмотрел место, где предположительно сонбэ был ранен, но нигде не было видно следов крови.

Видимо, сонбэ сделал запись, когда его везли в багажнике автомобиля, уже теряя сознание и выговаривая из последних сил слово за словом. Чтобы рассказать Ку Дончи о том, кто его ударил ножом, чтобы предоставить последнюю информацию, он не жалел собственной жизни. Он делал это не ради мести. Это был особый род полицейского профессионализма, пытающегося докопаться до правды. Ку Дончи показалось, что он слышит стоны сонбэ. Он тряхнул головой. И будто наяву увидел искаженное от боли лицо Ким Инчхона. Ку Дончи показалось, что это он получил удар ножом. Что что-то острое входит в его живот. Боль была резкой, сильной и продолжительной.

Ку Дончи открыл дверь пожарного выхода и осмотрел лестницу. Тут он впервые увидел пятна крови между подвалом и лестничной площадкой первого этажа. С этого места начинались четкие следы крови. На лестнице, ведущей на первый этаж, тоже были видны подчищенные пятна крови. Невозможно было понять, кто их подчистил: подчиненные Чон Ильсу или уборщицы здания.

Осматривая потолок, Ку Дончи обнаружил в углу оборванный электрический провод. Это было подходящее место для камеры наблюдения. Неизвестно, до или после происшествия ее сорвали.

Когда он, пройдя пожарную лестницу, вышел на улицу, то сразу увидел автостоянку. Там цепочка пятен крови обрывалась. Очевидно, это было место, где люди Чон Ильсу засунули Ким Инчхона в багажник.

Ку Дончи некоторое время неподвижно сидел в машине, уставившись в пустоту. Пытаясь думать о том, что произошло, он задремал. Проснулся от звонка телефона. Когда он бросил взгляд на часы, оказалось, что прошел целый час.

Ему хотелось, проигнорировав звонок телефона, поспать еще немного, но он решил принять звонок.

— Хённим, вы видели вчера мое сообщение? — раздался голос Ли Ри.

— Да, видел, — сонливым голосом сказал Ку Дончи, потянувшись.

— Вы спали?

— Нет, не спал, говори.

— Кто бы мог подумать! Вы, оказывается, тоже отдыхаете. Вчера я послал вам срочное сообщение, а вы, получается, безмятежно спите, ни о чем не беспокоясь.

— Почему не беспокоюсь? У меня есть к тебе срочное дело.

— Что за срочное дело?

— Ты знаешь сонбэ Ким Инчхона?

— Конечно, знаю. Если бы знали, сколько раз я получал от него.

— Вчера он получил удар ножом.

— Правда? От кого?

— Я еще не знаю точно.

— Какой ублюдок посмел напасть на полицейского? Сумасшедший псих!

— Так что случилось?

— Вчера я указал в сообщении место. Вы еще не были там?

— Нет, я пока еще туда не ездил.

— Вчера я послал вам сообщение и тоже сразу вернулся. Но вы же знаете мою дотошность. Вот я и подумал: а что, если за прошлую ночь что-то случилось? Поэтому сегодня я снова отправился туда. Там творилось что-то невообразимое. В отличие от вчерашнего дня перед дверью стоял фургон, а вокруг быстро сновали люди. Что-то стряслось, наверное. Я тихо понаблюдал за всем этим, а затем последовал за фургоном. Вот это я и хотел сказать. Вы знаете, куда он поехал?

— Куда?

— Он направился в ваш район, хённим.

— В район Аго?

— Да, я видел их там на открытом месте. Стояли примерно двадцать человек, разговаривали о чем-то.

— О чем, не слышал?

— Нет, не слышал, потому что было довольно далеко. Но судя по тому, что они разошлись в разные стороны, рискну предположить, что они кого-то ищут.

— Хорошо. Спасибо.

— Вы действительно благодарны? Хённим, в будущем вам придется взять меня под свое крыло. Где вы еще найдете такого хубэ*, как я?

— Да, я впервые вижу столь неучтивого хубэ, как ты.

— Что это вы говорите? Почему это я неучливый?

— Разве учтивый хубэ передаст сонбэ мобильный телефон, предварительно взломав его и превратив его в подслушивающее устройство? Не вздумай отпираться. Я все слышал от госпожи Чон Союн.

— Эй, хённим. Все было не совсем так. Позвольте мне встретиться с вами и подробно рассказать обо всем. Что касается вашего телефона, поверьте, если бы не обстоятельства...

— Хватит, я устал, — сердито сказал Ку Дончи и, отключив телефон, направился к Аго-билдингу.

Послеобеденный теплый солнечный свет, появившийся после окончания дождя, осветил Ку Дончи. Ему хотелось, приехав в Аго-билдинг, подняться к себе в офис на четвертый этаж и, включив арию, уснуть под этими теплыми лучами. Оставив автомобиль на стоянке, он направился к Аго-билдингу. В это время Пяк Гихён, выйдя из своего магазина, оглядывался по сторонам. Когда он увидел Ку Дончи, его глаза округлились.

— О, господин Ку, почему так поздно? Случилось кое-что нехорошее.

— Что значит поздно? Что-то случилось?

— Да, случилось. Идите быстро за мной.

— Вы хотите оставить его без пригляда?

— Там жена. Давайте, идем быстрее, — отмахнулся Пяк Гихён и, схватив его за рукав, потащил на крышу.

Когда Ку Дончи вошел в склад на крыше, находившийся внутри Ча Чольхо вскочил на ноги. Было видно, что ему хотелось многое сказать, но он сдерживается. Ку Дончи увидел в углу привязанного к стулу молодого парня, в глазах которого ненадолго вспыхнула надежда, но сразу же угасла. Это

---

*Тот, кто начал позже работать в данной сфере или отрасли. Очень часто используемое слово в обществе.

был взгляд смирившегося со своим положением человека. Ча Чольхо вкратце изложил всю историю, иногда перебиваемый Пяк Гихёном.

— Уважаемый господин Ку, подскажите, пожалуйста, что нам делать с ним, как лучше поступить, — сказал Ча Чольхо, кивая на парня.

— Что значит «что делать»? Для начала быстро развязать, — решительно ответил Ку Дончи.

— Развязать? Вы знаете, этот ублюдок признался, что это он устроил пожар.

— Удерживая его таким образом, вы не решите проблему. Оставьте это на усмотрение полиции.

Ча Чольхо с неловким видом посмотрел на Ку Дончи и попросил выйти с ним из склада. Пяк Гихён тоже пошел следом.

— Я, собственно, не знал, как поступить. Я в припадке гнева немного избил его. Рассказывать об этом полиции — сами понимаете... Если сейчас его отпустить, ублюдок может привлечь меня к суду за насилие, тогда у меня будут проблемы. Господин Ку, пожалуйста, разрулите все по-хорошему, — тихим голосом попросил Ча Чольхо.

— Вот и я о том же, ты слишком сильно избил парня. Как может так поступать мастер боевых искусств? — упрекнул его стоявший рядом Пяк Гихён.

— Хённим, вы меня сильно расстраиваете своими словами. А кто недавно стоял, держа в руках гвоздь и молоток? Хённим, в тот момент вы действительно были похожи на сумасшедшего.

— Эй, теперь ты пытаешься все свалить на меня.

Ку Дончи, выставил ладони, желая прекратить их словесную перебранку. Они сразу умолкли.

— Пожалуйста, вы побудьте пока здесь. Я попробую поговорить с ним. Вы меня поняли?

Закивав в знак согласия, те отошли к ограждению. Даже стоя там, они продолжили пререкаться друг с другом.

— Эй, тренер Ча, ты очень странно говоришь. Ты, что, хочешь сказать, что я сумасшедший?

— Хённим, вы первым начали придирааться ко мне. Как, мол, мастер боевых искусств может так поступать?

— С чего это я твой хённим? Называй меня директором.

— Директором? Да какой из вас директор? Просто местный пожилой дядя.

— Нет, вы полюбуйтесь на негодника.

Перед тем как пройти внутрь, Ку Дончи остановился, приводя в порядок мысли. В прошлом он увлекался конструкторами LEGO. Когда ему требовалось обдумать что-то и привести в порядок, он вспоминал время, когда собирал LEGO. Большие фрагменты в эту сторону, круглые в другую сторону, маленькие, еле видимые глазу, сюда, удлиненные — туда. Ку Дончи попробовал привести в порядок фрагменты известной информации и обрывки мыслей в зависимости от их объема и важности.

Ку Дончи вошел и встал перед стулом. Парень из-за того, что его рот был закрыт кляпом, разговаривал только глазами. Он, казалось, понимал, о чем идет речь.

— Я собираюсь вытащить кляп. Если вы закричите, я испугаюсь, а если я испугаюсь, то не знаю, что произойдет. Вы меня понимаете? — спокойно и вежливо, четко выговаривая слова, сказал Ку Дончи.

Парень кивнул головой. Ку Дончи вытащил кляп изо рта. Парень глубоко вздохнул и сглотнул слюну.

— Я не знаю, что произошло, но если вы будете думать обо мне точно так же, как о тех двух людях, что снаружи, нам трудно будет найти общий язык. Не бойтесь, я не буду вас бить или заниматься членовредительством. Вместо этого я хочу, чтобы у нас было чувство взаимного уважения. Я буду спрашивать, а вы будете отвечать... Это ведь не сложно? Не думайте постоянно о том, как солгать, а думайте просто и ясно, как и положено нормальному мозгу. Вы меня поняли?

— Да, понял.

— Хорошо. Хотите выпить немного воды?

— Да, спасибо.

— Вот, пейте медленно. Не засоряйте мозги лишними мыслями. Не старайтесь думать о том, как убраться отсюда, как сбежать, просто успокойтесь. Скоро все закончится.

— Я не думал об этом.

— Хорошо. Итак, первый вопрос. Вы член команды «Вонсудочжан»?

От неожиданного вопроса Ку Дончи глаза парня чуть дрогнули.

— Я же говорю вам, не забивайте голову лишними мыслями. Просто скажите мне, что знаете. Когда вы слышали от меня слово «Вонсудочжан», вам стало интересно, как много я знаю о ней? Ваша голова начала быстро думать, верно? Лгать бесполезно. Если вы собираетесь лгать, сначала вы должны понять меня. Вы знаете, как делают признание? Не упоминать о том, что я знаю, говорить только о том, чего я не знаю. Тогда можно лгать, но так как вы не знаете, сколь многое мне известно, неуклюжая ложь, наоборот, будет признанием лжи. Попробуйте успокоиться. Итак, повторяю первый вопрос: вы член команды «Вонсудочжан?»

— Да, — ответил парень дрожащим голосом.

— Хорошо. Второй вопрос. Это вы устроили пожар по приказу Чон Ильсу? Или вы действовали в одиночку как член команды «Вонсудочжан»?

— Я действовал в одиночку. Президент не имеет никакого...

— А, извините, что прервал вашу речь, но в предыдущем вопросе была одна ловушка. Я говорю об этом заранее, чтобы вы избежали ловушек по выявлению лжи.

— Это дело не имеет никакого отношения к президенту Чон Ильсу.

— Правда?

— Да, я сделал это в одиночку. Я все расскажу вам.

— А господин Чон Ильсу, оказывается, президент. А я думал, что он лишь директор.

— Что?

— Ничего особенного. Я лишь попробовал уточнить детали. До этого момента президента Чон Ильсу и «Вонсудочжан» соединял тонкий пунктир, но благодаря вам он стал сплошной линией. Итак, третий вопрос. Вы знаете, кто я? Меня зовут Ку Дончи.

— Нет, не знаю.

— Действительно, вы, кажется, впервые слышите это имя. Не слишком удивляйтесь. У меня редкое имя, я сам иногда удивляюсь ему. Мне хочется спросить ваше имя, но я не стану этого делать. Давайте обойдемся без вашего имени. Я буду звать вас младшим. Считаете ли вы, что члены «Вонсудочжан» попытаются спасти вас, самого младшего члена семьи? Или они никогда так не поступят? Вы, наверно, научены, что в случае провала вы должны держать язык за

зубами. И вы сами так думаете. Но какой смысл в этом молчании? Из-за того, что вы младший, от вас легко откажутся, словно ящерица от хвоста.

— Думайте, как вам угодно.

— Вы и впрямь верите в «Вонсудочжан».

— Я повторяю, думайте, как вам нравится, — со злостью в голосе сказал парень.

— Что я сказал такого о «Вонсудочжан», что вы так сильно разозлились? Вы уверены, что ваши старшие братья придут спасти вас?

— У нас нет старших или младших. Мы все равноправные члены одной семьи.

— Хорошо. Я не думаю, что это ложь, просто у меня недостаточно информации о вас, поймите меня. Руководители «Вонсудочжан», возможно, знают мое имя. Наверняка проверяют данные обо мне, потому что встречались со мной. Тот факт, что вы не владеете такой информацией, лишь доказывает, что вы — хвост команды «Вонсудочжан». Некоторое время назад кто-то из «Вонсудочжан» проник в мой кабинет и вскрыл мой несгораемый шкаф. Этого вы тоже не знаете?

— Не знаю.

— Вот видите. Вы точно хвост. Я не буду спрашивать вас, для чего вы устроили пожар. Существует высокая вероятность лжи. Да и вряд ли вы знаете о точной причине этого поджога. Если спросить о том, что не знаете, вы никогда не сможете ответить. Ладно. Мне нужно привести мысли в порядок. В любом случае спасибо за то, что рассказали. Я сделаю все, что вы пожелаете. Вернуться в «Вонсудочжан», пойти в полицию или убежать в горы — я сделаю все, что вы захотите. Взамен, пожалуйста, подождите здесь еще немного.

Ку Дончи снова засунул кляп в рот парня. Он не сопротивлялся. Он понимал, что сделал что-то неправильно, но не мог понять, что именно. Ничего особенного он вроде не сказал.

Покинув помещение склада, Ку Дончи подозвал Ча Чольхо и Пяк Гихёна и попросил их о двух вещах. Не говорить никому из местных, что этот парень находится здесь, и ни в коем случае не отпускать его и не выводить наружу до его приказа. Лица Ча Чольхо и Пяк Гихёна тут же сделались

подчеркнуто суровыми. Они с воодушевлением стали обсуждать очередность караулов.

Когда наступает холод, тяжелый запах в Аго-билдинге определенно слабеет. Ку Дончи, спускаясь на свой этаж, мог по запаху определять время года. Когда придет зима и все замерзнет, этот запах замерзнет тоже. В офисе он открыл все форточки. Холодный воздух с улицы и вонючий изнутри начали сражаться друг с другом. Он решил позвонить Ли Ри.

— Хённим, вы съездили в район? Что случилось? — посыпались вопросы.

— Ничего особенного. Я должен поручить тебе еще одну работу, — сказал Ку Дончи.

— Эй, нет, не может быть, чтобы не было ничего особенного... Хённим Дончи, вы же знаете, что, несмотря на то, что я в эти дни был безумно занят, я все свое время отдаю вам. В будущем я потребую от вас компенсировать мне все эти хлопоты. Будьте готовы, — полушутя-полусерьезно сказал Ли Ри.

— Да, буду готов. Ты тоже будь готов. Я потребую компенсацию за взлом моего мобильного телефона, — не остался в долгу Ку Дончи. — Узнай лучше об одном человеке.

— О ком?

— Его зовут Ли Канхёк... Другой информации о нем у меня нет. Ты знаешь президента «Noble Entertainment» — Чон Ильсу?

— Конечно, знаю.

— Был такой человек по имени Пэ Донхун, он умер недавно. Это дело, которое ведет сонбэ Инчхон. Ли Канхёк мне кажется человеком, который находится где-то между покойным Пэ Донхуном и президентом Чон Ильсу. Мне известно, что он люто ненавидел президента Чон Ильсу. Видимо, на этой почве он сблизился с Пэ Донхуном. Этой информации тебе хватит?

— Хённим, вы все время подбрасываете мне такие трудные проблемы. Вы что, проверяете мои способности?

— Перестань ныть. Ты ведь всегда успешно решал их.

— Да, но... Во всяком случае я потребую все возместить. Помните об этом. Хорошо, я попробую узнать.

Ку Дончи отключил телефон, пошел к окну и посмотрел вниз. Послеобеденные тени пролегли по району. Они были похожи на котов, длинно растянувших свои тела. Одна тень,

перешагнув забор и прислонившись к стене, пересекала улицу. Ку Дончи заметил мужчину, медленно бредущего по переулку. С первого взгляда он смог определить, что это человек из «Вонсудочжан». В другом переулке бросился в глаза еще один, такой же. Ку Дончи хмыкнул. Кто же так ведет розыск? Крыш-то снизу не видно. Он смог оценить нынешний уровень и способность «Вонсудочжан» решать задачи.

Ку Дончи включил «Одноглазку». Положив ноги на стол, откинулся в кресле. Ему требовалось время, чтобы все спокойно обдумать. Привычный комфорт и музыка окружили его. Его взгляд направился в сторону несгораемого шкафа. В прошлом каждый раз, когда он смотрел на него, его охватывало чувство радости от обладания чужими тайнами, но теперь все чаще им овладевал страх. Другими словами, теперь шкаф представлялся ему гигантской бомбой. Он не мог знать, когда, где, какая тайна взорвется. Он попросил другого детектива-делитера уничтожить содержимое, если что-то случится с ним, но сам не мог сделать этого. Если он внезапно умрет, тайны взорвутся, возможно, многим людям содержимое может нанести большой вред.

Ку Дончи в начале занятия делитингом думал о том, что он хотел бы уничтожить, если бы заказчиком был он сам. Но сколько ни старался, ничего подходящего не мог назвать тайной. Его единственная тайна состояла в том, что он обладал тайнами других людей, просивших его избавиться от них. Кроме этого, ему нечего было скрывать. К тому же он не хотел иметь тайну. С одной стороны, он хорошо понимал желание людей, хотевших уничтожить свои тайны, с другой — думал, что это крайне эгоистичное желание. Жизнь после смерти — жизнь, которой человек не может управлять, а делитинг — процесс, в котором, одолжив силу другого человека, пытаются немного изменить ее, даже покинув этот мир.

Однажды он даже попробовал представить себе, что может случиться, если все тайны, хранящиеся в шкафу, вдруг всплывут на поверхность. Он представил себе, что рассылает курьеров с информацией тем, кому нужно ее знать. В тот момент, когда тайны вернутся на свои места, многие люди будут испытывать тяжелые страдания, которые им трудно будет пережить. Но те, кто удовлетворит свое любопытство, возможно, будут очень рады. Те, кто снова найдет свои вещи,

которые они считали утерянными, успокоятся. Но какая от всего это польза? Иногда необходимы тайны, о которых никто не узнает, что они исчезли навсегда. Среди файлов в архиве почти не было тайн, которые хотелось бы снова открыть. Ку Дончи решил уничтожить содержимое шкафа, когда он закончит это дело.

Он закрыл глаза, но резкий звонок вернул его в реальность. Это звонил Ли Ёнмин, разговор длился недолго. Он сказал, что съемку содержимого планшета закончил и собирается звонить Чон Ильсу, чтобы заключить с ним сделку. Но надо, чтобы Ку Дончи находился в это время рядом с ним. Ку Дончи коротко ответил: «Я понял», — и отключился. Ему хотелось еще немного посидеть, не открывая глаз, положив ноги на письменный стол и слушая арию. Гнев, который охватил его, когда он услышал, что Ким Инчхон получил удар ножом, уже бесследно исчез. Чувство горячего и сильного гнева не может длиться долго, теперь его место заняли хладнокровные и уравновешенные эмоции. Он не знал, как назвать это чувство. Оно было похоже на холодную и гладкую нержавеющую сталь, на крепкий и прохладный мрамор. Это было чувство, похожее на большой твердый камень, который нельзя легко расколоть. Несмотря на то, что у него не было названия для этого чувства, Ку Дончи пристально всматривался в свою душу. Его холодная душа — это было единственным, чему Ку Дончи сейчас мог доверять.

26

На Ёнук решил взять с собой только двух надежных членов семьи. Остальным он приказал сосредоточиться на поиске младшего в районе Аго. Если в операции будет участвовать много людей, это бросится в глаза. Приказ Чон Ильсу был коротким. Он больше ни словом не упрекнул его, лишь подчеркнул, что надо принести планшетный компьютер. В конце он добавил: «На этот раз, пожалуйста, без ошибок». На Ёнук вспомнил гнев Чон Ильсу, когда тот узнал о пропаже планшета. Ни от кого На Ёнуку не доставалось столько, сколько от него. Разбитый нос, трещины ребер, рассеченная голова — было все. Президент бил его ногами, избивал кулаками, но На Ёнук не увертывался от ударов и терпел любое насилие.

Кулак Чон Ильсу был опасным оружием. Наибольшая опасность исходила обычно от внезапно выброшенного вперед кулака. Чон Ильсу бил, полностью вклидываясь в удар. На Ёнуку приходилось смягчать удары особыми приемами до такой степени, чтобы избежать серьезных травм. От удовольствия, что он может безнаказанно избивать мастера боевых искусств, Чон Ильсу лишь стервенел.

У На Ёнука по-прежнему не было ни малейшей ниточки, которая могла бы привести к исчезнувшему планшету. Все тридцать четыре сотрудника, которые оставались на работе в тот вечер, на первый взгляд были вполне надежными людьми. Было решительно непонятно, как удалось справиться со сверхзащищенным сейфом, как удалось отключить систему видеонаблюдения. Оставалось только предположить, что это сделал, вероятнее всего, кто-то из сотрудников за солидное вознаграждение от фирмы-конкурента. Отношение Чон Ильсу к На Ёнуку внезапно изменилось именно с этого момента. Он начал часто пренебрежительно относиться и к семье. Так, он заявил, что участие «Вонсудочжан» не сыграло особой роли в расчистке территории под теннисный клуб «Noble Club», хотя помощь команды была значительной. Несмотря на такое отношение, На Ёнук всегда был рядом с Чон Ильсу, для него это был единственный способ сохранить «Вонсудочжан».

На Ёнук и сопровождающие его люди выехали в направлении склада, названном Ли Ёнмином. Ехать надо было примерно тридцать минут. Атмосфера в салоне машины была тяжелой. Причин радоваться не было. Когда самый младший член семьи исчез, а другой нанес смертельные раны полицейскому Ким Инчхону, их покровитель сильно разгневался.

— Я не посылал его в одиночку, — нарушив мрачное молчание, пробормотал про себя похожий на якорь мужчина, но сидевший на заднем сиденье хмурый На Ёнук ничего не ответил.

— Мы должны любыми способами разыскать младшего, — сказал человек-якорь, на этот раз повернувшись к На Ёнуку.

— Мы и так стараемся, — жестко сказал На Ёнук, глядя ему прямо в глаза.

— Надо искать активнее.

— Как? Будем обыскивать каждый дом? Как? На каком основании? Подождем. Сосредоточимся пока на этом деле. Это важно.

Снова воцарилось тяжелое молчание. Так доехали до склада. Выйдя, трое мужчин захватили ножи вонсудо.

Ку Дончи наблюдал за ними из кабины грузовика, стоявшего в углу стоянки. У него ушло много времени на то, чтобы найти место, откуда он мог контролировать территорию, оставаясь при этом незамеченным. Он сообщил Ли Ёнмину по рации о прибытии гостей и добавил, что у каждого имеется нож. Особой роли у Ку Дончи не было. Получив DVD с переснятым материалом, он оставался наблюдателем. В случае, если ситуация выйдет из-под контроля, он должен был немедленно покинуть место. На этот случай с Ли Ёнмином прибыло около десятка сотрудников для его защиты.

С начальником На Ёнуком приехал еще один старый знакомый. Это был человек-якорь, с которым Ку Дончи схватился в офисе Ли Ёнмина. Вышедший со стороны водительского сиденья тоже показался знакомым. Возможно, это был тот человек, который проник в его офис. Во всяком случае, походка этого мужчины очень напоминала походку человека, зафиксированного камерой наблюдения. На Ёнук называл его R.

Глядя на то, как R нес коробку, в которой, скорее всего, находились деньги, можно было понять, что его статус в иерархии данной группы был самым низким. Ку Дончи всмотрелся, запоминая его лицо. Он подумал, что теперь, увидев его вживую и пересмотрев запись камеры, он сможет точно выяснить, он это был или нет.

Троица вошла внутрь помещения. Ку Дончи поплотнее вставил наушники и обратился в слух.

Внутри склада в ожидании На Ёнука и сопровождавших его людей помимо Ли Ёнмина и Тянь Санбэ стояли еще двое крепышей. В глубине помещения с правой стороны находились сотрудники Ли Ёнмина, готовые прийти ему на помощь в случае необходимости.

— Давно не виделись. Это вы, уважаемый начальник На Ёнук? — притворно вежливо сказал Ли Ёнмин и, шагнув вперед, протянул руку.

На Ёнук пожал ее и, оглядываясь по сторонам, заметил:

— Склад выглядит необычно.

— Это здание раньше использовалось для хранения компьютеров. Но сейчас оно закрыто из-за отсутствия спроса.

— Для начала принесите планшетный компьютер.

— Минутку, куда вы так спешите, — сказал Ли Ёнмин, — Сзади вас стоит один человек. Он жестоко избил меня. Начальник охраны На, могу я попросить вас выполнить одну мою просьбу?

— Говорите.

— У меня осталось много неприятных впечатлений от него. — Ли Ёнмин обратился к человеку-якорю. — Вы помните, как избили меня? — Он оглянулся на начальника охраны: — Можно, прежде чем мы перейдем к главному, я ударю его?

— Нельзя, — коротко ответил На Ёнук.

— Почему нельзя?

— Это не связано с сегодняшней сделкой.

— Да, конечно, не связано. Но когда я увидел его, меня охватила ярость, я не могу успокоиться. Если я не ударю его, сделка может не состояться.

— Я повторяю еще раз: нельзя, — отрезал На Ёнук.

Человек-якорь вышел вперед. Он встал напротив Ли Ёнмина и, крепко стиснув зубы, несмотря на протесты На Ёнука, жестом показал, что его можно ударить. Ли Ёнмин ударил его по лицу. Удар кулаком был несильный, но из носа человека-якоря потекла кровь. Он утерся рукавом и вернулся на свое место.

— Теперь вы успокоились? — нервно спросил На Ёнук.

— Да, теперь я немного успокоился, — сказал довольный Ли Ёнмин и жестом подозвал Тянь Санбэ.

Он вышел вперед. На Ёнук махнул рукой R, и тот тоже приблизился. Когда ему передали планшет, он включил его, дождался загрузки системы и ввел пароль от папки с системными журналами. В них сохранялась вся информация о действиях с планшетным компьютером: когда включали питание, какую программу использовали и тому подобное.

— Чисто, — тихо сказал R, просмотрев журналы.

— Ну что же, для начала можно констатировать, что копирование файлов не производилось, — сказал На Ёнук, обращаясь к R. Тот кивнул в знак подтверждения.

— Вы принесли с собой деньги? — спросил Ли Ёнмин елейным, словно смазанным жиром голосом.

— Господин Ли Ёнмин, до передачи денег уточним одну вещь.

— Хорошо.

— Если вы скопировали материал, отсняв его с экрана, у нас нет способа узнать это. Возможно, если мы перевернем вверх дном этот склад, то обнаружим копию. Лично я убежден, что вы, господин Ли Ёнмин, скопировали материалы. Вы, конечно, будете отрицать, но я вам не поверю. Однако с этим я ничего не могу поделать и хотел бы предупредить вас, что если этот материал всплывет когда-нибудь и где-либо, то с того момента, господин Ли Ёнмин, вы можете считать себя мертвецом. Вы меня поняли?

— Вы угрожаете мне?

— Это не угроза. Если вы не снимали копию, это останется просто разговором. Я просто хотел, чтобы вы имели это в виду.

— Предположим — только предположим, начальник На, что вы правы. В этом случае если я не опубликую копию, то смогу жить спокойно? То есть вы хотите сказать, что в этом случае я не умру?

— Естественно.

— Кстати, почему вы убили Пэ Донхуна? Угроза не сработала?

— Мы не убивали его. Это был несчастный случай.

— Несчастный случай? Что, нынче убийство так называется? Значит, я тоже умру в результате несчастного случая?

— Мы просто хотели напугать его. Это и впрямь был несчастный случай. Мы не убивали его.

— Хорошо. Я поверю.

— Разве это не выгодно вам, господин Ли Ёнмин? Теперь, когда нет Пэ Донхуна, вы можете забрать эти деньги себе.

— Зачем мне, извините, так рисковать? Я просто хочу закончить эту работу в честь памяти моего друга, покойного директора Пэ. Деньги? Начальник На, отдать вам эти деньги?

— Нет.

— Если у вас есть деньги, вы сможете многое сделать.

— В этом мире есть вещи более важные, чем деньги.

— Любопытно. Что может быть важнее денег?

— Господин Ли Ёнмин, вы ведь только что сами сказали об этом. Командная работа, чувство долга, справедливости, ответственности перед семьей и братьями, я имею в виду это.

— Хм, да, верно, чувство долга и справедливости — важные вещи в этой жизни. Начальник На, вы говорите о чувстве долга между членами семьи, которую вы возглавляете?

— Да.

— Я хорошо вас понял. Впрочем, мы отвлеклись. Итак, теперь моя очередь проверить?

Когда Ли Ёнмин махнул рукой, двое крепышей приблизились к коробке. Они открыли ее и начали пересчитывать купюры. Закончив, они кивнули — все в порядке. Ли Ёнмин снова подал знак рукой, и один из крепышей перенес к нему коробку.

— Итак, на этом все? — сказал На Ёнук.

— Да, все. Начальник На, на самом деле, вы мне очень понравились. Даже жалко, что вы работаете на Чон Ильсу. Я много думал о вас.

— Спасибо. Оказывается, есть люди, которым я нравлюсь.

— Так вот, раз вы мне нравитесь, я хочу сообщить вам одну информацию. Считайте это бонусом.

— Что за информация?

— Вам, наверно, интересно, как был выкраден планшет. Хотя теперь это не имеет никакого значения, верно?

— Вы знаете, кто это?

— Я не знаю точно, кто это, но есть подсказка, которую я слышал от господина Пэ Донхуна. Вам интересно?

— Говорите.

— Кстати, она находится здесь, в планшете. Это логин — имя пользователя. Я не знаю, что означает логин: адрес электронной почты или мужское имя. Во всяком случае, господин Пэ Донхун сказал, что слышал об этом логине. Желая узнать, что это слово означает, я заглянул в словарь и... Было бы хорошо, если бы эта подсказка хоть немного помогла вам, — сказал Ли Ёнмин и протянул свернутую пополам записку.

Когда На Ёнук раскрыл ее и прочитал, то сразу положил ее в рот и, хорошенько прожевав, проглотил.

— Знакомый логин? — спросил Ли Ёнмин.

— Нет. Достаточно знать только мне, — ответил На Ёнук.

Ли Ёнмин и На Ёнук обменялись рукопожатием. Когда На Ёнук с сопровождавшими его людьми уже собрался уходить из склада, Ли Ёнмин громко сказал:

— Да, кстати, я чуть не забыл сказать вам еще кое-что. Раз я поделился информацией, надо рассказать все до конца. Я слышал, что ответственного за связь инсайдера и человека, приблизившегося к Пэ Донхуну, звали Ли Канхёк.

— Кто?

— Ли-Кан-Хёк, — четко по слогам повторил Ли Ёнмин. На Ёнук и его спутники сразу напряглись. Было ясно, что Ли Канхёк знаком был им всем.

Когда Ку Дончи увидел выходящих со склада, ему показалось, что радиопередача плавно сменилась телевизионной. Сцена, связанная с последней репликой, прозвучавшей в наушниках: «Ли-Кан-Хёк. Он вам знаком?», была связана с тремя мужчинами, идущими с тревогой на лицах. Ку Дончи пытался понять взаимоотношение между последней репликой и «изображением». Троица села в машину, но та продолжала стоять. Издалека доносились едва слышные звуки — признаки приближающегося утра. На автостоянке было тихо, даже птиц еще не было слышно. Наконец, двигатель заработал, машина тронулась с места.

Ку Дончи перебрался из кабины грузовика в находившуюся рядом свою машину и поехал следом.

Не успел он выехать с автостоянки, как позвонил Ли Ёнмин.

— Уважаемый детектив Ку, где вы находитесь?

— Следую за их машиной.

— Зачем?

— Не знаю. Но чувствую, что поступаю правильно.

— Нельзя пока публиковать снятую копию. Вы меня поняли?

— Не волнуйтесь, — сказал Ку Дончи и отключился.

Задние огни машины, в которой ехал На Ёнук со своими людьми, казались необычно красными. Ку Дончи сохранял значительную дистанцию. Было тихо и холодно. Кончики пальцев немного онемели. Он снял руки с руля и несколько раз крепко сжал и расжал кулаки, восстанавливая кровообращение. Предоставленная на это короткое время самой

себе, машина ровно шла по прямой дороге. Казалось, усни он ненадолго, она бы так и продолжала движение. И все это происходит не с ним, а с совсем другим человеком. Чужая нога жмет на педаль акселератора, чужие руки держат руль. Ку Дончи хотелось, чтобы машина сама отвезла его куда-нибудь в далекое далеко, где все решится само собой. Где ему будет комфортно.

«Фоти-лав»*.

Это были не только любимые слова Ку Дончи, но и самые прекрасные моменты. Момент, когда судья произносил эти слова, был настолько ошеломляющим и волнующим, что стоило только подумать об этом, как бросало в дрожь.

«Фоти-лав» также означало мгновение отчаяния. Это было полное и безусловное поражение. Но «лав»** справа виделся ему утешительным призом, утешением для проигравшего, не набравшего ни одного очка.

Сейчас, преследуя машину На Ёнука с его людьми, Ку Дончи то и дело повторял эти слова. Ему казалось, что данный счет соответствует текущей ситуации. Непонятно было только, кому достанется «яйцо». Целью поездки оказался район старой застройки с довольно-таки пожилым населением. Здешний ландшафт состоял из множества холмов с крутыми склонами. Машина, в которой ехала троица, въехала на вершину одной из возвышенностей и остановилась. Это был холм с настолько крутым склоном, что казалось, что, находясь в багажнике что-нибудь поувесистее, машина перевернулась бы.

Трое вышли из машины и скрылись в подъезде четырехэтажного дома, выглядевшего еще более старым, чем Аго-билдинг. Ку Дончи внимательно оглядел строение. Он, конечно, не ожидал увидеть надпись «Вонсудочжан», но не

---

* Счет 40:0 в теннисе.

** Игра слов. Теннис ведет происхождение от французского жё-де-пом (jeu de pomme, игра в мяч). Нулевой счет (цифра «0») получил шутовское прозвище l'œuf — «яйцо», произносимое англичанами сходно с «лав» (love, любовь) и в таком виде вошло в оборот.

видно было никаких вывесок, хоть как-то связанных с боевыми искусствами или спортом. Строение носило имя «Иный-билдинг»*.

Внезапно перед глазами Ку Дончи возникло бородатое лицо. Он инстинктивно откинулся назад и лишь затем узнал детектива Ли Ри. Тот постучал. Ку Дончи опустил стекло.

— Хённим, почему вы так испугались?

— Ты так неожиданно возник из ниоткуда. Естественно, я испугался.

— Я видел, как вы приехали.

— Что ты делаешь тут так рано?

— Как что? Работаю.

— Что за работа?

— Как вы можете спрашивать, что за работа, хённим! Вы же сами мне ее поручили, — с некоторой обидой в голосе сказал Ли Ри.

— Ах да, Ли Канхёк?

— Да, между Ли Канхёком и «Вонсудочжан» существует связь.

— Вообще-то я тоже здесь из-за этого.

Ку Дончи открыл дверь машины. Ли Ри плюхнулся на переднее сиденье рядом с ним и отчитался о произошедшем за последние часы. Ку Дончи показалось, что сейчас он может доверять бородатому. Ему сейчас нужна была чья-то помощь. Был бы это Ким Инчхон... Но вряд ли когда-нибудь сонбэ теперь встанет рядом с ним. Ку Дончи рассказал Ли Ри о всех связанных с Ли Ёнмином событиях, произошедших за промежуток времени, начиная с ранения Ким Инчхона и заканчивая только что заключенной сделкой между На Ёнуком и Ли Ёнмином. Закончив изложение, он почувствовал облегчение, словно поделился гнетущей тайной.

— Да-а-а, все так сложно.

— Сложно, правда?

— Говорят, что тот человек по имени Ли Канхёк когда-то был членом «Вонсудочжан».

— Да?

— Он был членом команды, но пять лет назад разругался с своим боссом На Ёнуком и покинул «Вонсудочжан». Я не

---

*В переводе на русский означает «Дом гуманности и справедливости».

в курсе, что у них произошло. С тех пор он сменил много мест работы, но примерно год назад он стал работать в компании, выпускающей наушники и находящейся в здании...

— В том здании, где умер Пэ Донхун, верно? — прервав его, спросил Ку Дончи.

— Верно.

— Если собрать вместе все факты, складывается такая картина. У Ли Канхёка сложились плохие отношения с боссом «Вонсудочжан». У него, кажется, накопилось много претензий. Однажды он узнал, что находившийся с ним в одном здании Пэ Донхун работает с Чон Ильсу, и решил отомстить ему и боссу На Ёнуку. Он вступил в сговор с кем-то из сотрудников, а после кражи планшетного компьютера продал его Пэ Донхуну. До сих пор все верно?

— Кажется, да. Оказывается, есть запись, что в день смерти Пэ Донхуна Ли Канхёк был арестован на месте происшествия.

— Да? Ах да, верно. Я вспомнил. Тогда сонбэ Инчхон схватил кого-то.

— Да, сразу после происшествия он, спускаясь по пожарной лестнице, был зафиксирован камерой наблюдения.

— Итак, давай подумаем. Члены семьи «Вонсудочжан» пришли напугать Пэ Донхуна. Однако Ли Канхёк случайно стал свидетелем. Чтобы скрыться от братьев, он воспользовался пожарной лестницей.

— Пока все складно получается.

— Мне нужно быстро обезопасить Ли Канхёка. Ты не знаешь, где он сейчас находится?

— Знаю.

— Где?

Ли Ри указал пальцем на потрепанный Иный-билдинг, Ку Дончи перевел взгляд с пальца на здание.

— Ты говоришь, он там?

— Да, он зашел туда час назад.

— Почему ты говоришь об этом только сейчас?

— Вы не спрашивали.

— Не случилось ли что за это время? Пойдем, посмотрим.

— Я видел, как Ли Канхёк поднялся на третий этаж.

Ку Дончи и Ли Ри вышли из машины и, остерегаясь оказаться на виду, поспешили к Иный-билдингу. В иное время «Вонсудочжан» наверняка позаботилась бы выставить

охрану, но сейчас все члены семьи были брошены на поиски младшего брата, и в здании не должно быть людей. Ку Дончи оставил Ли Ри караулить на первом этаже, а сам поднялся на третий. Смердело здесь еще отвратительнее, чем в Аго-билдинге. Скорее всего, воняло само здание. Ку Дончи, осторожно ступая, прошел в конец коридора. В офисе фирмы «Синёмульсан», как гласила табличка, из-за двери слышались голоса.

Коридор поворачивал, и дальше находился туалет. По идее, оттуда можно заглянуть в офис.

— Черт возьми, что за дела! — раздался резкий голос. Ку Дончи невольно застыл на месте. Он решил послушать.

— Мы создадим новый «Вонсудочжан». Босс, вы теперь отойдите в сторону.

— Вы хоть понимаете, насколько вы все испортили?

— Ничего мы не испортили. Мы лишь вернули все на свое места.

— Но ведь пострадало много людей.

— Босс, вы сейчас в своем уме? Вы убили человека.

— Это был несчастный случай. И если бы ты не упустил планшет, ничего бы не случилось.

— Босс, если бы вы сделали правильный выбор с самого начала, этого бы тоже не произошло.

— Возможно, ты прав. И что теперь собираешься делать?

— Я собираюсь порвать с Чон Ильсу. Затем снова вернуться в горы и продолжу практиковать боевые искусства.

— И отказаться от благосклонности президента?

— Это не мы получили благосклонность. Босс, это вы получили ее. О том, как компенсировать ее, позаботьтесь сами.

Ку Дончи почувствовал, что в офисе происходит движение. Надо было срочно спрятаться в туалете. Стараясь идти бесшумно, на цыпочках он проскользнул в туалет. В офисе вроде ничего не заметили.

— Мы запачкали кровью наши ножи. У нас нет пути назад.

— Нет, еще не поздно.

— Мы зарезали полицейского.

— Нет, это не мы сделали.

— Что ты имеешь в виду?

— Я проверил все камеры видеонаблюдения возле места происшествия. Большинство магазинов там уже закрыты, камер почти не осталось; работала только одна. Изображение, конечно, нечеткое, но достаточное, чтобы различать людей. Та запись — доказательство нашей невиновности.

— Да? Кто же тогда заколол полицейского?

— Я покажу вам видеозапись позже.

Ку Дончи слушал и чувствовал, что его наполняет гнев. Хотелось выбежать и спросить, где запись. Но он решил пока повременить. Маленькое окошко в туалете давало ограниченный обзор, он видел только часть офиса.

Члены семьи «Вонсудочжан», разделившись на две группы, стояли напротив друг друга: находившийся спиной к двери На Ёнук, Р, державший сумку, в которой находился планшетный компьютер, и незнакомый мужчина, которого он видел впервые. Ку Дончи догадался, что это — Ли Канхёк. Ку Дончи предположил, что шпионом в фирме, укравшим вместе с Ли Канхёком планшетный компьютер, вероятно, был Р. Когда Ли Канхёк и Р, держа сумку с планшетным компьютером, собрались выйти, На Ёнук преградил им путь и крикнул:

— Что ты собираешься с ним делать?

— Я не буду публиковать содержимое планшета. Он будет одним из видов страховки, — сказал Ли Канхёк.

— Тогда что будет со мной?

— Босс, извините. Это единственный способ. Сейчас я хочу как можно быстрее найти младшего брата и бесследно исчезнуть.

— Ты думаешь, что братья последуют за тобой?

— Я сделаю так, чтобы последовали.

— Босс, я тоже иду с ними, — в поле зрения появился человек-якорь. Он встал за спиной Ли Канхёка и Р.

Ку Дончи никак не мог решить: напасть на них сейчас и завладеть связанным с Ким Инчхоном доказательством — планшетом или понаблюдать еще. В этот момент в голову ему пришло решение. Присев на корточки, он отправил Ли Ри сообщение.

— Вы не сможете нас удержать. Отойдите в сторону, — в голосе Ли Канхёка слышались угрожающие нотки.

— Тебе обязательно нужно так поступить? — это На Ёнук.

Несколько минут спустя дверь офиса с грохотом распахнулась. Ку Дончи покинул туалет и наблюдал из-за угла коридора. По нему удалялись Ли Канхёк, Р и человек-якорь. Ку Дончи облегченно вздохнул. Услышав, что они стали спускаться по лестнице, он заглянул в офис. На Ёнука нигде не было видно. Мягко и беззвучно ступая, Ку Дончи последовал за ушедшими. Он надеялся, что Ли Ри, получив его сообщение, сделал все как надо.

Он стал спускаться по лестнице с третьего этажа и между вторым и первым настиг их. Они, очевидно, не предполагая, что кто-то может преследовать их, шли не оглядываясь. Ку Дончи достал газовый пистолет. Послышались их громкие голоса: «Черт, что за хрень? Кто-то переезжает, что ли?». Поперек лестничной площадки стоял длинный диван, перегораживая путь. Ку Дончи, не теряя ни секунды, догнал их и разрядил им в лица всю обойму из шести патронов. Ошеломленные братья, не в силах защититься и убежать, лишь прикрывали руками лица. Ку Дончи, выхватив у Р сумку с планшетом, перепрыгнул через диван и со всех ног бросился к машине. Перед зданием в машине с заведенным двигателем его уже ждал Ли Ри. Они резко рванули с места. Только съехав с крутого холма и удалившись на довольно большое расстояние, Ли Ри уменьшил скорость.

— Уф, ты хорошо поработал, Ли Ри. Отличная работа.

— Хённим, зачем вы отвлекали меня? Вы что, не понимали, насколько я был занят?

— Я послал сообщение на случай, если у тебя не получится. Ладно, проехали... А где ты раздобыл диван?

— Мало ли тутхлама валяется. Диван, вполне еще годный, стоял на улице. Там еще комод такой же был. И прочая мебель.

— Вижу, ты намучился, — сказал Ку Дончи.

Ли Ри, улыбаясь, подняв с руля правую руку и приглашающе растопырил пятерню и, но Ку Дончи никак не прореагировал.

— Дайте же пять*, — рот Ли Ри обидчиво скривился.

---

*Пара ладоней, касающаяся друг друга в знак победы, радости, празднования, поздравления.

— За дорогой следи. — Ку Дончи указал пальцем вперед в направлении движения.

Теперь оставалось лишь заключить сделку.

28

Ку Дончи разузнал у бывшего коллеги номер телефона Ли Канхёка, но не стал сразу звонить ему. Надо дать ему немного времени, пусть спокойно обдумает сложившуюся ситуацию. Он набрал Ча Чольхо и спросил его о ситуации в районе Аго. Ничего особенного там не произошло. Связанный младший брат спокойно сидит и ест, что дают. Видимо, смирился со своей участью.

Было около полудня, когда он позвонил Ли Канхёку. Он знал, какое время для человека является наилучшим для принятия решения. Когда солнце освещает макушку, голова становится ясной, и человек может сделать наиболее разумный выбор. Ли Канхёк, очевидно, ждал звонка, и сразу взял трубку.

— Мне очень жаль, что недавно я испугал вас, — вежливо сказал Ку Дончи.

— Вы господин Ку Дончи? — коротко спросил Ли Канхёк.

— Да, приятно, что мы обходимся без долгих церемоний.

— Мне интересно, чего хочет от меня господин Ку Дончи.

— Я слышал ваш разговор с господином На Ёнуком. У меня появился интерес к данным с камеры видеонаблюдения.

— Вы хотите обменять запись с камеры на планшетный компьютер? Это не похоже на справедливую сделку.

— Мне кажется, что вы, господин Ли Канхёк, ничего не сможете сделать, держа при себе эту запись.

— Тот, кто ударил ножом полицейского, не является членом «Вонсудочжан». Мы можем доказать это, только имея на руках данные с камеры, — возразил Ли Канхёк.

— Я тоже, как и вы, знаю, что преступник — Ли Ёнмин. Несмотря на то, что полицейского Ким Инчхона ударили ножом вашей организации и сейчас ему трудно дышать, он четко произнес его имя. Как только я объединю диктофонную запись, которая у меня есть, с данными камеры, это может стать неопровержимым доказательством его вины.

— Хорошо. Я согласен поменять данные камеры видеонаблюдения на планшетный компьютер, — сказал после некоторого раздумья Ли Канхёк.

— Нет, планшет остается у меня.

— Тогда в чем предмет сделки?

— Я отдам вам вашего младшего брата.

— Младшего брата?

— Я обещаю, что отдам вам вашего младшего брата из «Вонсудочжан», который сейчас находится где-то в районе Аго и страдает.

Ли Канхёк молчал, в трубке стало тихо. Видимо, консультировался с находившимися рядом людьми, прикрыв рукой микрофон телефона. Молчание длилось недолго, в телефоне слышался какие-то звуки и шорохи.

— Хорошо. Взамен у меня есть просьба.

— Да, говорите.

— Я знаю, что вы, детектив Ку, — бывший полицейский.

— Очень многие знают это.

— Сделайте все, чтобы арестовать Ли Ёнмина. И еще, пожалуйста, сделайте так, чтобы не пострадали члены «Вонсудочжан». Конечно, я не могу отрицать, что во всей этой истории совсем нет вины братьев. Да, Ли Ёнмин ударил не нашим ножом-вонсудо, но и члены команды виноваты — они оставили полицейского истекать кровью. Это я признаю. Доставь его в больницу раньше, его состояние было бы лучше. Не могли бы вы уладить этот вопрос?

— Я не могу вам этого обещать, но постараюсь сделать все возможное, что в моих силах.

— И еще одна просьба. Те, кто устроил пожары в районе, были членами «Вонсудочжан». Конечно, приказ исходил от президента Чон Ильсу, но то, что мы выполнили его, явно было ошибкой с нашей стороны. Можно ли это тоже уладить по-тихому?

— Насчет этого я тоже постараюсь сделать все возможное, что смогу.

— Мы попробуем довериться вам, господин Ку Дончи. Хорошо. Как мы совершим сделку?

— У въезда в район Аго есть большое кафе. Встретимся там через час. Я сам не смогу прийти, вместо меня будет бородатый коллега. Войдя в кафе, вы сразу узнаете его. Как

только он проверит в кафе данные с камеры, вам передадут вашего младшего брата.

— Хорошо, через час. Но что вы собираетесь сделать с планшетом?

— Я все еще думаю.

— На самом деле, если материалы оттуда будут опубликованы, члены «Вонсудочжан» тоже могут подвергнуться опасности.

— Я не могу гарантировать вам безопасность в данной ситуации. Извините, — сказал Ку Дончи и отключил телефон.

Из прошлого опыта он знал: чем быстрее протекает сделка, тем лучше. Если дать другой стороне много времени на размышление, обязательно столкнешься с конфликтом, а если он возникнет, повышается вероятность отмены сделки. Он растолковал Ли Ри ситуацию и, позвонив Ча Чольхо, сказал, что через полтора часа придут люди забирать парня.

— Хённим, а вы что будете делать? — поинтересовался Ли Ри, жуя купленный в супермаркете хлеб.

— У меня есть дела, — уклончиво ответил Ку Дончи.

— Вы постоянно поручаете мне только трудные дела. Я действительно потребую все возместить. Вы знаете, сколько времени я на вас потратил? Я буду стоять вам очень дорого.

— Я встречу с Чон Ильсу и вернусь, — спокойно сказал Ку Дончи, не обращая внимания на его слова.

— Что будете делать, встретившись с ним?

— Сделай хорошо работу по району Аго, — не отвечая на его вопрос, сказал Ку Дончи.

— Не беспокойтесь об этом. Главное — заплатите лучше побольше. И все-таки, что вы собираетесь делать, встретившись с Чон Ильсу?

— Я подумаю об этом по дороге.

— Да, если у вас есть или будет какая-нибудь работа, позвоните мне.

— Ты что, не знаешь, кто я? Уходи, оставив в кабинете свои тревоги.

— Что? Оставить в кабинете свои тревоги? Что это значит? — с недоумением сказал Ли Ри.

— Нет, ничего. Просто вспомнил шутку... Я возьму ненадолго твою машину.

— Да, хённим, прошу вас. Можете ее не жалеть, потом купите мне новую, — пошутил Ли Ри.

Ку Дончи промолчал, задумчиво глядя на улицу. Ли Ри, пытаясь угадать, о чем он думает, вышел из своей машины и отправился брать такси в район Аго.

До назначенной встречи оставалось примерно десять минут. Он сидел за столиком, попивая охлажденный кофе.

— Вы от Ку Дончи? — раздался рядом мужской голос. Перед ним стояли Ли Канхёк и Р.

— Да, вы быстро пришли. Садитесь, — сказал Ли Ри, сделав глоток.

Они сели, но он не приступал к разговору, пока не допил его.

Ли Канхёк, достав ноутбук и флешку, сказал:

— Я принес.

— Да, вижу, вы очень спешите, — сказал Ли Ри и, притянув к себе ноутбук, открыл видеофайл.

Изображение было нечетким. Показался длинный пассаж с магазинами по обеим сторонам.

— Глядите внимательнее. Вон там, в конце прохода, вверху экрана, — указал Ли Канхёк.

Ли Ри пристально смотрел. Двое входят в магазин, расположенный с правой стороны в конце прохода. Их почти не разглядеть. Спустя несколько минут эта пара внезапно начинает быстро убегать в правую сторону экрана, пока не исчезает за его пределами. В это время справа и сверху экрана появляются три человека. Один человек держит что-то похожее на нож, второй тянет за шею третьего. В нижней части экрана снова возникают те двое. Они, держа в руках ножи, бегут к верху экрана. Троица поспешно открывает дверь запасного выхода и скрывается за ней. Пара с нижней части экрана бежит за ними. Скрывается за дверью. На этом запись оканчивается.

— Это все? — грубо спросил Ли Ри.

— Если увеличить масштаб, можно увидеть больше. Экран ноутбука маловат.

— Немного нечетко.

— Вы можете произвести сравнение ран, оставляемых нашими ножами, с той, которую нанесли полицейскому, — пояснил Ли Канхёк.

— Хорошо бы найти нож, использованный Ли Ёнмином...

— Если внимательно посмотреть на экран, видно, что Ли Ёнмин держит полицейского. Это не сделано спонтанно. Он знал, что члены семьи преследуют его, что полицейский придет. Это он все спланировал заранее, чтобы потом во всем обвинить нас. Я слышал, что последнюю запись полицейского Ким Инчхона держит у себя господин Ку Дончи.

— Понятно. Для начала — сделка есть сделка... Идите за мной, — сказал Ли Ри и, положив флешку в карман, встал с места.

Двое последовали за ним. На общественной автостоянке по дороге из кафе в район Аго собрались около десяти молодых парней. Когда появились Ли Канхёк и Р, они насторожились и подняли руки. Ли Канхёк тоже поднял руку и жестом успокоил их.

Ли Ри вошел в Аго-билдинг и стал подниматься по лестнице. Ли Канхёк и Р молча шли за ним. Он, пройдя через четвертый этаж, открыл узкую дверь и по лестнице поднялся на крышу здания, где его уже ждал Ча Чольхо.

— Это вы господин Ли Ри? — сказал Ча Чольхо, протягивая руку.

— Да, а вы тот, кому я недавно звонил? — спросил в свою очередь Ли Ри, обмениваясь рукопожатием.

Ча Чольхо внимательно посмотрел на двух мужчин, которые пришли вместе с ним. С первого взгляда он понял, что они явились забрать парня.

— Когда зайдете, увидите и послушаете его, то узнаете, что я заботился о нем изо всех сил. Я регулярно давал ему еду, воду и ухаживал за ним, как за цветком. Сперва между нами произошло небольшое столкновение. Я — мастер боевых искусств и немного помял его. Надеюсь, вы это понимаете, — с этими словами Ча Чольхо открыл дверь склада.

Связанный младший брат, как и раньше, сидел на стуле, но выглядел относительно чистым. Это произошло благодаря тому, что, получив звонок от Ку Дончи, Ча Чольхо тщательно вытер его мокрым полотенцем. Во рту не было кляпа. Ча Чольхо развязал руки, связанные за спинкой стула. Младший брат, слегка пошатываясь, пошел к Ли Канхёку.

— Старший брат, извините.

— Все в порядке. В любом случае я рад, что все хорошо кончилось. Ты не ранен, ничего не сломано?

— Кажется, немного повреждено плечо, но это пустяки.

— Ну хорошо, скорее идем отсюда.

Ли Канхёк и Р, слегка кивнув головой и попрощавшись взглядом с Ча Чольхо и Ли Ри, пошли с младшим братом вниз. Когда парень проходил мимо, Ча Чольхо потупился. Он чувствовал себя неловко. Он хотел сказать парню что-нибудь на прощание и уже было заготовил фразу, но так и не смог ее произнести. Он подумал, что эти прощальные слова не соответствуют ситуации, ведь он был тем человеком, который заставил парня страдать. Ли Ри тоже остался на крыше, потому что сделка завершилась. Он понимал, что члены «Вонсудочжан» больше не будут создавать проблем.

В это время слышались шаги. Кто-то быстро поднялся по лестнице. Это оказался Пяк Гихён.

— Эй, тренер Ча, что, уже все закончилось?

— Что закончилось?

— Увели?

— Да, увели. Интересно, что все-таки провернул детектив Ку? Так легко избавиться от пойманного с таким трудом ублюдка, — с сожалением в голосе сказал Ча Чольхо.

— Профессионал есть профессионал, — сказал Пяк Гихён. — Разве детектив Ку допустит, чтобы у нас были неприятности? Давай поверим ему. Однако этот ублюдок, надеюсь, не напишет заявление о твоём жестоком обращении.

— Когда это я с ним жестоко обращался? — завелся Ча Чольхо.

— Если не напишет, будет хорошо.

— Я думаю, что не напишет. Я не обращался с ним жестоко.

— Тренер Ча, оставим это в стороне. Ты видел утром сериал? — примирительно спросил Пяк Гихён, переводя разговор на другую тему.

— Что за сериал?

— Я же сказал тебе, что живущая на четвертом этаже девушка пишет сценарии. Узнав от нее, что сериал, к которому она пишет сценарий, показывают по утрам в воскресенье, я посмотрел сегодня. Ты знаешь, очень интересно.

Ли Ри, слушая разговор этих двоих, простодушно улыбнулся. Наступило время возвращаться к себе, но у него возникло желание переехать в этот район. Он подумал, что, если

на крыше построить временку, можно будет ухаживать за животными и растить их там. Он посмотрел с крыши вниз. Ли Канхёк, Р и младший брат шли в сторону автостоянки, где ждала семья. Самый младший брат, дойдя до нее, обнялся с каждым. Члены семьи ободряюще хлопали его по спине, пожимали ему руки, один из них шутливо взъерошил его волосы.

Ли Ри позвонил Ку Дончи. С крыши все вокруг в районе выглядело красиво. Когда смотришь сверху вниз, кажется, что у каждого пейзажа есть своя история. Люди, живущие здесь, уже привыкли к этим пейзажам и не обращали на них внимания. Но если их сфотографировать сверху и объединить снимки в панораму, они станут частью истории.

— Да, Ли Ри, — раздался в трубке телефона голос Ку Дончи.

— Все сделано.

— Ты видел запись?

— Да, она нечеткая, но разглядеть можно.

— А что с младшим братом из «Вонсудочжан»?

— Передан семье. Вроде все прошло гладко. Они тихо скрылись.

— Ясно. Я рад.

— Где вы, хённим?

— У офиса президента Чон Ильсу. Я перезвоню тебе позже, пока.

— Да, хённим.

Сон Миён провела Ку Дончи в кабинет. Президент уже поджидал его. Перед письменным столом одиноко стоял стул для гостей.

— Что заставило вас внезапно прийти ко мне? — спросил Чон Ильсу, сцепив руки в замок.

— Полагаю, что в последнее время у вас возникало много неожиданных дел, — уклончиво ответил Ку Дончи, откинувшись на спинку стула.

— Чашечку чая?

— Не беспокойтесь. Когда передо мной стоит чай, я становлюсь слишком расслабленным.

— Иногда надо и расслабляться. Что бы ни случилось.

— Что-то начальника На не видно, — заметил Ку Дончи.

— У вас есть ко мне какое-то дело?

— Просто мне казалось, что он всегда рядом с вами.

— Нет, не всегда. Он ненадолго отлучился.

— Что такого ужасного вы наворотили, если уважаемый начальник охраны лично отправился разруливать? — в шутиливом тоне осведомился Ку Дончи.

— Зачем вы так говорите, — рассмеялся его шутке Чон Ильсу.

— Я вижу, доклад вы пока еще не получили.

— Что вы имеете в виду?

— Я знаю, что он поехал на встречу с Ли Ёнмином. Вы не знаете, почему он до сих пор не вернулся?

— С Ли Ёнмином? — притворно удивился Чон Ильсу.

— Да, с господином Ли Ёнмином. С тем самым Ли Ёнмином, которого мы оба хорошо знаем, господин президент.

— Да-а-а, быстро информация распространяется.

— Да, она может распространяться быстрее, чем вы думаете, уважаемый господин президент.

— Когда спешить, многого не замечаешь. Иди спокойно, внимательно присматриваясь к окружающему, — уклончиво ответил Чон Ильсу.

— Я также знаю, почему он встречался с Ли Ёнмином.

— Не сомневаюсь.

— Как вы думаете, что я еще знаю?

— Не представляю. Полагаю, что вы пришли сюда по одной из двух причин: не зная, что мне известно, вы пришли, чтобы выяснить это. Или же, зная то, что мне не известно, вы намереваетесь заключить сделку.

— Быстро же вы схватываете суть дела. Верно. Я пришел к вам по второй причине.

— Вы уверены, что я не чего-то знаю?

— А вы уверены, что теннисный мяч обязательно вернется? — вопросом на вопрос ответил Ку Дончи, указывая глазами на висящую на стене теннисную ракетку.

К теннисной ракетке был прикреплен длинный шнур, на конце которого виднелся светло-зеленый теннисный мяч.

— Уверен. Он же привязан, — слегка раздраженно ответил Чон Ильсу, не понимая, к чему клонит Ку Дончи.

— Это то же самое, что и с тем мячом. Я держу привязь. Я точно знаю, что «мяч» вернется.

— Что-то я туповат для столь утонченного разговора. Скажите прямо, без метафор.

— Иногда метафора более точна, — уклончиво сказал Ку Дончи.

— Бизнесмены вроде меня верят только цифрам. Например, кто-то просит дать ему сто тысяч. Я начинаю торговаться и говорю, что могу дать только семьдесят, тогда собеседник просит дать девяносто. В таком духе мы торгуемся до тех пор, пока не остановимся на восьмьдесят тысяч. Таков реальный мир.

— Мир метафоры — тоже реален. Просто он невидим для глаза.

— Я вижу, у вас есть привычка говорить метафорами.

— Я дам вам сто тысяч, — сказал Ку Дончи, решив, что не стоит больше тянуть время.

— Сто тысяч... Зачем вы дадите их мне?

— Потому что у меня есть желание забрать у вас кое-что.

— Вы хотите предложить мне сто тысяч, а забрать двести? — пошутил Чон Ильсу и улыбнулся.

— Может быть, двести тысяч, может быть пять, а то и вовсе ноль, — загадочно сказал в ответ Ку Дончи.

— Вы говорите о цифрах, но они тоже похожи на метафору. Что означают ваши сто тысяч?

— Как вы думаете, что они могут означать?

— Ну, не знаю. Это настолько большая сумма, что трудно представить, — немного озадаченно проговорил Чон Ильсу.

— С другой стороны, можно сказать, что это небольшое число.

— Может быть и так, — неуверенно согласился Чон Ильсу.

— Сто тысяч — планшетный компьютер.

— Планшет? Вы хотите сказать, что сейчас он у вас? — искренне удивился Чон Ильсу.

— Да, он сейчас у меня.

— Я не знаю, почему планшет находится в руках господина Ку Дончи, но если это так, то да — он стоит ста тысяч.

— Если я дам сто тысяч, вы возьмете их?

— Сначала надо послушать, что вы хотите получить взамен.

— Прежде чем начать сделку, я хочу поделиться с вами информацией. Полагаю, вам она тоже будет интересна. В ней пять пунктов. Итак, пункт номер один. Младший член семьи «Вонсудочжан», устроивший поджоги в районе Аго, находится в безопасности. Вам интересно узнать и об остальном?

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Хорошо, будем считать, что вы не понимаете. Перехожу к пункту номер два. Члены семьи «Вонсудочжан» сейчас все отвернулись от их начальника На Ёнука, он остался совершенно один. Они решили покинуть вас и пойти своим путем. Что ж, они сделали хороший выбор. Теперь пункт номер три. Вам интересно узнать, кто вас предал? Это был ваш сотрудник Р. Конечно, за ним стоял Ли Канхёк. Впрочем, поскольку пункты два и три связаны, будем считать их за один пункт номер три. Начальник На с Ли Ёнмином заключили сделку. На Ёнук передал ему деньги и взамен получил планшет. Начальник На забрал его у Ли Канхёка, а я — у него. Я рассказываю вам это, чтобы вы вдруг не подумали плохо о начальнике На и не обошлись с ним несправедливо. Пункт под номером четыре очень важен. Тот, кто ударил ножом сонбэ Ким Инчхона, не был членом «Вонсудочжан». И должен заметить, что для вас, президент, это большое счастье.

— Почему это большое счастье для меня?

— Потому что, если бы это были люди из «Вонсудочжан», полиция могла бы предположить, что за спиной убийцы, вероятно, стоите вы. Учитывая, что у нас имеется еще и подстрекательство к убийству Пэ Донхуна, вам в любом случае не избежать обвинения в том, что вы — заказчик убийства. Извините, я совсем упустил это из виду.

— Кто же тогда нанес удар ножом?

— Это был Ли Ёнмин.

— Это пункт номер пять?

— Нет, это все еще четвертый пункт. Это связанные истории. А пятым номером у нас другая история. Вы в курсе, чем я занимаюсь?

— Делитингом, как я слышал.

— Да, верно. Госпожа Ха Юми и господин Ли Ёнмин были моими клиентами.

— Госпожа Хан Юми предлагала мне присоединиться к ней. Она утверждала, что таким образом я узнаю, что является самым важным для меня в этой жизни.

— Присоединяйтесь хотя бы сейчас.

— То есть пункт номер пять — это предложение застраховаться?

— Нет, что вы.

— Я уже знаю, что является самым важным для меня. Я был впечатлен, когда услышал рассказ о делитинге. Подумал еще, что вы нашли хорошую нишу на рынке. Потому что у любого человека есть хотя бы одна вещь, которую он хочет ликвидировать.

— Когда работаешь, используя незаконные методы, наверняка есть вещи, которые хочется уничтожить навсегда.

— Да, чтобы заниматься делитингом, вам, вероятно, приходится делать много незаконного. Например, незаконно проникать в дома, скрывать информацию от полиции...

— Вы, господин президент, тоже наверняка связаны с чем-то незаконным.

— Конечно, я не знаю законы столь досконально, как вы. Возможно, я более близок к незаконному, чем вы. Но ведь вы, господин Ку Дончи, хорошо зная законы, используете это знание в своих интересах. Разве это не разновидность незаконности?

— Ну, что касается меня, скажем так: я играю на грани законности и незаконности.

— Если я заключу договор на делитинг, у меня есть только одна вещь, которую я хотел бы попросить уничтожить.

— Что это? Татуировка дракона на спине? — улыбнулся Ку Дончи.

— Нет, ничего подобного, нет, — рассмеялся Чон Ильсу. — У меня есть блокнот, каждый день я делаю в нем одну запись. Было бы хорошо, если бы кто-нибудь уничтожил его, когда со мной что-то случится. Каждый день, открывая его, я вспоминаю прошедший день. Постороннему от этого блокнота никакой пользы. В ней нет секретных записей, просто сентенции, о смысле которых знаю лишь я один. Скажите, многие ли просят уничтожить подобное? Блокнот не причинит никому вреда, просто мне не хочется, чтобы он достался кому-то чужому.

— Вы знаете, что господин Ли Ёнмин вписал в список делитинга?

— Откуда я могу знать об этом?

— Внешний жесткий диск, находящийся дома.

— Правда?

— Мне любопытно, что там находится. Разве вам не интересно узнать, господин президент?

— Если вы делитер, разве вы не обязаны хранить такую тайну?

— Конечно, обязан.

— Тогда почему вы говорите мне о таких вещах?

— Потому что я вскоре перестану заниматься дели-тингом.

— Но почему?

— Голова становится слишком мягкой.

— Что это еще за метафора?

— Раньше я думал, что смогу думать правильно и поступать справедливо. Но со временем постепенно стал понимать, что не могу определить, что правильно, а что нет. Если выразиться точнее, голова стала не «мягкой», а «мутной».

— Я не вполне понимаю, что вы имеете в виду.

— Представьте себе очень глубокий колодец. Он настолько глубокий, что невозможно определить его глубину. Однажды я, проходя мимо, без всякой причины бросил в него камень. Я долго ждал, но всплеска воды так и не услышал. Потеряв интерес, я отправился дальше. Другие люди, проходя мимо колодца, тоже бросали в него по одному камню. У них, наверно, как и у меня, не было особых причины это делать. Возможно, их дразнила глубина. Однажды, проходя мимо колодца, я услышал всплеск. Невозможно было определить, чей камень достиг воды. Может, это был камень, который я бросил несколько дней назад, или камень, который кто-то бросил утром. Однако звук походил на тот, какой я ожидал услышать, бросая свой камень. Бросив его в колодец, я уже не вправе отрицать, что услышанный звук мог образоваться от столкновения именно моего камня с поверхностью воды.

— Вы так считаете?

— Когда я думаю о сонбэ Ким Инчхоне, сердце отзывается болью. Это уже не метафора, это на самом деле так. Как вы думаете, его сознание еще живо? О чем он думает? Я не знаю, насколько глубок колодец сознания, но мне хочется связать самую длинную веревку в мире и, спустившись с ее помощью, вытащить оттуда сонбэ Ким Инчхона. Да, понимаю, это нереально, колодец слишком глубокий. Даже если спуститься, невозможно будет вернуться обратно. Даже если я смогу достать тот камень, это ничего не даст. Всплеск уже прозвучал.

— Интересная история, — задумчиво проговорил Чон Ильсу. По его внешнему виду невозможно было понять, разгадал ли он скрытый смысл метафоры.

— Как вы собираетесь поступить с Ли Ёнмином? — спросил Ку Дончи, глядя на Чон Ильсу в упор.

— Не знаю. Если планшет окажется у меня, у меня не будет причины его трогать. Конечно, я зол на Ли Ёнмина, но если он вернет эту вещь, оставлю его в покое.

— Как насчет такого предложения? — сказал Ку Дончи и, достав из сумки планшетный компьютер, положил его на стол. Дисплей планшета отразил свет флуоресцентной лампы, закрепленной на потолке.

— Я готов выслушать ваше предложение, — сказал Чон Ильсу и, словно отодвигаясь от планшета, откинулся назад на спинку кресла.

— Вот вам сто тысяч, — сказал Ку Дончи и пододвинул планшет к президенту.

— И что вы хотите взамен? — спросил Чон Ильсу, не меняя позы.

— А как вы думаете?

— Вам нужны деньги?

— Нет.

— Тогда я не понимаю, что могу сделать для вас.

— Вы знаете, как лучше всего поступить с Ли Ёнмином?

— Вы хотите, что я запачкал руки кровью?

— Нет, крови я не хочу. Я хочу, чтобы вы сделали ровно то, что вы можете сделать.

— Если вы хотите, я могу пролить кровь. Потому что ее можно сразу смыть.

— У меня есть доказательства, которые нужно передать полиции.

— Если вы передадите их полиции, это усложнит нашу с вами жизнь.

— Вот почему я пришел сюда. Я хочу посоветоваться с вами, господин президент.

— Имея планшетный компьютер и доказательства, позволяющие поймать Ли Ёнмина, вы ведь могли бы пойти прямо в полицию. По какой причине вы пришли ко мне?

— Колодец слишком глубокий, требуется долгое время, чтобы камень достиг воды, — образно сказал Ку Дончи.

— Да, слишком глубокий... — медленно произнес Чон Ильсу.

— Вам не по душе мое предложение?

— Мне кажется, что это дело не имеет ничего общего с душой. Конечно, я должен принять ваше предложение без всяких условий. Если вдруг понадобится моя помощь, сообщите мне.

— Да, я все тщательно обдумую.

— Теперь у вас больше нет вопросов?

— Больше нет, но можно сказать, что это только начало.

— Я сожалею, что приказал устроить пожар в районе.

— Вы извиняетесь?

— Можно сказать и так.

У Ку Дончи в кармане завибрировал телефон. Было предчувствие, что пришла плохая новость. Это оказалось текстовое сообщение, а не телефонный звонок.

В тот момент, когда Ку Дончи увидел имя «Ким Инчхон» и несколько цифр, он закрыл глаза. Даже не читая сообщение, он уже знал его содержание. Ему хотелось хоть какое-то время находиться как можно дальше от осознания страшного факта, неотвратимо надвигавшегося на него. Ку Дончи сунул телефон в карман. Где-то в глубине души внезапно родилось слово «нет». Простое слово «нет», разделившееся на бесчисленное множество копий, распространившихся по всему телу. Нет, нет, нет, теперь нигде его нет. Глубокий колодец закрылся. Закрылся навсегда. Ку Дончи крепко стиснул зубы, подбородок продолжал мелко вздрагивать. Чтобы изо рта ничего не просочилось: ни стоны, ни тяжелого вздоха, ни плача, ни крика, чтобы ничего вышло, он закрыл его руками.

— Что-то случилось? — спросил Чон Ильсу после продолжительной паузы, с недоумением глядя на него.

— Сообщили, что он умер, — внешне спокойно сказал Ку Дончи, насколько возможно, но на последнем слове голос ему изменил.

— Ужасно. Я буду молиться за душу покойного, — сказал Чон Ильсу, выпрямляясь. Но его слова не доходили до ушей Ку Дончи. Толстая оболочка, сотканная из воспоминаний, слов, голосов, пейзажей и звуков, наглухо облепила его.

Он молча попрощался взглядом с Чон Ильсу и, забрав со стола планшет, поднялся. Просторный кабинет казался

огромнее, чем раньше. Ему казалось, что он идет в пустыне по зыбучему песку.

— Да, кстати, я надеюсь, что вы не делали экранной копии? — громко спросил Чон Ильсу, глядя вслед ему.

Ку Дончи, не оглядываясь, кивнул. «Ким Инчхона больше нет. Его нет. Нет», — крутилось в голове.

Ку Дончи отправился туда, где сонбэ уже не было и никогда больше не будет — в криминальный отдел полиции.

29

Нижний выдвижной ящик письменного стола Ким Инчхона был заперт. Ку Дончи с силой рванул его, выдрав замок с мясом. Находившиеся вокруг полицейские молчали, лишь растерянно смотрели на него. Он забрал из стола кипу бумаги и записную книжку. Пачка бумаги была давешним сочинением, которое он уже читал, а в записной книжке, судя по заполненности страниц, похоже, был новый опус — «Дело об убийстве, основанное на представлении себя убийцей». С «романом» и записной книжкой Ку Дончи покинул полицейский участок. Никто его не остановил и ни о чем не спросил.

Ку Дончи сел в машину и открыл записную книжку. В этом произведении по-прежнему главным героем был полицейский, который смачно ругался. Брань, часто отборная, составляла половину всех диалогов. Первая сцена описывала допрос подозреваемого. Ким Инчхон пользовался той же лексикой, что и в повседневной жизни, включая любимые словечки. Временами Ку Дончи казалось, что он слышит и видит сонбэ наяву. В кафе, когда они виделись в последний раз, Ким Инчхон, улыбаясь, сказал: «Если возникнет какое-нибудь дело, сразу звони». Ку Дончи тогда раздраженно ответил: «Сонбэ, вы опять говорите пустое. Разве у нас есть время звонить, когда возникает какое-нибудь срочное дело?» А потом, уже уходя, услышал: «Будь осторожен». Он тогда ушел, не оглядываясь, ничего не ответив. Сейчас он не мог себе простить, что не оглянулся тогда и не ответил. Это ведь было так просто. Он мог оглянуться и сказать: «Да, сонбэ, вы тоже будьте осторожны». Он вспомнил, что даже когда позвонил ему в последний

раз, как-то сухо закончил разговор. Сейчас он жалел, что так и не сказал тогда слова, которые вертелись на языке. «Будьте осторожны, я всегда благодарен вам, я вас уважаю, сонбэ». В большинстве случаев люди говорят последние слова, не ведая, что они — последние. Ему казалось, что он отправил Ким Инчхона в иной мир без последнего напутствия. Он не мог читать сочинение дальше, не в силах был читать, потому что в нем был Ким Инчхон.

Ку Дончи тронулся с места и поехал в больницу. Ким Инчхон, вероятно, станет его последним клиентом в качестве делитера. Холодный ветер, влетавший в окно, высушил слезы. Тени зданий пролегли перед быстро едущей машиной, постепенно становясь все длиннее. Глядя на них, он ощущал, как быстро летит время. Казалось, что длинная тень воскресенья уже соприкасается с понедельником. Автомобиль быстро ехал сквозь время.

30

Тихо падал снег. Мириады снежинок, словно крадучись, спускались вниз. Ку Дончи, слушая арию, смотрел на снег. Голос певца и снежный пейзаж хорошо сочетались друг с другом.

Он перевел взгляд на заснеженную дорогу. В первый день нового года прохожих почти не видеть, следов на снегу тоже мало. Это было время, когда провожавшие последний день уходящего года спали глубоким сном, а те, кто ждал новогоднего утра, еще не проснулись. Ку Дончи, проснувшись посреди ночи, начал уничтожать тайны других людей. Бумаги отправлялись в шредер, а на CD и DVD наносились ножом глубокие царапины, чтобы их невозможно было прочитать. Тайны, ставшие мусором, горкой лежали в углу офиса. Усевшись за письменный стол, Ку Дончи раскрыл купленный накануне новый календарь. Было первое января, понедельник, прошел ровно месяц, как умер Ким Инчхон.

После его смерти Ку Дончи встречался со своими клиентами. Узнав, что он больше не занимается делитингом, они пугались, словно их тайны стали уже известны другим. Он приносил извинения, даже обещал свести с надежными

делитерами. Клиенты безропотно признавали расторжение контракта. А что им еще оставалось?

За пятнадцать дней Ку Дончи расторг все контракты, кроме одного. У него на душе стало одновременно легко и тяжело. Он даже не представлял себе, чем он будет заниматься в будущем, но было ясно: что-то изменится. Если меняется состояние души, значит, остальное тоже будет меняться. Он искренне верил в это и надеялся, что вскоре появится новая работа.

Ку Дончи решил изменить положение своего письменного стола. Он развернул письменный стол на сто восемьдесят градусов и передвинул к стене под окном. Он решил теперь сидеть не спиной, а лицом к окну. Усевшись в кресло, он положил ноги на стол. Теперь со своего места мог спокойно наблюдать картину падающего снега.

Когда он, глядя на снегопад, задремал, кто-то постучал в дверь. Ку Дончи открыл глаза и убавил звук «Одноглазки». Снова раздался стук. Он нехотя спустил ноги со столешницы и, подойдя к двери, отпер ее.

— Я думала, что вы уже проснулись, — сказала Чон Союн, стоявшая за дверью со снежинками на голове и плечах.

— Что вы делаете здесь в такое время? — сказал Ку Дончи, с трудом сдерживая желание протянуть руку и стряхнуть снежинки с ее головы и плеч.

— Вы не предложите мне войти?

— В офисе немного не прибрано.

— Поэтому вы предлагаете мне просто развернуться и уйти?

— Пойдите здесь, подождите немного, — велел Ку Дончи и, закрыв за собой дверь, быстро переложил тайны, уже ставшие мусором, в пластиковые пакеты.

Тайн набралось на три больших пакета. Закончив с уборкой, он снова открыл дверь. Она стояла и терпеливо ждала. Снежинки на голове и плечах Чон Союн уже растаяли и превратились в капельки воды.

— Входите.

— Спасибо.

Места перед столом уже не было, поэтому Ку Дончи предложил ей свое кресло, а сам уселся рядом на складной стул. Они оба смотрели в окно. Ему показалось, что падающие снежинки стали крупнее.

— Снегопад усиливается. Он, наверно, скроет все следы госпожи Союн.

— Это хорошо.

— Почему?

— Потому что исчезнут доказательства, что я приходила сюда. Даже если вы убьете меня, и я исчезну, не останется следов, — она пошутила, но лицо ее было серьезным.

— Ну вы даете. Вы что, думаете, убить человека так легко? — рассмеялся ее шутке Ку Дончи.

— Мне кажется, легко.

— А как насчет отпечатков пальцев и трупа?

— Спасибо за фотографии, — сказала она, резко переводя разговор на другую тему.

— Не за что.

— Что вы сделали с жестким диском?

— Видите, вон там лежат три пакета для мусора. Я разбил его на мелкие части и разложил по разным пакетам.

— Я не верю.

— На этот раз я говорю правду.

— Вы хотите сказать, что скопировали только те фотографии, а затем разбили диск?

— Да, я вернул их, потому что мне показалось, что они не принадлежат ни вам, ни вашему отцу. Все остальное содержимое действительно погибло вместе с диском.

— Почему отец попросил вас уничтожить жесткий диск? Что там такого было? Господин Дончи, вы видели все, что там находилось, верно?

— Нет. Я просто переписал те фотографии, остальное я не просматривал.

— Лжете.

— Я не лгу.

— Вы лгали мне и раньше, не помните?

— В этот раз не лгу.

— Хорошо.

— Забудьте о жестком диске.

— Хорошо, забуду. Спасибо за фотографии.

— Виды Галапагоса были прекрасны.

— Так вы видели фотографии?

— Да, копируя, я увидел несколько фотографий. Тамошний мир совершенно не похож на наш.

— Верно. Когда я смотрела на них, мне казалось, что я перенеслась в далекое прошлое на тысячи лет назад... Тогда отец был жив... Теперь это действительно стало далеким прошлым.

Ку Дончи повернул голову и посмотрел на ее профиль. Между слегка приоткрытыми губами дыхание выходило изо рта в виде слабого пара. Несколько секунд он внимательно смотрел на ее профиль, обращенный в сторону падающего снега. Ее взгляд, который, казалось, отправился путешествовать в далекое прошлое, вернулся в настоящее.

— Я должна уйти, пока все не замело.

— Вы откажетесь от мысли убить меня? — с серьезным видом пошутил Ку Дончи.

— Я оставлю вас в живых, но впредь буду постоянно мучить. Да, а это вам подарок, — сказала Чон Союн, улыбнувшись глазами, и передала ему пухлый фотоальбом, в котором было несколько сотен фотографий.

— Что это? — с удивлением спросил он, принимая его.

— Я восстановила фотографии людей из деревни К. — помните, я говорила о них? Среди них есть и сохраненные вами фотографии, господин Дончи.

Ку Дончи стал просматривать альбом, страницу за страницей. Фотографии были небольшими по размеру, но лица на них были четкими. Это были снимки, которые люди наверняка хотели бы сохранить. Он медленно переворачивал страницы. На фотографиях были запечатлены разные люди с разными выражениями лиц. Они смеялись, гримасничали, сердились, радовались.

— Мне нравится, — одобрительно сказал Ку Дончи.

— Что именно? — спросила Чон Союн.

— Мне нравится просто смотреть на них.

— Да, вы сильно изменились. Раньше вы бы спросили меня: «Будете ли вы радоваться, если я восстановлю фотографии?» — улыбаясь, сказала Чон Союн и, словно ребенок, с озорным выражением постучала Ку Дончи по спине.

Он, не обращая на это никакого внимания, спокойно продолжал листать альбом. Он просматривал фотографии, словно что-то искал. Иногда он даже улыбался. Чон Союн смотрела на него. Тем временем снегопад продолжался, дорога постепенно исчезала под снегом. Когда она встала со стула, Ку Дончи оторвался от альбома и спросил:

— Вы уходите?

— Надо идти, — ответила Чон Союн. И протянула руку для прощального рукопожатия. Он пожал ее с небольшим сожалением в душе.

— Вы пришли ко мне, только чтобы вручить фотоальбом?

— Можно и так сказать. Я хотела сделать фотоальбом и подарить его вам, чтобы вам стало стыдно за жесткий диск. Хотя это и незаконно. Ведь я согласия тех людей из деревни К. на использование снимков не получала.

— Мне-то за что такой подарок? Делитинг — изначально незаконная профессия.

— Вы прекрасно все понимаете. Да, кстати, вы видели в газете статью о деревне К. с фотографиями? В отличие от того, что я предполагала, они восприняты читателями положительно.

— Спасибо за комплимент, пусть и в такой форме.

— Я сказала это вам в утешение потому, что видеть такое трагическое выражение у вас на лице непривычно. Вы похожи на совершенно другого человека.

— И нечего надо мной смеяться. В конце концов, я поспособствовал публикации.

— У вас все хорошо?

— Я в начале нового этапа.

— Будьте осторожны, — мягко сказала Чон Союн и обняла Ку Дончи.

— Да, буду осторожен, — сказал Ку Дончи и тоже обнял ее.

— Я действительно ухожу, — сказала она и, открыв дверь, пошла.

Лестница была влажной. Интернет-кафе на третьем этаже уже закрылось. Дверь спортзала для занятий хапкидо на втором этаже была еще закрыта. Закрыт был и хозяйственный магазин на первом этаже. Снегопад снаружи продолжался. Чон Союн застегнула замок-молнию на зимней куртке, подняла воротник и осторожно пошла, глядя под ноги. Пройдя несколько шагов, она остановилась и взглянула на четвертый этаж, но отсюда было не разглядеть, смотрит ли вниз Ку Дончи. Она осторожно ступала по снегу, оставляя за собой четкие следы. На большой плакат рядом с хозяйственным магазином тоже налип снег, будто тщась скрыть слова «реконструкция» и «категорически против», написанные крас-

ным цветом. Каждый шаг сопровождался приятным поскрипыванием. Там и тут виднелись фигуры людей, подметающих перед подъездами. «Снег скоро растает», — мелькнуло у нее в голове. Ей вдруг захотелось упасть в снег. Толстый снежный покров смягчил бы удар, больно бы не было. Она выбрала ровное место, оглянувшись, широко раскинула руки в стороны и упала спиной в снег. Больно не было, вверху нависало серое небо. Ей казалось, что все снежинки летели к ней. Они выглядели мягкими и теплыми, но вскоре спине стало холодно. Чон Союн поднялась и, отряхнув снег, снова пошла. Пройдя несколько шагов, она оглянувшись, контуры ее тела на том месте, где она лежала, ясно выделялись на снегу. У нее было такое чувство, что она уходила, оставив свою тень на снегу. Стараясь не подскользнуться, она осторожно пошла вперед.

* * *

Ку Дончи рассеянно смотрел на дорожный чемодан, стоящий на железном письменном столе. Когда он положил в него пять пар носков, пять трусов, две черные футболки, джинсовые брюки — оказалось, что больше класть нечего. Уложенные вещи не занимали даже четверти объема. Он вынул одежду из чемодана и переложил их в сумку-рюкзак. Но и в рюкзаке оставалось свободное место. Он огляделся вокруг, ища, что бы еще положить в него, но ничего на глаза не попадалось. Он даже не мог вспомнить, какая вещь еще нужна. Впрочем, даже если она вспомнится потом, ее можно будет купить на месте. А в дорогу достаточно купить в книжном магазине журнал или детектив и на том завершить подготовку к поездке.

Он достал из шкафа синюю зимнюю куртку и разложил ее на столе. Он хорошо помнил тот день, когда ее приобрел. Когда он увидел ее в витрине, на него нахлынули детские воспоминания. Он купил ее, даже не примеряя. Эта куртка была почти такой же, как у отца. Они были очень похожи: совпадали форма карманов, капюшон, отороченный мехом, даже цвет.

Отец носил куртку не сказать что бережно. Возможно, это было связано с его работой. Карманы его куртки всегда были набиты всякой всячиной, а из кармашка на

левом рукаве вечно торчала шариковая ручка. Отец очень ценил, что в куртке много карманов. Часто боковой карман оттопыривала бутылка с водой или инструменты. Ку Дончи помнил, как однажды отец достал из левого нагрудного кармана куртки шоколадку и котлету и отдал их ему. В детстве он всегда завидовал куртке отца. Тогда ему казалось, что в отцовской куртке скрывалось много тайн. Однажды, когда он влез в отцовскую куртку, ему показалось, что у него тоже появились тайны, а он сам на миг превратился во взрослого.

В отличие от отца, Ку Дончи не любил носить вещи в карманах. Ему не нравилось, когда карманы топорщились и со временем растягивались. Даже покупая одежду с большим количеством карманов, он не использовал их. Разве что боковые в разгар зимы, когда мерзли руки. В мороз, сунув обе руки в большие карманы, он чувствовал себя необычайно хорошо. Сначала возникало ощущение, словно он входит в холодную пустую комнату. В середине комнаты, где выключен бойлер, все было холодным, словно он сидел не на подушке, а на голом полу. Ему казалось, что он воочию видит, как между пальцами просачивается тепло, как от дыхания. Когда холодный воздух в кармане прогревался, онемевшие руки медленно оттаивали, комната становилась необычно уютной и уже не казалась пустой.

Ку Дончи был рад тому, что для выполнения последней работы ему придется лететь в Норвегию. Ему хотелось повидать далекую холодную страну, которая находилась так далеко от Кореи. По мере приближения к аэропорту люди в автобусе крепко сжимали ручки чемоданов и сумок, словно последнюю память о доме. В небе виднелись несколько самолетов.

* * *

Ку Дончи стоял в книжном магазине аэропорта и пролистывал страницы детектива. Время, уходящее на чтение подобной литературы, для него было временем для саморазвития и учебы. Превратившись в одного из персонажей, он вместе с главным героем решал задачи и ловил преступника. Ку Дончи пролистал несколько книг, но пока не нашел ничего, вызывающего интерес. В конце концов он

остановился на самой объемистой из новинок, надеясь, что сюжет будет достаточно замысловатым.

Он специально не стал брать за книгу в зале ожидания. Если с первых страниц она окажется неинтересной, придется бежать в книжный магазин и выбирать что-нибудь другое. Он решил начать читать ее, лишь когда самолет будет в воздухе. Чтобы усилить актуальность событий в романе, надо сделать так, чтобы нельзя было поменять книгу.

Он сел в одно из кресел в зале ожидания и решил обдумать свои шаги по прилете в Норвегию. Объектом делитинга являлась одна фотография. Клиентом был крайне немногословный мужчина лет сорока. У него была привычка хмуриться, четкие морщины окружали его рот, словно хотели защитить его. Глядя на клиента, возникало впечатление, что все части его лица затвердели и стали жесткими. Морщины, застывшее выражение лица — казалось, время оставило на нем свой отпечаток.

— Я хочу уничтожить одну фотографию, — с ходу изложил суть некий мужчина, появившийся в офисе за два дня до Рождества.

— Расскажите подробнее, — вежливо сказал Ку Дончи, приглашая сесть.

— Я хочу уничтожить эту фотографию, — сказал мужчина и передал ему снимок.

Кажется, это было семейное фото. Отец и мать стояли сзади, а спереди на двух стульях сидели рядом юноша лет семнадцати и маленькая девочка.

— Где находится эта фотография?

— Она сейчас в Норвегии.

— Вы хотите сказать, что точно такая же фотография находится в Норвегии?

— Да.

— Почему вы хотите избавиться от нее?

— Я должен рассказать о причине?

— Вы сейчас пришли сюда, чтобы попросить меня выполнить незаконную работу. Вы должны объяснить хотя бы причину, тогда у меня появится стимул.

— Я слышал, что вы беретесь за делитинг, не интересуясь мотивами.

— Так было раньше.

— А теперь?

Ку Дончи вместо ответа вновь взглянул на снимок. Снято в фотостудии, у всех четверых были невыразительные и бесстрастные лица. С такими снимаются на документы. Именно из-за этой бесстрастности Ку Дончи захотелось узнать поподробнее об этих людях: какие отношения были между отцом и матерью, между детьми и родителями, о чем думали юноша и девочка, как они росли?

— Чтобы жить в Норвегии, наверно, нужно иметь много денег? — спросил Ку Дончи, положив фотографию на письменный стол.

— Деньги не имеют значения, — сказал мужчина, нервно постукивая пальцами правой руки по тыльной стороне левой.

— Наверно, есть какая-то причина, по которой вы сами не хотите поехать, — вежливо сказал Ку Дончи, глядя иско-са на него.

— Наверно, есть, — с раздражением ответил мужчина.

— Хорошо. Давайте подпишем контракт. Мне требуется аванс на дорожные расходы, проживание и питание, остальную сумму я попрошу выплатить по возвращении.

— Этого должно хватить вам с лихвой. Если не хватит, скажете, — сказал мужчина и протянул конверт.

Конверт был тонким, но можно было догадаться, что в нем находится огромная сумма. Внутри конверта вместе с чеком лежала записка с адресом в Норвегии и еще одна фотография с неким мужчиной.

— А это что за снимок? — спросил Ку Дончи.

— Это человек, у которого хранится фотография, — ответил мужчина.

Было ясно, что мужчина на второй фотографии — отец из семейного снимка. Он больше не стал задавать вопросов.

Удобно устроившись в кресле, Ку Дончи стал разглядывать карту Норвегии. Это была страна, куда он скоро прибудет. Он попробовал прочитать длинные названия городов и местностей: Осло, Берген, Ставангер, Олесунн... Все эти названия были незнакомы. Он подумал, что это очень далекая от Кореи страна. Ку Дончи положил карту в сумку-рюкзак и сунул руки в карманы куртки. В них по-прежнему было ощущение холодной пустой комнаты. Он знал лучше, чем кто-либо, какое настроение охватывает, когдаходишь в такую комнату. Он хорошо знал о пустой

и холодной комнате, в которой никто не ждет тебя, где ты должен жить, обогреваясь только теплом своего тела. Это была знакомая комната, хорошо знакомое одиночество. За большим окном виднелся самолет, который неторопливо полз по взлетной полосе.

Ку Дончи не любил путешествовать, но ему очень нравился взлет, когда самолет постепенно наращивает скорость на земле и, наконец, резко взмывает в небо. Беспокойство и восхищение от осознания того, что под тобой ничего нет, кроме пустоты, сливались воедино, заставляя сердце биться чаще.

Вскоре после взлета захотелось спать. Глядя через маленький иллюминатор на линию горизонта, он смежил веки.

Он открыл глаза. Часы быстро скрывались за хвостом самолета. Размышляя о том, совпадает ли направление полета самолета с направлением вращения Земли или нет, Ку Дончи снова заснул. Проснувшись и мельком взглянув на соседа, он подумал, что где-то уже видел лицо этого человека. «Кто же сел рядом?» — думая так, он снова заснул. Когда проснулся, на задней стороне переднего сиденья был наклеен стикер. На нем было написано: «Если вы хотите поесть, позвоните стюардессе». Странно, но у него не было чувства голода. Он оторвал стикер и, крепко сжав его в руке, снова заснул — на этот раз крепким сном. Такой глубокий сон объял его впервые за долгое время.

* * *

В Норвегии было не так холодно, как он предполагал. Он был одет только в черную футболку с джинсами, шерстяной свитер и зимнюю куртку, но вытерпеть холод можно было. Он не мог сравнить нынешнюю зиму Норвегии с предыдущими, не мог подтвердить истинность потепления климата.

Ку Дончи решил, не теряя времени, сразу отправиться по указанному в записке адресу. Он рассчитывал побыстрее покончить с делами, а затем посмотреть фьорды. Он вспомнил, как кто-то, впервые увидев фьорды, сказал: «Если вы окажетесь там, у вас будет такое ощущение, словно вы на машине времени переместились в ледниковый период. Необычайно красивое место». Он остановил такси и показал таксисту адрес.

То, что он умеет делать лучше, чем кто-либо другой в этом мире, — это ждать. Если вообразить место, где горой сложено время, потраченное им на ожидание, что кто-то объявится у закрытой двери, и время ожидания в безлюдном месте появления кого-то, это была бы чрезвычайно высокая гора. Он не терял терпения, когда надо было ждать и наблюдать в течение длительного времени. Ему не было скучно следить за тем, как тени удлинялись, затем укорачивались и снова удлинялись, как возникали кошки на дороге и исчезали. Он не уставал, наблюдая, как танцевал в небе полиэтиленовый пакет, подхваченный ветром, как некий человек переходил с левой стороны на правую, затем, возвращаясь откуда-то, переходил с правой стороны на левую. В Норвегии он тоже не скучал. Он прибыл в пункт назначения и сел в кафе напротив дома, указанного в адресе. Раскрыв купленный в книжном магазине аэропорта детективный роман, он все время посматривал на коричневое здание через дорогу. Люди бесконечно проходили перед ним.

На лицах людей, проходивших по улице, чувствовалась энергия нового года. Их лица были охвачены взволнованностью и решимостью. Время снова убыстрилось. Ку Дончи подумал, что вид бесконечного людского потока чем-то похож на течение времени. Время, оказывается, идет вот так — с отрешенным лицом, помахивая руками в такт шагов и повиливая задом. Глядя на идущих людей, Ку Дончи почувствовал облегчение. Время в конце концов пройдет, и все закончится, а отчаяние от того, что мы никогда не сможем повернуть его вспять, сменится на облегчение. Когда нет возможности повернуть время вспять, люди вынужденно становятся счастливыми.

Вечер настал так быстро, словно он прятался где-то поблизости и внезапно явил себя во всей красе. Он думал, что темнеть будет постепенно, но вокруг в одно мгновение пала ночь. Официант сказал, что кафе закрывается в восемь вечера. Ку Дончи заказал еще чашку кофе и спросил его про местонахождение ближайшего отеля. Официант сказал, что неподалеку есть дешевая гостиница. И в тот момент, когда он собрался пригубить принесенный официантом горячий кофе, появился объект. Это точно был тот мужчина с семейной фотографии. Мужчина был не один. Он входил в дом вместе с девушкой, выглядевшей намного моложе. Ку Дон-

чи попробовал угадать навскидку статус мужчины и девушки и характер их отношений, но не преуспел. Он отпил кофе и закрыл книгу, заложив на первой странице.

Войдя в гостиницу, Ку Дончи осмотрелся. Портье изобразил раскрытые радушные объятия и что-то произнес, видимо, приветствуя. Ку Дончи попросил самый дешевый номер. Портье, что-то говоря, провел его в угловой номер. Казалось, тут имелось все, что необходимо: ванна, письменный стол, платяной шкаф и даже сейф. Но чего-то не хватало. Он лег на кровать и раскрыл роман, по-прежнему на первой странице. Он прочитал всего две строчки и сразу понял, чего не хватало в гостиничном номере. На первой странице было такое предложение.

Как только он открыл дверь, то почувствовал запах крови. Явно хранивший враждебность, он атаковал его. Несмотря на то, что окно было открыто, запах крови еще не выветрился.

В гостиничном номере не было окна. В этом, вероятно, и заключалась причина дешевизны. Ку Дончи закрыл книгу и вытянулся на кровати, затем выключил лампу, стоявшую рядом с кроватью, в комнате стало совершенно темно. Это была абсолютная темнота, в которой ничего не было видно. Ему показалось, что откуда-то издалека доносятся звуки, похожие на человеческие голоса. Гостиничный номер ощущался как гроб. Ему казалось, что он похоронен в земле, заключенный в гробу, а люди громко говорили на поверхности. Он попробовал прислушаться к голосам. Слов было не разобрать, но язык явно был иностранный. Он закрыл глаза, все вокруг постепенно отдалялось в бесконечность: голоса, ощущения, потолок...

* * *

На следующий день Ку Дончи снова отправился в кафе. Сидя на том же месте, он раскрыл роман. На это раз мужчина показался сразу. Он, выйдя из дома, несколько раз оглянулся по сторонам и пошел в сторону побережья. Ку Дончи закрыл книгу, следовало быстро определиться: идти за ним или проникнуть в его дом и перевернуть там все

вверх дном в поисках фотографии. Однако сохранялась вероятность, что вошедшая вчера вместе с ним девушка все еще могла находиться дома. Он не знал наверняка причины, по которой клиент попросил его уничтожить фотографию, но было очевидно, что она была важным связующим звеном между клиентом и этим мужчиной. Если фотография — такая важная вещь, велика вероятность того, что он носит ее с собой. Подумав немного, он решил идти за мужчиной.

Ку Дончи следовал, отстав от него настолько далеко, насколько это возможно. Мужчина шел не спеша, засунув руки в карманы пальто. Он слегка хромал, привлекая правую ногу, и из-за этого шел в удивительном ритме. Казалось, что он идет, чертя подошвой ботинка пунктир на мостовой. Конец обмотанного вокруг шеи шарфа, перекинутый назад, покачиваясь, подчеркивал ритм. Ку Дончи, засунув руки в карманы зимней куртки, шагал по проведенному мужчиной пунктиру. Местом, куда они пришли, оказалась пристань для экскурсионного парохода, отплывавшего во фьорды. С другой стороны пристани находился железнодорожный вокзал, откуда отправлялись поезда в горы.

Людей на пристани было мало. Около пятидесяти человек, в основном, очевидно, туристы, сидя в зале ожидания, ждали пароход. Среди них пальто мужчины особенно бросалось в глаза. Ку Дончи затерялся среди туристов, его внешний вид с сумкой-рюкзаком за спиной точно соответствовал образу туриста. Спрятавшись среди них, он стал наблюдать за мужчиной, который сидел у окна и неотрывно смотрел куда-то вдаль. Ку Дончи не мог понять: смотрит ли он на заснеженное ущелье или на бескрайнее море. Вскоре прибыл экскурсионный пароход, и он вслед за мужчиной поднялся на борт.

У входа во фьорд Ку Дончи показалось, что он направляется в пасть огромного животного. Небольшой пароходик словно съезжился, подавленный красотой окружающего пейзажа. Туристы, подняв головы вверх и раскрыв рты, смотрели на заснеженное ущелье. Он тоже смотрел, ошеломленный. Даже применив слово «гигантский», нельзя было объяснить и толику окружавшего пейзажа. Величественность, которую невозможно описать словами, обступала пароход со всех сторон. Отвесные склоны ущелья.

Видевшиеся повсюду пятна льда, словно множество глаз неприветливо следило за людьми.

Пока Ку Дончи на мгновение отвлекся, разглядывая ущелье, мужчина исчез, в салоне его тоже не было видно. Ку Дончи поспешил на корму. Мужчина стоял, оперевшись на перила, и внимательно смотрел на бурлящую белую пену, похожую на длинный хвост, тянущийся за пароходом. В тот момент, когда Ку Дончи, успокоившись, снова собрался возобновить наблюдение, мужчина повернул голову в его сторону и внимательно посмотрел на него, их взгляды встретились. Когда Ку Дончи, встретившись с ним глазами, слегка кивнув головой, собрался снова затеряться среди туристов, мужчина махнул ему рукой. В голове Ку Дончи перепутались и смешались тысячи разных мыслей. В тот момент, когда мужчина обнаружил его, он понял, что провалил дело. Отступать было некуда. Раз уж так получилось, ничего не оставалось, как встретиться лицом к лицу. Ку Дончи, изобретая на ходу отговорку, направился к нему. Однако он напрасно беспокоился.

— Здесь самые красивые пейзажи, — первым заговорил мужчина, когда он приблизился.

Ку Дончи ничего не ответил, а лишь молча смотрел поочередно то на мужчину, то на белую пену за кормой. Мужчина выглядел намного старше, чем на снимке, морщин на лице тоже было больше. Между его реальным обликом и образом на фотографии была разница минимум в десять лет.

— Люди любят смотреть на пейзаж с борта или носа парохода, но я думаю, лучшее место, чтобы хорошо рассмотреть фьорды, здесь — на корме. Я считаю, лучше смотреть на удаляющийся фьорд, чем на приближающийся. Вы согласны со мной? Красиво, правда?

— Да, красиво.

— Вы ведь здесь по просьбе моего сына?

— Что?

— Вы со вчерашнего дня следили за мной. Я видел, как вы сидели в том кафе.

— Вы видели меня?

— В этой стране нелегко встретить корейца. Если он появится здесь, ему негде скрыться. Чем вы занимаетесь?

— Что?

— Вы ведь прибыли с какой-то целью, верно? Что сказал вам сын? Он приказал убить меня? Это цель вашего приезда?

— Убить? Нет, что вы.

— Тогда зачем вы тут? Что вы собираетесь сделать со мной?

— Я здесь, чтобы передать вам от него пожелания крепкого здоровья и благополучия, — с серьезным видом сказал Ку Дончи, стараясь смягчить атмосферу неловкости.

Мужчина хмыкнул.

— Я вижу, вы умеете шутить. Он пожелал мне здоровья и благополучия? Он — мне? Он никогда так не поступит. Быстро говорите, зачем вы появились. Не будем напрасно тратить время друг друга.

Ку Дончи вытащил из кармана фотографию снятых вместе четырех человек.

— Вам знакома эта фотография?

— Знакома.

— Я получил просьбу уничтожить ее.

— Удивительно. Лететь в столь далекую страну для выполнения такой малости...

— Это моя работа.

— Вы частный детектив?

— Да.

— Он сказал вам, почему надо уничтожить эту фотографию?

— Я не услышал от него причины.

— Конечно, вам не нужно ее знать.

— Эта фотография сейчас у вас?

— Господин детектив, вы знаете, какова глубина фьорда? — сказал мужчина, не отвечая на вопрос, резко меняя тему разговора.

— Ну, не знаю, быть может, метров сто?

— Самая глубокая точка на дне фьорда находится на расстоянии одной тысячи трехсот метров от поверхности земли. Вы можете себе представить? Тысяча триста метров вниз.

— Да, глубоко.

— Сказать так — не сказать ничего. Чтобы достичь дна, потребуется много времени. Разве не удивительно, что мы находимся так близко к такой бездне? Мне иногда приходит мысль о том, как удивительно устроена Земля. Как возникла

вода, как появилась земля? Почему море широкое и глубокое? Вы знаете, господин детектив? Почему оно такое глубокое?

— Фотография у вас с собой? — сказал Ку Дончи, не желая отвлекаться на посторонние вещи, возвращаясь к разговору о фотографии.

— Естественно, она у меня. Я всегда ношу ее с собой.

— Позвольте мне выполнить свою работу.

— Если мой сын так хочет, я должен ее отдать. Если она так ему не нравится, если он так сильно не хочет вспоминать то время, надо ее уничтожить.

— Спасибо.

Мужчина вытащил из кармана пальто бумажник. Когда он открыл его, под виниловой пленкой показалась фотография. Он стал медленно водить по ней пальцем.

— Однако разве могу я отдать ее вам просто так? — сказал мужчина, с неохотой извлекая ее из-под винила.

— Если не можете отдать ее просто так, сложите пополам и отдайте в таком виде, — сказал, улыбаясь, Ку Дончи.

— А вы забавный, детектив. Вы, не выполнив работу, собираетесь получить деньги моего сына, верно?

— Вы беспокоитесь о своем сыне?

— Я человек, который не любит, когда деньги выбрасывают на ветер.

— Разве сейчас я не выполняю работу хорошо?

— Если я не отдам фотографию, что вы сделаете? Разве вы не вернетесь обратно и не обманете моего сына? Разве вы не получите деньги, солгав, что уничтожили фотографию?

— Я не какой-то там дилетант-любитель. Что бы ни случилось, я вернусь обратно, уничтожив эту фотографию.

— Ведь нет никакой разницы. Просто вернитесь и получите деньги, сказав, что уничтожили фотографию. Вы ничего не потеряете.

— Я потеряю доверие.

Мужчина засмеялся.

— А вы интересный человек. Хорошо. Тогда вы тоже выложите что-нибудь.

— Что значит «тоже выложите что-нибудь»?

— Разве не будет справедливо, если вы тоже что-то потеряете? Я выложу фотографию, вы тоже выложите что-то, что вам особенно дорого.

— Я не обладаю ничем, чем особенно дорожу.

— Когда ничем не обладаешь, легче найти дорогое.

Ку Дончи вытащил из сумки-рюкзака новый детективный роман.

— Этого достаточно? Это еще не прочитанный роман.

— Это для вас ценный роман?

— Я еще не прочитал его.

— Если вы не прочитали его, нет никакого способа узнать, ценный он или нет. Вы согласны со мной?

— Я прочел только первую страницу, но мне показалось, что содержание романа будет интересным.

— Не лгите, а выложите что-нибудь другое. Что вам не хочется терять?

— Такого нет.

— Разве такое возможно? Вы выглядите еще молодым.

Ку Дончи понял, что ему не хочется терять. Он вспомнил, но, желая притвориться, что не вспомнил, стал безразлично смотреть на снег, покрывший далекую гору.

— Я вижу, что вы что-то вспомнили, — сказал мужчина.

— Нет, не вспомнил, — ответил Ку Дончи.

— Что значит «нет»? Ваш взгляд, направленный на далекую гору, свидетельствует об обратном.

— Просто есть вещи, которые вспоминаются. Вы часто здесь бываете?

— Да, я часто приплываю сюда.

— Хорошо. Здесь создается такое ощущение, словно действительно плывешь во времени.

— Есть поверье, согласно которому, если бросить во фьорд свою самую ценную вещь, она не никогда исчезнет.

— Правда?

— Это шутка. Боже мой, разве такое может быть на самом деле? Если бы это было правдой, здесь все вокруг было бы переполнено мусором.

— Во всяком случае звучит правдоподобно.

— Что в ней правдоподобного? Если вы что-то считаете ценным, вы должны крепко прижать это к груди. Прижать так, чтобы оно никак не могло улететь.

Ку Дончи потянул вниз замок-молнию своей куртки. Переложив мобильный телефон и записную книжку в карман брюк, он снял ее с себя.

— Я выложу это.

— Почему именно это?

— Это ценная для меня вещь.
— Вам станет холодно, выдержите?
— Все в порядке.
— Хорошо. Раз вы сказали, что она ценная для вас, выбросьте ее во фьорд, — сказал мужчина и передал ему фотографию.

Ку Дончи положил фотографию в карман зимней куртки. Затем положил в тот же карман куртки еще две находившиеся у него фотографии. Когда он положил их в карман, у него создалось впечатление, словно он совершал какую-то невероятно торжественную церемонию. Он посмотрел на бурлящую белую пену, протянувшуюся длинным шлейфом за кормой. Сквозь пену местами проглядывал темно-зеленый цвет глубины. Ку Дончи бросил во фьорд синюю зимнюю куртку. Пока она летела, ее рукава колыхались на ветру. Фьорд, словно ждавшее пищу живое существо, мгновенно проглотил ее. Экскурсионный пароход быстро плыл вперед. Зимняя куртка постепенно отдалялась и вскоре превратилась в маленькую синюю точку. Мужчина снял висевший на шее шарф и отдал его Ку Дончи.

Содержание

ВАША ТЕНЬ ПОНЕДЕЛЬНИК

0	7
1	9
2	20
3	25
4	32
5	41
6	47
7	54
8	60
9	68
10	76
11	86
12	93
13	100
14	110
15	113
16	117
17	133
18	139

19	.....	148
20	.....	160
21	.....	170
22	.....	179
23	.....	191
24	.....	202
25	.....	209
26	.....	224
27	.....	231
28	.....	237
29	.....	251
30	.....	252

Ким Чжунхёк
ВАША ТЕНЬ ПОНЕДЕЛЬНИК
Роман

Перевод с корейского
Г. Н. Ли

Ответственный редактор
С. В. Смоляков

Корректор
П. И. Гринберг

Художник
П. П. Лосев

Оригинал-макет
М. А. Василенко

Издательский Дом «Гиперион»,
195299 Санкт-Петербург, ул. Киришская, 2А.
Тел./факс: +7 (953) 167-0028
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru
Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

Сдано в набор 12.05.2019. Подписано в печать 20.02.2020.
Усл. печ. л. 14,28. Печать офсетная. Формат 84×108^{1/32}.
Тираж 1500 экз. Заказ № 2885.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в ООО «Контраст», 192029 Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, 38, лит. А.
Тел.: +7 (812) 677-31-19

